

ЗАКОН И ВЛАСТЬ

№2
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Антропоцентризм и разум как принципы концептуализации политического института на классическом этапе эволюции политической мысли. *Егорова В.Г.* 3
- Дихотомия как принцип концептуализации понятия политического института на неклассическом этапе эволюции политической науки. *Онопко Г.В.* 8

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Миротворческая концепция ООН «Обязанность защищать»: что пошло не так? *Коньшев В.Н.* 13
- Современные научные исследования толерантности как социального и политического института. *Гончаров П.К.* 20

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

- Особенности трансформации политической культуры личности в современных условиях общественного развития. *Добровольский И.А.* 25
- Национальная идея как ключевая направленность политической культуры. *Сулимов Н.Ю.* 29

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

- Особенности и функции политического блоггинга в аспекте политической коммуникации в сети Интернет. *Карпенко С.А.* 34
- Классификация манипулятивных техник в политическом блоггинге. *Косаренко Н.Н.* 38

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

- Механизмы и формы урегулирования Кипрского конфликта. *Заславский О.И.* 42
- Политологический анализ исследований современных проблем конфликтологии. *Климов В.Б.* 47

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Вопрос совершенствования терминологии в области обеспечения прав на защиту чести, достоинства, деловой репутации личности. *Бочарова А.Р., Людвиг С.Д.* 50
- Государственные и муниципальные образования как самостоятельные участники гражданских правоотношений. *Чмеленко И.А., Олейник С.А.* 56
- Правовое положение субъектов инвестиционной деятельности. *Хайдаров У.Н.* 59
- Правовые основы государственного регулирования конкурентных отношений. *Гришина В.О., Гришина Н.О., Володина О.В.* 61

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВТВОРЧЕСТВА

- Пути предупреждения нарушений избирательного права граждан России на выборах. *Крысанов А.М., Елинский В.И.* 64

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65005

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ (*гл. редактор*)

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (*зам. гл. редактора*)

Завершинский Константин Федорович, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., директор Саратовского филиала, Институт государства и права РАН

Мартьянов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, РГУПС

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС

Яковлев Александр Юрьевич, д-р полит. наук, зам. заведующего кафедрой государственного и муниципального управления, Институт государственного управления и права, Государственный университет управления

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 15.07.2020
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

- Anthropocentrism and Reason as Principles of Conceptualizing a Political Institution at the Classical Stage of the Evolution of Political Thought. *Egorov V.G.* 3
- Dichotomy as a principle of conceptualizing the concept of a political institution at a non-classical stage in the evolution of political science. *Onopko G.V.* 8

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- UN Peacekeeping Concept "Responsibility to Protect": What Went Wrong?
Konyshov V.N. 13
- Modern scientific research of tolerance as a social and political institution. *Goncharov P.K.* 20

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

- Features of the transformation of the political culture of the individual in modern conditions of social development. *Dobrovolskiy I.A.* 25
- The national idea as a key direction of political culture. *Sulimov N.Yu.* 29

POLITICAL REGIONALISM. ETHNOPOLITICS

- Features and functions of political blogging in the aspect of political communication on the Internet. *Karpenko S.A.* 34

- Classification of manipulative techniques in political blogging. *Kosarenko N.N.* 38

CONFLICTOLOGY

- Mechanisms and forms of settlement of the Cyprus conflict. *Zaslavsky O.I.* 42
- Political science analysis of studies of modern problems of conflict management.
Klimov V.B. 47

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

- The issue of improving the terminology in the field of ensuring the rights to protect the honor, dignity, and business reputation of the individual.
Bocharova A.R., Ludwig S.D. 50
- State and municipal formations as independent participants in civil relations. *Chmelenko I.A., Oleinik S.A.* 56
- The legal status of subjects of investment activity.
Khaidarov U.N. 59
- Legal basis for state regulation of competitive relations. *Grishina V.O., Grishina N.O., Volodina O.V.* 61

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

- Ways to prevent violations of electoral rights of Russian citizens at elections.
Krysanov A.M., Elinsky V.I. 64

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ И РАЗУМ КАК ПРИНЦИПЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА НА КЛАССИЧЕСКОМ ЭТАПЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Егорова Владимир Георгиевич,
д.э.н., д.ист.н., проф., РЭУ им. Г.В. Плеханова, korrka@mail.ru

Средневековый конфликт между христианством и государственностью закончился в пользу последней уже в конце XIV в. иерархия, сформированная из моральных принципов, поддерживаемых лишь духовностью и страхом "небесного" наказания, оказались бессильными в отношении политической природы общества. Социум стремился развить власть, которая на основе гражданского общества создаст государство без теократического отпечатка и введет «умную» жизнь. Кризис средневекового мировоззрения, процесс урбанизации, формирование социального положения мещан, развитие производственной деятельности, образования и науки в XIV–XV вв. сопровождались изменениями в представлениях о человеке, его общественном назначении, а самое главное – состоялось ее идейное освобождение из-под религиозного давления. Грядущая эпоха Возрождения не исключает восходящих положений христианского миропонимания, а лишь меняет в нем акценты. Философы этой эпохи акцентировали на реальной ценности природы и земной жизни человека и констатировали: человеком завершается процесс творения.

Ключевые слова: направление, человеческое бытие, соотношение, отказ, характер.

Ведущее направление ренессансного философствования – гуманистический антропологизм – направлялся на обоснование особого, центрального места человека в иерархии мировых сущностей, на возвышение достоинства человека и сравнения ее в чем-то с Богом. Это – с одной стороны. С другой – гуманисты оправдывали земную природу человека, заботясь о гармонии человеческих качеств и характеристик. Идеи ренессансного мышления концентрировались соотношением человека и мира, то есть вокруг проблемы соотношения макрокосма и микрокосма. В то же время человек был органично вписан в мироустройство. Так, он являлся внутренней сущностью и концентрацией бытия [1, с. 17].

Ренессанс все-таки символизировал «возрождение» античной культуры и стиля политической и общественной жизни, где торжествовал антропоцентризм. Человеческое стремление постичь науку с помощью ума, не испытывая потребности в божественной силе, разрушило самого могущественного феодала этого времени – церковь. Это была окончательный отказ от теоцентризма с целью восстановления светского характера человеческого бытия.

Новое время в Европе, в широком смысле, начался в XV ст. с появлением нового военного буржуазного государства, по суверенитету в отношении церкви и империи, то есть с начала отречения от государств абсолютистского типа, которые чаще всего представляли как системы, где абсолютизм тесно связывался с конфессионализмом. От этого Новое время стало категорически отмежевываться, хотя все предыдущие внутренние силы еще по инерции продолжали в нем действовать и косвенно, и непосредственно. Признаками того периода, которые не стали еще определяющими, было гражданское общество, автономия лица и его способность формировать научную систему знаний. Начиная с XV ст., Новое время лишь постепенно утвердил себя через медленный и достаточно сложный процесс приведения к соответ-

ствию системы политико-социологических формирований (политическая власть, государственные институты, социальная структура) духовному состоянию самой человеческой жизни [2, с. 117].

С позиции Б. Расселла, освобождение от церковного авторитета привело к росту индивидуализма, который стал приравниваться к анархизму. Тем не менее философия Нового времени сохранила преимущественно индивидуалистические и субъективные тенденции [3, с. 26]. Возрождение «культы» разума сформировало появление нового идеала этой эпохи – морально совершенного человека.

Личность в Новое время наделяли целостной системой рационально иррационального мировосприятия, чем представлен мир человеческого бытия. Человек – ценность: вокруг него и ради него выстраивается государство, власть, право, институты. Европейский индивидуализм был формой утверждения личности в социальной и природной средах. Такой статус лица конституирует социум как открытое общество, где каждый человек способен достичь высокого и социально значимого успеха, занять престижное место в обществе вследствие неактуальности некогда значимых факторов самореализации личности. Индивидуализация бытия, определяя ниши интересов и целей относительно действительности, будто сужает ее, сосредотачивая внимание лишь на тех действиях, которые, собственно, полезны ей. Человеческая обыденность Нового времени создает свою вторую сущность: порядок и возможность целостного творческого поиска путей, средств, условий, направленных на реализацию своей свободы как утверждению пространства для трансформации механизма, замкнутости, повседневности [4, с. 55].

Вполне своеобразный новый взгляд на политическую деятельность человека, которая с тех пор отличалась профессионализмом, повседневностью и массовостью. Изменения вызвали различные факторы (буржуазные революции, появление прообразов партий); структурирование системы власти и, вообще, появление среди всей системы свобод по проявлению своих политических интересов и действий. Человек сконцентрировала вокруг себя события, (созидания государства, права, свободы и др.) наполняя их содержанием, став первичным участником политического пространства.

Итак, эпоха Нового времени и одновременно классический этап развития политической мысли отличались утверждением антропоцентризму, в пределах которого человека рассматривают носителем социальной роли и строителем государственного образа жизни. Формировался идеал образованного, творческого, мыслящего, независимого от внешних авторитетов человека – основного субъекта познания

Новое время – не только название очередного периода развития политической науки и исторического этапа развития политической жизни общества. Это – также конституирование личности как

центра научного исследования, отождествление божественного и природного начал, растворение Бога в природе и выведение человека в центр мироздания [5, с. 19]. Средневековая концепция «пошлого человека» уже не имела права на существование. Зато возрождалась традиция роста человеческого достоинства, разрушилось акцентирование на греховности и беспомощности человеческого бытия, не осуждалось стремление к земным удовольствиям, свободы выбора и мирской жизни. Иначе говоря, эпоха Нового времени – это особая традиция мировосприятия, где удачно сочетаются индивидуализм, рационализм и гуманизм.

Политические изменения произошли из-за утверждения на европейском пространстве товарно-денежных отношений и появления новой социальной прослойки – буржуазии.

Античное стремление к общему благу трансформировалось в пользу существования частной собственности и частного интереса. Постулаты социологических концепций, направленные против теоцентризма, провозглашали антропоцентризм и гуманизм. Ренессансный антропоцентризм изучал человека сквозь призму природы, а не Бога, учитывая гармонию, а не веры.

В общественно-политическом измерении новоевропейской истории проблемы собственности и власти обусловили потребность другого способа мышления и инструментов урегулирования прав собственности, доступа к власти. Человеческих добродетелей, что ценили в эпоху Античности, было уже мало в политической жизни Нового времени. Появилась необходимость в инициативности, политической кисти, имущественном владении и умении им распоряжаться. Начиная с XV века, человека рассматривали исключительно как субъекта и участника политической действительности в виде сложного социального образования, сформированного на принципах сотрудничества человека и политических институтов. Сквозь призму ума, инстинктов и сознания, воли и интеллекта политический человек воспринимает, объясняет действительность.

Стереотипное, присущее эпохе Средневековья, оскорбление земного бытия человека перерастает в интерес и исследование социальной природы человека, его потенциал – властный, политический, интеллектуальный, общественный (договорный) в формировании гражданского общества и политического бытия. Кардинальные антропоцентрические изменения в политическом измерении ознаменовались: переосмыслением человеческой природы, которая стала мотивом формирования политического поведения; трансформацией политического человека в политического лидера – он не только специалист своего дела, но и харизматичная личность; признанием разрыва между целями и действиями политического человека; оценением нравственности действий и личностных качеств политика. Изменилось и отношение к политике. В эпоху Античности отношения гражданина и политики основывались на чувстве долга,

стремлении общего блага; зато от Н. Макиавелли отношения между государством и подданными основаны на страхе или любви последних. Важной проблемой, которую рассматривал Н. Макиавелли, стала моральность и аморальность политики. Разделив общество на морально здоровое и испорченное, мыслитель акцентировал на первоочередности государственных интересов, «когда речь идет о существовании или не существовании Отечества...». Политика осмысливается как такая, что требует решительности и отваги в выборе методов и средств политической борьбы по принципу «цель оправдывает средства».

Так, философ Б. Рассел в «Истории западной философии» обобщает «нравственные» и «безнравственные», на его взгляд, аспекты политической доктрины Н. Макиавелли, отмечая:

- из совокупности политических благ можно выделить три важнейших – национальную независимость, безопасность и хорошо составленную конституцию;

- политика охватывает также вопросы ресурсов, в связи с чем безрезультатно достигать политической цели с помощью сомнительных методов;

- успехом является достижение заранее определенной цели;

- для достижения политической цели необходима "сила", зависящая от общественного мнения, которая формируется пропагандой;

- цивилизованные люди являются беспринципными эгоистами, поэтому, правильная линия поведения зависит от населения, среди которого ему предстоит действовать.

Природе нового человека присуще желание властолюбия и корыстолюбия, а следствием низменных страстей людей есть склонность скорее к злу, чем добру. Изменение динамики социальной жизни, совершенствование торгово-экономических отношений, зарождение частной собственности привело к расслоению общества и идентификации человека с социальной группой или государством [6, с. 95]. Увеличение количества социальных институтов и их упорядоченные отношения на началах взаимной ответственности сформировали новый тип личности – политика-специалиста.

В Реформации М. Лютер использовал понятие «призвание» (Beruf), которое отождествлялось с профессиональной деятельностью; впоследствии Ж. Кальвин в собственной доктрине категории «предопределение» связывал избранности индивида с успехами в профессии. С появлением концепции "абсолютного предопределения" Ж. Кальвина, признаки собственной избранности к спасению детерминированы сферой человеческой деятельности. Согласно этому утверждению, жизненное и профессиональное движения свидетельствуют о возможном спасении, а профессия человека – о религиозном призвании, одним из главных способов служения Богу при условии, что профессиональных успех дополнен светским аскетизмом. Это подтверждает, что в классический этап политической науки сформировалась тенденция рассматривать политическую человека в узком смыс-

ле, связывая ее с властью и лидерством, государственным управлением и управлением народными массами.

Не менее важным этапом истории в определении понятия «человек политический» является социально-политическое и идеологическое реформационное движение, направленное против средневековой католической церкви, так сказать, необходимый фактор в подготовке фундамента для разветвления полноценного политического пространства. В этом контексте замечают: протест против католицизма имел совершенно светский характер. В условиях, когда политическая образованность занимала все большее значение в общественной жизни, церковь стала рассматриваться тормозной силой. Подвергалась сомнениям и исключительная духовная миссия церкви. В отличие от церковных традиций и католической обрядности, все большего внимания придавали внутреннему миру человека, духовным глубинам человеческой души, свободе совести [7, с. 194]. Считаем, что это – переломный этап истории, который имел целью не только возродить осмысление перспективы развития человека, но и направить религиозные нормы на внутренний рост человека, не ограничивая ее общественно-политической деятельности. Индивид на фоне реформационного движения становился полноценным участником духовной жизни. Реформация направлялась на то, чтобы духовное и внутриличностное пространство человека формировалось одновременно с социальным. Отмечая главные тезисы М. Лютера, можем с уверенностью утверждать: реформационное движение шло на «реабилитацию» личности, восстановления ее социальной и духовной ценности, стремился понять и объяснить истину, вызволить индивида из-под церковного гнета, унижения и обесценивания человеческой природы. Это несколько сконструировало государство как отдельную общественно-политическую институцию.

Развитие европейской цивилизации основывалось на таких фундаментальных ценностях, как эффективная рыночная экономика, гражданское общество, демократическое правовое государство, упорядоченный образ жизни и духовная культура [8, стр. 404]. С тех пор общественное внимание сосредоточилось на проблеме государства, власти, политической деятельности человека, науки и разума.

Необходимы были эпохальные сдвиги в общественном сознании, связанные с секуляризацией мышления и соответствующим изменением всей системы ценностей. Чем больше человеческий субъект возвеличивался, героизировался и обожался, тем больше ответственности на него возлагалось, поскольку в этом мире он оказывался оставленным на самого себя. Отсюда – стремление рассчитывать на собственные силы, ощущение свободы и оправданное желание организовать собственное общественное бытие соответственно своему пониманию. Иначе говоря, Возрождение несло в себе утопию, ведь абсолютизация богоподобного человека неизбежно вела к поискам со-

вершенного общественного устройства. «Утопия, – утверждает А. Тененти, – уже витает в воздухе кватроченто, вызревая в лоне гуманистической культуры с ее светской направленностью, почти религиозным поклонением человеку и доверием к разуму».

Нерадения существующей политики, по Л. Воробьеву, чувствовал Т. Мора, пытаясь остановить моральную деградацию общества, но уже другими политическими ресурсами. Соответственно убеждениям Т. Мора и Т. Кампанеллы, «большим препятствием на пути к справедливости и счастья становится частная собственность». Унификация социальной и политической жизни человека, в «Утопии» (1516) Т. Мора была законной практикой, что, по мнению Л. Воробьева «демонстрируют незрелость экономических и политических устремлений народных масс этого времени».

Следовательно, социально-политический утопизм концептуально отличался заметным отходом от христианской концепции и акцентировал на природных потребностях человека, находящегося в поиске лучшего социального положения, учитывая свое положение и назначение. Теоретическая концепция «идеального города» – воплощение самых разнообразных требований человека, социальной справедливости и умственных усилий [9, с. 45]. Социальный утопизм предстает в виде антиматериалистического протеста или попытки переассоциирования устоявшихся ценностей общественно-политического устройства.

Литература

1. Мамаева Ю.А. Некоторые проблемы преподавания дисциплины "политология" студентам непрофильных специальностей // В сборнике: Гуманитарное образование: история, традиции, перспективы сборник научных трудов. Елец, 2017. С. 16-19.
2. Мамаева Ю.А. Проблемы преподавания дисциплины "политология" для студентов непрофильных специальностей // В сборнике: Всегда ваш В А: памяти Виктора Абрамовича Сыркина Сборник, посвященный памяти и научному наследию кандидата исторических наук, доцента В. А. Сыркина. Глазов, 2019. С. 115-117.
3. Марин Е.Б. Электоральная культура студенческой молодежи Владивостока // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 25-32.
4. Новиков М.Р. Применение моделей теории игр для анализа и прогнозирования политических процессов // В сборнике: Аналитические технологии в социальной сфере: теория и практика Сборник студенческих работ. Кафедра «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2019. С. 55-58.
5. Очеретяный А.А. К вопросу о политологии как науке // Вопросы политологии. 2016. № 1 (21). С. 18-30.
6. Прокопенко М.В. Использование метода проектов в обучении высшей математике студен-

тов гуманитарных специальностей // В сборнике: Интегральные и дифференциальные парадигмы развития науки и практики России Сборник научных статей по итогам Национальной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский Центр Системного Анализа. 2018. С. 95-99.

7. Радина Н.К. Онлайн-петиция в междисциплинарных полях и на теоретических перекрестках: политология и лингвистика // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 193-208.

8. Салькова И.И. Контент-анализ как релевантный метод исследования // В сборнике: Языки и культуры материалы международной научно-практической конференции. Костромской государственной университет, Гуманитарный институт Северо-Восточного педагогического университета. 2019. С. 402-407.

9. Чугров С.В., Карелова Л.Б. Специфика и основные тренды политической идентичности японцев: по материалам опросов общественного мнения 1998-2019 г.г. // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 38-55.

10. Эралиева А.З. Исторические этапы становления имиджа Кыргызстана // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. 2019. № 3 (49). С. 93-96.

Anthropocentrism and Reason as Principles of Conceptualizing a Political Institution at the Classical Stage of the Evolution of Political Thought

Egorova V.G.

REU G.V. Plekhanov

The medieval conflict between Christianity and statehood ended in favor of the latter already at the end of the 14th century. The hierarchy, formed from moral principles, supported only by spirituality and the fear of "heavenly" punishment, turned out to be powerless in relation to the political nature of society. The society sought to develop a government that, on the basis of civil society, would create a state without a theocratic imprint and would introduce a "smart" life. The crisis of the medieval worldview, the process of urbanization, the formation of the social position of the bourgeoisie, the development of industrial activity, education and science in the XIV-XV centuries. were accompanied by changes in ideas about a person, his social purpose, and most importantly, her ideological liberation from religious pressure took place. The coming Renaissance does not exclude the ascending principles of the Christian worldview, but only changes the accents in it. The philosophers of this era focused on the real value of nature and the earthly life of man and stated: man completes the process of creation.

Key words: direction, human being, correlation, refusal, character.

References

1. Mamaeva Yu.A. Some problems of teaching the discipline "political science" to students of non-core specialties // In the collection: Humanitarian education: history, traditions, prospects, collection of scientific works. Yelets, 2017. S. 16-19.
2. Mamaeva Yu.A. Problems of teaching the discipline "political science" for students of non-core specialties // In the collection: Always yours in A: in memory of Viktor Abramovich Syrkin Collection dedicated to the memory and scientific heritage of the candidate of historical sciences, associate professor V. A. Syrkin. Glazov, 2019. S. 115-117.
3. Marin E.B. Electoral culture of student youth in Vladivostok // Socio-political sciences. 2017. No. 4. S. 25-32.
4. Novikov M.R. The use of game theory models for the analysis and forecasting of political processes // In the collection: Analytical technologies in the social sphere: theory and practice Collection of student works. Department "Information Analytics and Political Technologies" MSTU named after N.E. Bauman, Research Center for National Security Problems. 2019. S. 55-58.

5. Ocheretyaniy A.A. On the question of political science as a science // Questions of political science. 2016. No. 1 (21). S. 18-30.
6. Prokopenko M.V. The use of the project method in teaching higher mathematics to students of humanitarian specialties // In the collection: Integral and differential paradigms of the development of science and practice in Russia Collection of scientific articles based on the results of the National Scientific and Practical Conference. St. Petersburg Center for System Analysis. 2018.S. 95-99.
7. Radina N.K. Online petition in interdisciplinary fields and at theoretical crossroads: political science and linguistics // Communicative studies. 2018. No. 4 (18). S. 193-208.
8. Salkova I.I. Content analysis as a relevant research method // In the collection: Languages and cultures materials of the international scientific and practical conference. Kostroma State University, Humanitarian Institute of the North-Eastern Pedagogical University. 2019.S. 402-407.
9. Chugrov S.V., Karelova L.B. Specificity and Main Trends of the Political Identity of the Japanese: Based on Public Opinion Polls 1998-2019 // Sociological journal. 2019.Vol. 25.No. 4.P. 38-55.
10. Eralieva A.Z. Historical stages of the formation of the image of Kyrgyzstan // Bulletin of the Bishkek Humanitarian University. 2019. No. 3 (49). S. 93-96.

ДИХОТОМИЯ КАК ПРИНЦИП КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА НА НЕКЛАССИЧЕСКОМ ЭТАПЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Онопко Григорий Васильевич,
канд. полит. наук, доц. УГАТУ, gv_onopko@mail.ru

Концептуализация понятия «человек политический» в политической науке, как мы уже упоминали, детерминируется социально-политической, экономической и культурной реальностью. Дialeктическая связь между человеком и политико-социальным миром предстает, с одной стороны, в направлении человека и формировании ее сущностного наполнения, с другой – в выявлении политического. Мы рассмотрим человека как создателя институциональной составляющей политической действительности и воздействие той действительности на политическую природу индивида. Ведь понятие «человек политический» – не абстрактная конструкция, оно обусловлено поливариантностью понятий «человек» и «политика», сущность которых меняется в условиях трансформации общественно-политической реальности. Большие изменения, которые имели место в духовной жизни Европы на рубеже XIX–XX вв., характеризовались привлечением широких народных масс к политике и формированием тоталитарных (большевистского, фашистского и национал-социалистического) движений.

Ключевые слова: народные массы, руководство, политология, действительность, политическая школа, идеи.

Первая мировая война показала значительные возможности моральной мобилизации масс в защиту государства в виде непреодолимой политической силы и символа национального единства, постижения единства руководства государством, просвещения масс и пропаганды как орудия власти [10, с. 544].

И действительно, неклассический этап в становлении современной политологии отличался фундаментальными изменениями социально-политической действительности, которые еще не были свойственны классическому периоду политического знания, хотя зарождение политических идей и направлений наблюдалось уже тогда. Мы же подробнее остановимся на периоде от начала XX века до его середины, что характеризуется противостоянием доктрин либерализма и тоталитаризма и в теории, и на практике.

Прежде всего отметим: начало XX века. – этап возрастания роли политики и ее влияния на другие сферы жизни общества, становление индустриального общества, общей демократизации в Европе, формирования общественных структур, политических институтов, а самое главное – рост уровня политической активности населения. Формирование политологических школ и расширение их научной базы в этот период не могло оставить без внимания идеи, модели и нормы этой политической эры – новой политической реальности. Последняя, в контексте политических изменений, отличалась появлением массовых политических партий, заинтересованных во влиянии и властных позициях, развитии новых средств массовой информации, способных изменить общественное сознание масс.

Проблема человека, с учетом общественно-политического контекста первых десятилетий XX в. и проблематики политической науки заключалась в необходимости понимания, каким образом и кто на самом деле руководит обществом. Это стало толчком к развитию политических теорий, которые начали исследование дифференциации общества, в результате чего политическая сущность человека рассматривалась сквозь призму соотношения понятий «элита» – «масса» и субъект-объектных политических отношений.

Модерновый человек в рамках неклассического периода осмысливается с учетом двойственной природы и социально-политической, и физиопсихологической. С одной стороны – это человек с особым воспитанием, надлежущими знаниями, самая производительная и способный в различных

сферах деятельности, с «высоким индексом» в своей деятельности (Г. Моска и В. Парето). Ему присущи харизма (М. Вебер), Эрос – желание жизни (Р. Фрейд) и садистские тенденции (Э. Фромм). Как следствие, он испытывает внутреннюю потребность внимательно относиться к определенным целям и принципам, выдвигая к себе строгие требования. С другой стороны – это человек один из большинства; представитель низших слоев населения. Она не отличается высокими способностями, физическим или умственным потенциалом; ему присущи потребность в авторитете и подсознательное стремление подчиняться нормам и законам, установленным властью (З. Фрейд). У него преобладает начало смерти (танатос) и восприятие насилия как блага (З. Фрейд). Он имеет мазохистские механизмы, способствующие защите, предотвращению изоляции и покорению (Э. Фромм). Массовый человек находится в состоянии захвата собой (Х. Ортега-и-Гассет), хочет быть обманута (Р. Генон). Итак, взаимосвязь «человек – политика» предстает как проблема субъект-объектных отношений, когда субъектом политики является источник социально-политической активности индивида и политическая деятельность, а объектом политики – политическая пассивность и безволие.

Направление западноевропейской политической науки начала XX в. несколько обусловлено изменением "старой доброй Европы" на современную современную Европу. Крах существующих социально-экономических систем привел к смене элит и появления новых типов политиков. В работе «Призвание к политике» (1919) Н. Вебер пытался понять, что это за люди и почему они участвуют в политике. Веберовский политик «должен быть способным к преодолению тщеславия, что равняется дистанцированию от себя самого, и к избежанию двух смертельных грехов политика: безразличия к сути дела и безответственности» [9, с. 145].

Кстати, М. Вебер положительно воспринимал сущность политики, в отличие от одного из его кумиров – Н. Макиавелли, который четко осознавал, что «политика – дело грязное». Хотя и у М. Вебера прослеживаем утверждения: «кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совсем другие задачи – такие, которые можно решить только с помощью насилия». В научных источниках М. Вебер не использует понятия «человек политический», но можно утверждать: ученый расширяет границы политики на понятийном уровне, что имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству и политики как сферы человеческой деятельности [7, с. 37]. Концептуализация природы политической человека у Г. Вебера опосредуется рассмотрением взаимоотношений индивида и власти по критериям профессионализма, мотивов и интенсивности политического участия. То есть политическим понимается человек, который является либо профессиональным политиком (стремится влиять на перераспределение власти), либо полити-

ком "по случаю" (действует в избирательном процессе, митингах), либо политиком "по совместительству" (эпизодическое участие с целью решения определенных проблем).

В контексте осмысления политической и социальной природы человека на внимание заслуживает культурно-центристская позиция Х. Ортеги-и-Гассета, освещена в «Бунте масс» (1930). По его словам, – это время появления «нового типа» человека, которого не существовало до начала XX в., – массового человека. Такой феномен повлек социокультурный кризис европейского сообщества, сформировавшаяся в XX в. хотя он был следствием изменений предыдущих эпох. Однако кризис все-таки связана со стремлением массового человека к самовыражению и самореализации, несмотря на недостаток квалификации и способностей. Это связано, по Х. Ортегой-и-Гассету, с одной стороны, с идеей о равенстве естественных прав человека, ростом качества жизни, доступом к ранее ограниченным вещам и товарам, а с другой – с либеральной демократией, развитием науки и техники. Человек, будучи «ослепленным» идеалами, навязанными еще с XVIII–XIX в., подвергся актуальному в начале XX в. материализму и техницизму, ставшим причиной «перенасыщения» и «отделению» индивидов, утрате последними желания сосуществовать.

«Массовый человек» Х. Ортега-и-Гассет определяет как субъекта современных социально-массовых явлений. Для него свойственны жажда социального подъема, стремление к расширенному паразитарному потреблению, у нее ограниченные культурные потенции и потребности. Вследствие этого, нарушение «динамического равновесия» между массой и элитой, повлекшее деградацию всех общественных сфер бытия – политической, культурной, экономической, социальной [6, с. 61].

Проблема политики проявилась в вытеснении представителей квалифицированных меньшинств и выдвижении массой «себе подобных» политиков. Власть такого типа руководствуется преимущественно потребностями сегодняшнего дня, игнорируя планы на будущее и возможное нарастание конфликта, довольствуясь лишь временными благами. Это – одно из проявлений, по мнению Т. Адорно, М. Горкгаймера, Г. Маркузе, превращение классового буржуазного общества в XX в. на бесклассовую систему. Ученые обеспокоены кризисом общественного и человеческого бытия и, определяя индустриальное общество как технократическое и потребительское, утверждают, что культурная унификация, снижение критического мышления и дальнейшее стирание грани между частным и публичным способами жизни приведут к появлению тоталитаризма.

Социальный и культурный контексты общего образа передового человека, в рамках неклассической политической науки, лишены таких характеристик, как «индивидуальность» и «личность», вместо этого используют понятие «тождество» и «бескультурие». Поэтому тождество для

массового человека было гарантом приличия, удобства и безопасности. Например, главной особенностью массового человека начала XX в. стало «нежелание основательно оценить себя, вследствие чего она чувствует себя «такой, как все», но «тем не переживает и даже довольна чувствовать себя тождественной с другими». Проблема массового человека возникает на основе реализации краткосрочных и примитивно-«модных» стремлений, размывающих индивидуализацию, вызывают быструю трансформацию целей. «Погоня» за новыми благами повлияло на критический потенциал индивида, который теряет способность к объективной переоценке реальности и осмысление собственного значения в ней.

Важное эволюционное достижение передового человека – наличие собственных «идей» касательно чего-либо и отсутствие культуры, хотя это еще не свидетельствует эволюционного прогресса. Х. Ортега-и-Гассет акцентировал на появление у «среднего человека» (тоже массового) умозрительных суждений о политике или искусстве, неизменных представлений обо всем, что происходит и должно происходить в действительности. Ведь, с точки зрения мыслителя, современный человек «отучилась слушать... и все ответы находит сам в себе... Нет никакого смысла выслушивать, и, напротив, куда естественнее судить, решать, выносить приговор» [7, с. 37]. Поэтому считаем, что проблема ортеговского человека возникает в корреляции субъективного и объективного миропонимания, которое переросло в абсолютное игнорирование последнего.

Итак, массовизация стала первопричиной создания в политической науке концепта "новый человек", характеризующегося утратой индивидуальности из-за приобретения групповых идентификаций. Противостояние человека элиты и человека массы отразилось в политической науке формированием элитарных теорий и теорий толпы.

Новое массовое общество возникло в среде, где не согласовывались интересы и потребности его членов. Соответственно социум начала XX в. превратился в поляризованную систему ценностей большинства (массы) и меньшинства (элиты). Придерживаясь целостного представления о массовом человеке, ученые однозначно акцентировали, что именно массовый человек-главная причина и субъект создания массового типа политической культуры. Вполне понятно, что политика вследствие расширения количества участников политического процесса, в частности членством в политических партиях, выборах и акциях протеста. Человек массы, будучи политическим участником, переносит на природу политического свои индивидуально-психологические характеристики, политические ценности и предпочтения, потребности и интересы (они в начале XX века. имели характер материалистических, потребительских) и таким образом трансформирует ее в массовую.

В 20-х годов XX в. в отдельных капиталистических странах Европы начали формироваться поли-

тические системы, где установились репрессивные однопартийные режимы, возглавляемые сильными лидерами. Одной из причин трансформаций политических систем является способность масс легко избавиться от части свободы ради благ, реальных или потенциальных на пользу государства. Снижение политической активности и превращение большого количества граждан в электорат, который либо игнорирует выборы, либо бездумно отдает "голос", доверяя официальной пропаганде, относится к факторам утверждения тоталитаризма. Исследовательница Л. Пахарь констатирует: «Обычный гражданин... превратился в функциональную единицу с определенной управляемой программой действий» [5, с. 6]. Первыми начали утверждать этатизм и тоталитаризм Италия, Германия и СССР, правление которых стремилось к всестороннему контролю над обществом и распространению антитрадиционализма.

В связи с этим тоталитаризм возникал одновременно феноменом XX века. и главной проблемой политической науки, предметом исследования и европейских, и американских политических ученых. Среди множества дефиниций, высказанных относительно сущности тоталитаризма, научный статус и определение термина «тоталитаризм» утвердился на политологическом симпозиуме, организованном в США в 1952 г. По официальному определению тоталитаризм считался закрытой и неподвижной социокультурной и политической структурой, где все действия направляются и контролируются из единого центра. В разведке «Источники тоталитаризма» Х. Арентд определила его "элементы" – антисемитизм, распад государства-нации, расизм, империализм, союз между капитализмом и массами, влечение элиты в союз с "толпой".

Ученые придерживаются взгляда, что человечество в условиях XX в. не смогло бы противостоять появлению тоталитарных систем из-за появления общего кризиса общества. Последний, вызванный декларацией общества, противопоставлением индивидуального и коллективного интересов, централизацией экономической и социальной жизни, определил появление сильного государства – центра планирования и регламентации всей жизни. Абсолютный контроль государства над общественно-политической жизнью практически реализовался вследствие роста экономики, распространению телекоммуникационных технологий и средств массовой информации. Все это способствовало эффективному применению манипулятивных методов и пропагандистских идей, с одной стороны, и обеспечению массовой поддержки харизматичного лидера – с другой.

Исследователь П. Рикер в предисловии к труду Х. Арентд отмечал, что автор стала свидетелем «зарождения беспрецедентной политической цели: атомизированная и аморфная масса, собственно, сфабриковано организацией», а главным инструментом последней возникает «фикция, которую распространяет пропаганда и террор, фик-

ция про полное подчинение законам Природы – в нацизме или законам Истории – в сталинизме».

Начало XX в. отличалось разворачиванием индустриальных модернизационных процессов, способствовавших трансформации политической власти, ее инструментария, технологиям и способам легитимации. Несомненно, эти изменения коснулись и общества в целом, и человека в частности. По К. Лефорту, общество современной эпохи, периода модерна – это общество, лишенное любой позитивной детерминации, общество, характеризующееся распадом «признаков подлинности», когда никто в общественных делах не может быть воплощением власти, закона, знания [4, с. 978].

Прежде всего, возникла проблема самоидентификации человека в современном политическом бытии. С точки зрения представителей социальной философии А. Камю, Е. Канетти, Х. Ортеги-и-Гассета, это связано с отчужденным положением индивида и его страхом потерять собственное «Я», спровоцированным давлением политического в социальное, что П. Рикер определил как «страшный эксперимент системы».

Такая ситуация возникла потому, что в XX в. "нейтральное" государство XIX в., которое, по утверждению К. Шмитта «царствует, но не правит», изменило "тотальное" государство. В последнем не осталось ни одной сферы общественной жизни, что так или иначе не испытала бы влияния государства. Иначе говоря, в условиях массовых демократий XX в., когда государство и общество пронизывают друг друга, государство теряет монополию на политическое.

Исследуя «принципиально новый массовый феномен – человека политическую», Ю. Левада, замечает отсутствие в рамках советской системы и политики как особой сферы общественной деятельности и человека как субъекта политической со всеми вариантами его ролей. Политическая роль массового человека уподобилась, в лучшем случае, даже не к роли «зрителя», а "клакера". Последний – исполнитель роли ритуального одобрения действий политических лидеров. Вследствие этого начал формироваться образ новой простого человека, оказывалась безупречным исполнителем государственной воли. Природа политического человека сквозь призму тоталитарной системы управления подменена человеком «мобилизованным и призванием» к служению властным структурам.

Подобной позиции придерживается также К. Гаджиев, определяя политического человека таким, как:

- полностью обожает себя с властью;
- ограничен в социальном и политическом сознании;
- поглощен фанатичной верой в вождей;
- лишен выбора;
- исповедует навязанные сверху стандарты и принципы.

С позиции К. Шмитта, в понятие «политики» в середине XX века, собственно, и укладывается смысл об нарастания человеческих противоречий

и подъем их интенсивности до стадии противоборства больших групп людей по принципу «свой» и «чужой/враг». Образ «врага» формирует идею политического (коллективного) единства и основу для массовой консолидации, выполняя таким образом мобилизационную функцию.

Согласно определению функции как наглядного следствия, способствующего адаптации и приспособлению политической системы, Р. Мертон рассмотрел особенности показательных публичных процессов над "врагами народа", в советской тоталитарной системе. Ученый имел целью проанализировать влияние конкретных политических явлений на сознание и жизнь человека и функции, которые кроме явной (первоочередной) они осуществляли.

Литература

1. Акунченко Е.А. Коррупция и коррупционная преступность в избирательном процессе // Право и политика. 2018. № 8. С. 28-42.
2. Воскресенская Н.Г., Кузнецова Н.А. Педагогические методы и креативные технологии формирования некоторых общих и профессиональных компетенций магистров-политологов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 134-138.
3. Кошмаров М.Ю. Пропаганда как инструмент создания нового общественного договора // Право и политика. 2019. № 11. С. 84-96.
4. Новиков А.Л., Новикова И.А. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 977-989.
5. Окунев И.Ю. География международных отношений: структура и элементы мирового политического пространства // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. Т. 13. № 3. С. 5-16.
6. Право и управление. XXI век. 2018. № 2 (47). С. 60-69.
7. Сидорова Г.М. Политическая оппозиция в демократической Республике Конго: акторы, ресурсы и стратегии борьбы // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. Т. 13. № 3. С. 36-43.
8. Склизкоухих Д.М. Антироссийские экономические санкции как инструмент политического давления // В сборнике: Особенности государственной политики России в условиях санкций седьмая межвузовская научно-практическая конференция. Академия гражданской защиты МЧС России. 2019. С. 265-281.
9. Феклистов М.В. Доминанты эффективного развития внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС в условиях процесса глобализации // Вопросы управления. 2017. № 4 (47). С. 144-151.
10. Шереги Ф.Э. Политика как социальный институт // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2019. № 4. С. 543-565.

Dichotomy as a principle of conceptualizing the concept of a political institution at the non-classical stage of the evolution of political science

Onopko G.V.

USATU

The conceptualization of the concept of "political person" in political science, as we have already mentioned, is determined by socio-political, economic and cultural reality. The dialectical connection between man and the political and social world appears, on the one hand, in the direction of man and the formation of its essential content, on the other, in the identification of the political. We will consider a person as the creator of the institutional component of political reality and the impact of that reality on the political nature of the individual. After all, the concept of "political man" is not an abstract construction, it is due to the polyvariety of the concepts "man" and "politics", the essence of which changes under the conditions of transformation of social and political reality. The great changes that took place in the spiritual life of Europe at the turn of the 19th and 20th centuries were characterized by the attraction of broad popular masses to politics and the formation of totalitarian (Bolshevik, fascist and national socialist) movements.

Key words: popular masses, leadership, political science, reality, political school, ideas.

References

1. Akunchenko E.A. Corruption and corruption crime in the electoral process // *Law and Politics*. 2018.No. 8.P. 28-42.
2. Voskresenskaya N.G., Kuznetsova N.A. Pedagogical methods and creative technologies for the formation of some general and professional competencies of masters-political scientists // *Bulletin of Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2018. No. 4 (52). S. 134-138.
3. Nightmarov M.Yu. Propaganda as a tool for creating a new social contract // *Law and Politics*. 2019.No. 11.P. 84-96.
4. Novikov A.L., Novikova I.A. Ethnic stereotypes in the context of intercultural communication: psychological and semantic aspects // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2019.Vol. 10.No. 4.P. 977-989.
5. Okunev I.Yu. Geography of international relations: structure and elements of the global political space // *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*. 2019.Vol. 13.No. 3.P. 5-16.
6. *Law and governance. XXI Century*. 2018. No. 2 (47). S. 60-69.
7. Sidorova G.M. Political opposition in the Democratic Republic of the Congo: actors, resources and strategies of struggle // *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*. 2019.Vol. 13.No. 3.P. 36-43.
8. Slimy-eared D.M. Anti-Russian economic sanctions as an instrument of political pressure // In the collection: *Features of Russian state policy under sanctions, the seventh interuniversity scientific and practical conference. Academy of Civil Protection EMERCOM of Russia*. 2019.S. 265-281.
9. Feklistov M.V. Dominants of effective development of foreign economic relations of the Central Federal District regions with the EAEU countries in the context of the globalization process // *Management Issues*. 2017. No. 4 (47). S. 144-151.
10. Sheregi F.E. Politics as a social institution // *Education and science in Russia: state and development potential*. 2019. No. 4. S. 543-565.

МИРОТВОРЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ООН «ОБЯЗАННОСТЬ ЗАЩИЩАТЬ»: ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК?

Коньшев Валерий Николаевич

доктор политических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Konyshev06@mail.ru

В статье изучаются концептуальные и практические проблемы миротворчества ООН на современном этапе. В центре внимания авторов находится концепция «обязанность защищать», которая пришла на смену «гуманитарной интервенции». При разработке новой концепции в ООН так и не удалось преодолеть существенные недостатки содержательного, правового и институционального характера, которые по-прежнему снижают эффективность миротворческих операций. В выводах предлагаются возможные шаги для ухода от негативного сценария дальнейшего развития миротворчества.

Ключевые слова: миротворчество, ООН, обязанность защищать, гуманитарная интервенция

Введение

Появление концепции ООН «обязанность защищать», которая пришла на смену «гуманитарной интервенции», было связано с объективной необходимостью усовершенствовать механизм миротворчества. Назрел целый комплекс проблем концептуального, институционального, организационного и правового характера. Несмотря на огромные усилия ООН и расширение миротворческих миссий, их итоговая эффективность продолжает падать. Это продолжается, несмотря на объективную заинтересованность многих стран и международных организаций в том, чтобы урегулировать региональные конфликты и снизить количество жертв, среди которых подавляющая часть – гражданское население. В статье изучаются проблемы, с которым сталкивается миротворчество, и причины неудач при реформировании деятельности ООН, связанные с развитием концепции «обязанность защищать».

Особенности современных конфликтов и проблемы миротворчества

Начало XXI века сопровождалось нарастанием хаоса в международных отношениях, ставшее по большому счету следствием распада биполярной системы. Формирование нового мирового порядка идет в направлении многополярности. Нарастание хаоса проявляется в обострении старых конфликтов, которые на время были «заморожены» доминированием двух супердержав, в перераспределении сфер влияния между другими участниками международной политики, в появлении быстроразвивающихся государств, которые потеснили традиционные великие державы, в смене парадигмы социально-экономического развития во многих государствах в пользу либеральной демократии, которое нередко сопровождается негативными потрясениями для общества.

На эту эволюцию накладывает отпечаток более общая тенденция мирового развития – глобализация. Она несет с собой дилемму для каждого государства в виде выбора между выгодами от участия в глобальных экономических отношениях, с одной стороны, и уступкой части суверенитета, с другой, поскольку глобализация требует открытия границ для свободного передвижения товаров, капиталов и людей. Обратная тенденция – фрагментация – проявляется в стремлении групп государств замкнуть экономические отношения внутри региона, чтобы избежать неуправляемости в экономической жизни, которая неизбежно порождается потенциально неограниченной свободой рынка.

Данное исследование поддержано грантом Российского Фонда Фундаментальных Исследований № 20-514-22001

Современная эпоха «переформатирования» практически всех сфер международных отношений и внутригосударственной политики сталкивается с несоответствием системы международного права и реальных политических процессов, эрозией системообразующего принципа суверенитета. Таким образом, воспроизводятся условия для возрождения старых и возникновения новых конфликтов.

Современные военные конфликты имеют ряд особенностей, которые повышают риски для гражданского населения. Они все чаще начинаются не между государствами, а внутри государств. Противоборствующие силы не всегда имеют ясные политические цели (сводя их к абстрактным популистским лозунгам и идеям) и устойчивую социальную базу в обществе. Такие конфликты могут постепенно вовлекать в себя другие государства и пересекать границы, не имея четкой пространственной локализации. Участниками боевых действий оказываются не только регулярные вооруженные формирования, подчиненные государству, но и различные военные формирования местной самообороны, общественных движений, радикальных религиозно-этнических организаций, преступных и террористических организаций, отрядов наемников, подразделений специальных служб иностранных государств. С точки зрения используемых средств современные конфликты отличает самый широкий спектр действий, включая инструменты «жесткой» и мягкой силы, асимметричные действия и действия, выходящие за рамки международных правил ведения войны, включая террор против мирного населения. В конфликтах, происходивших в Азии и Африке, женщин и детей нередко принуждали непосредственно к участию в боевых действиях, а продажа соотечественников служила одним из источников для закупок оружия¹. Но поскольку международное право ориентировано на государство как главного субъекта политики, призвать или привлечь к ответственности за преступные действия негосударственных акторов оказывается довольно сложно.

Но не только участие в конфликте негосударственных субъектов политики увеличивает риски для гражданского населения. Государства также могут использовать в качестве мишени часть общества с тем, чтобы заставить противоборствующую сторону пойти на уступки или капитулировать.

Так действовали в 1999 г. США и силы НАТО в бывшей Югославии, уничтожая бомбардировками объекты инфраструктуры жизнеобеспечения, чтобы вызвать у населения недовольство режимом С. Милошевича и вынудить последнего сдаться. Такой же прием был применен США при разгроме Ирака в 2003-2004 гг., когда бомбардировками и артобстрелами городов Фалуджи и Самарра американцы пытались вызвать недовольство населения режимом С. Хусейна. О сознательном провоцировании гуманитарных проблем говорится в до-

¹ Ерохина Л.Д. Формы эксплуатации населения в условиях военных конфликтов: военная проституция и торговля // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. – С.110-111.

кладе специального представителя Комиссии ООН по правам человека Поля Ханта. Он потребовал официального расследования действий коалиционных сил во главе с США по обвинениям в том, что они вели беспорядочный огонь по гражданскому населению; не пускали раненных иракцев в госпитали; не давали возможности врачам оказывать помощь раненым ни в госпиталях, ни за их пределами; не позволяя выносить оборудование и медикаменты; занимали госпитали, блокируя их деятельность; обстреливали медицинские учреждения².

Украина с 2014 г. пользуется методами террора в отношении своих бывших сограждан в Крыму после его присоединения к России по итогам референдума, организуя диверсии на гражданских объектах путем засылки диверсионных групп. Была отключена подача воды и электроэнергии на гражданские объекты Крыма (которая осуществлялась с территории Украины), чтобы на фоне проблем добиться протестов населения против вхождения в состав России.

На Донбассе, который все еще входит в состав Украины, киевские власти применяют как террор, так и регулярные войска против собственных граждан, которые изначально требовали лишь элементы самоуправления и культурно-языковой автономии. Путем обстрелов мирного населения и систематического разрушения инфраструктуры правительство Украины стремится настроить население против ополченцев и вернуть Донбасс под свой контроль. По данным ООН, за время конфликта на Украине с апреля 2014 по ноябрь 2017 г. было убито 10303 чел., из них гражданских 2523 чел., что составляет 24% от всех жертв. К этому следует добавить количество пропавших без вести, которое оценивается в 1000-1500 чел.³ Примерно для 3.4 млн. чел. требуется гуманитарная помощь и защита⁴.

В Сирии сложилась еще более сложная ситуация, когда в военный конфликт, начавшийся как гражданская война, вмешались другие государства и террористические организации. Резолюция по Сирии в СБ ООН, направленная на организацию внешнего вмешательства, вызвала острые дебаты и была заблокирована по инициативе России. Отряды террористов при поддержке спецслужб отдельных государств создавали гуманитарные проблемы для того, чтобы по линии ООН обвинить в этом режим Б. Асада и в итоге отстранить его от власти. Проблема миротворчества усугублялась тем, что одна из сторон – террористы – не является субъектом международного права, что делает

² Special rapporteur on right to health calls for independent enquiry into humanitarian crisis in Falluja 3 May, 2003 <http://newsarchive.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=2149&LangID=E> (доступ 29.01.2018)

³ Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 августа – 15 ноября 2017. С.10. // http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UAReport20th_RU.pdf (доступ 29.01.2018)

⁴ Ukraine Humanitarian Needs Overview 2018 <https://www.humanitarianresponse.info/en/node/156653>

невозможным урегулирование. Плюс к этому некоторые государства (например, США или Турция) не имели законных оснований на военное вмешательство в конфликт. Только по приблизительным оценкам ООН, около 500 тыс. сирийцев было убито в ходе конфликта⁵.

Таким образом, главная отличительная черта современных конфликтов в перспективе гуманитарных проблем состоит в том, что жертвы гражданского населения становятся не «издержками» боевых действий, а рациональной частью планов противостоящих сторон. Тем самым создаются условия для политизации темы защиты прав человека, когда под флагом реальных проблем преследуются прагматические интересы участников конфликта или внешних сил, заинтересованных в определенном исходе событий. Далеко не случайно США и их союзники пытаются, начиная с 1990-х гг. и по настоящее время повлиять на миротворческую деятельность ООН в собственных интересах, например, для смены неугодных режимов.

От «гуманитарной интервенции» к «обязанности защищать»

Реакцией на рост малоуправляемых военных конфликтов в постхолодном мире, который сопровождался увеличением жертв гражданского населения и низкой эффективностью миротворческих миссий ООН, стало появление концепции «гуманитарной интервенции» по инициативе и при прямой поддержке развитых западных государств. В ее основе лежит идея о том, что права личности или общественной группы важнее интересов общества или государства в целом, это своего рода «высший закон». На практике концепция означает угрозу или прямое применение силы против государства, на территории которого происходят массовые и грубые нарушения основных прав граждан. При этом западные страны оставляли за собой право определять, что вкладывать в каждом случае в понятие прав человека или меньшинств и когда ситуация достигает критического уровня, требующего вмешательства.

Доктрина «гуманитарной интервенции» стала выражением западного неолиберализма 1990-х гг., согласно которому было необходимо ускорить волну демократизации в мире и реформировать оставшиеся недемократические режимы. Поскольку они не рухнули сами собой, а даже демонстрировали устойчивую живучесть, западная политическая мысль воспринимала их как вызов либерально-демократической модели мироустройства, о решительной победе которой было заявлено после окончания «холодной войны». Считалось, что «добивать» остатки прежнего мира в лице авторитаризма и тоталитаризма можно любыми средствами, поскольку они фактом своего существования выводили себя за «цивилизованные», следо-

вательно и правовые рамки. Это и открывало путь и «гуманитарным интервенциям», и «цветным революциям».

Впервые о допустимости «гуманитарных интервенций» заявлено в резолюции СБ ООН № 688 от 5 апреля 1991 г., согласно которой союзным силам, действовавшим против режима С. Хусейна, разрешалось создавать в Ираке зоны запрета для полетов иракской авиации над своей территорией с целью защиты от нее гражданского населения. В своем докладе Генеральный секретарь Бутрос Бутрос Гали отмечал, что принцип невмешательства отныне не должен рассматриваться как защитный барьер, «за которым систематически и безнаказанно нарушаются права человека»⁶.

Механизм легитимации «гуманитарной интервенции» состоял в замене правовых оснований на апелляцию к принципам справедливости и гуманизма. Важным поводом для этого стали трагические события в Раунде в 1994 г., когда в условиях гражданской войны за три месяца было уничтожено около 20% населения (до 1 млн. чел.) при неспособности миссии ООН остановить события. Отсюда появился тезис, что военное вмешательство следует считать легитимным для случаев, когда необходимо предотвратить геноцид на национальной, религиозной, идеологической почве или не допустить ситуацию гуманитарной катастрофы. С отсылкой к недостаточной эффективности ООН, с одной стороны, и к необходимости предотвратить массовые жертвы, с другой стороны, сторонники «гуманитарной интервенции» полагали, что согласие страны или санкции ООН на военное вмешательство не обязательны.

Такой механизм легитимации порождает серьезную правовую коллизию, поскольку каждое подобное решение означает нарушение суверенитета государства, размывая главный принцип международного права и Устава ООН. Как показала практика «гуманитарной интервенции» в Косово в 1999 г., убедительные доказательства в ООН стали подменяться попытками воздействия на массовое сознание через контролируемые ведущими державами СМИ, которые имеют глобальную по охвату аудиторию. Актуальность срочного силового вмешательства продавливается под флагом «сохранить людей от массовой гибели или страданий». Война преподносится как необходимое средство установления идеалов мира и справедливости, заменяя институты международного права. В итоге «гуманитарная интервенция» в Косово была проведена силами НАТО без санкции СБ ООН.

Практика «гуманитарных интервенций» дискредитировала себя, практически во всех случаях (Сомали, Косово, Гаити, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуар), т.к. за вторжением следовало восстановление порядка, оказание помощи и привод к власти нового правительства. Однако смена вла-

⁵ В ООН назвали предполагаемое число жертв сирийского конфликта // <https://ria.ru/syria/20170830/1501427522.html> (доступ 30.01.2018)

⁶ Доклад Генерального секретаря о работе ООН // Доклады на заседании 46-й сессии Генеральной Ассамблеи: Дополнение № 1 (A/46/1).

сти вовсе не гарантирует решения главной проблемы – ликвидацию условий, в которых государственные структуры допустили ситуацию до гуманитарной катастрофы. Конфликт в лучшем случае «замораживается», а военное присутствие миротворцев затягивается на годы.

С международно-правовой точки зрения создание прецедентов «гуманитарных интервенций» означало утверждение англосаксонской доктрины обычного права (*common law*) взамен континентального права, которое лежит в основе Устава ООН. В итоге подобной трансформации правовой системы вместе с тезисом о необходимости защиты гражданского населения военно-силовым путем происходила девальвация базовых принципов ООН – сохранения внешнего суверенитета, невмешательства во внутренние дела, территориальной целостности и нерушимости границ государств. Причем такой пересмотр носил явно несправедливый характер, поскольку страны Запад по существу оставили за собой право решать, когда, при каких условиях и против какого государства необходима «гуманитарная интервенция». По отношению к себе ни одно государство западной либеральной демократии не рассматривает возможного ущемления своих суверенных прав.

В более общем плане подобная ревизия Устава ООН была чревата дестабилизацией всей системы международного права, поскольку последняя, с одной стороны, по-прежнему ориентирована на суверенное государство как главного актора, с другой, идея и практика «гуманитарных интервенций» встретили жесткую критику не только в экспертной среде и политических кругах многих стран, но и на уровне СБ ООН в лице России и Китая. В условиях, когда объективно росло число жертв мирного населения и количество беженцев в конфликтах рубежа XX-XXI веков, страны Запада попытались трансформировать концепцию «гуманитарной интервенции» в «обязанность защищать», которая была закреплена специальной резолюцией ООН 2005 г., а затем опубликована в развернутом докладе Генерального секретаря Пан Ги Муна в 2009 г. Этот был шаг в сторону создания легитимных ооновских рамок для внешнего вмешательства при возникновении гуманитарного кризиса.

«Обязанность защищать»: в чем, собственно, проблемы?

В основе концепта «обязанность защищать» лежит новое понимание безопасности, которое само по себе является спорным. Дело в том, что процессы глобализации вслед за экономическими отношениями изменили и международно-политические отношения. Глобализация сопровождалась тенденцией к размыванию контроля государства над перемещением людей, товаров и капиталов через собственные границы. Эрозии подверглось исключительное право государства на внутренне насилие в результате создания частных военных компаний. Государство оказалось неспособным надежно защитить население от

глобальных стихийных процессов: колебаний мировых валютных рынков, терроризма, истощения природных ресурсов, загрязнения окружающей среды.

Это дало основание ряду экспертов отказаться от традиционного взгляда на референта безопасности – государства – в пользу понятия личной безопасности, которая может соотноситься с отдельным человеком или любой общественной группой (*human security*). Такое замещение сопровождалось неизбежным расширением содержания самой безопасности, т.к. государство-центричный подход был объявлен «узким», не соответствующим современной политической практике. Однако, несмотря на то, что понятие личной безопасности было введено в политический лексикон в конце 1990-х гг., до сих пор так и не удалось выработать четкого определения в ООН, а национальные законодательства трактуют его по-разному.

В итоге личностная безопасность понимается предельно широко, включая в себя, помимо традиционных аспектов, безопасную окружающую среду, обеспеченность продовольствием, охрану здоровья, культурно-языковую безопасность. Другими словами, перечень аспектов личной безопасности потенциально никак не ограничен из-за отсутствия четкого критерия⁷. Вместе с присущими ей неопределенностями и недосказанностями, идея личной безопасности была практически внедрена в миротворческую деятельность ООН. Она стала основой для развития концепции «обязанность защищать», которая введена в политический оборот в 1999 г. Генеральным секретарем Кофи Ананом. В своей речи на сессии генассамблеи он призвал мировое сообщество взять на себя ответственность по защите мирного населения от бедствий войны - согласно нормам международного права⁸.

В 2000 г. при поддержке правительства Канады была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, которая занялась проблемой легитимации внешнего вмешательства в случае гуманитарных проблем. Комиссия в представленном ООН докладе подтвердила значимость суверенитета, но предложила переопределить его через понятие ответственности за защиту населения в своих границах, потеснив на задний план понимание суверенитета как контроля. Причем эта «добавка» к суверенитету в виде ответственности должна носить как внутреннее, так и внешнее измерение – перед ООН. Если государство и его институты не могут или не желают остановить преступления (ведут себя безответственно к своим гражданам и мировому сообществу), то должна вступить в силу внешняя ответственность в виде универсальной юрисдикции, за которыми следует использование различных международных инструментов. Авторы

⁷ Кобышев В.Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 40 (277). – С.43-56.

⁸ Справочная информация: ответственность по защите // www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml

доклада зафиксировали, что личностная безопасность, которая получила широкое признание, не может быть защищена в современных условиях как-то иначе. При этом в понятие «ответственность», которая ложится на мировое сообщество во главе с ООН, вкладываются три возможных варианта действий в отношении проблемного государства: предотвращение, реагирование и перестраивание⁹. Таким образом, концепция «обязанность защищать» совмещает в себе замену референта безопасности с государства на личность/общественную группу и постулирует необходимость внешнего вмешательства в случае неспособности государства обеспечить эту безопасность.

Самая важная по своим последствиям часть «ответственности» мирового сообщества касается силового варианта, названного реагированием, чтобы не дискредитировать идею гуманизма. В докладе выделяется шесть принципов, на которых должна быть основана легитимность интервенции: полномочия от СБ ООН; справедливость акции как ответ на масштабные жертвы при бездействии государства; намерение помочь населению; насилие должно быть крайним средством; насилие должно быть соразмерным проблеме; операция имеет высокие шансы быть успешной. Эти принципы нашли поддержку в ООН и концепция вместе с принципами были приняты 105 государствами как добровольные обязательства. Это записано в Резолюции всемирного саммита ООН 2005 г., где устанавливается ответственность государства за защиту населения от геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и этнических чисток¹⁰. Более детальное изложение «обязанности защищать» появилось в докладе генерального секретаря Пан Ги Муна в 2009 г.¹¹

Сторонникам вмешательства в дела других государств для разрешения гуманитарных кризисов удалось добиться широкого признания концепции «обязанность защищать», что выгодно отличает ее от «гуманитарной интервенции». В то же время очевидно, что новая концепция требует развития в силу ряда недостатков.

«Обязанность защищать» так и не решила главной проблемы – обеспечения легитимности внешней интервенции в виде согласия государства на такое вмешательство в свои дела. Вместо этого новая концепция обращается к принципу справедливости. Введение ООН и «мирового сообщества» как гарантов личностной безопасности само по себе еще не решает этой проблемы, потому что сводится к обоснованию нарушения суверенитета, а вовсе не нацелено на условия, создающие гума-

нитарную проблему. Противоречие концепции «обязанность защищать» принципу суверенитета, лежащему в основе Устава ООН и международного права, вызывает критическое отношение многих государств, которые опасаются давления Запада под надуманным предлогом.

Оба понятия, «обязанность защищать» и «личностная безопасность», остаются концептуально размытыми. «Обязанность защищать» по своему содержанию сводится к абстрактному морально-этическому должностованию по примеру Десяти заповедей христианства. Не случайно даже термин «защита» не имеет в ООН единой трактовки. Одни говорят об обеспечении женеvских конвенций, другие о физической защите гражданского населения от атак военными силами. Уже одно это создает соблазн политизированного использования концепции, точно так же как это было в случае «гуманитарных интервенций».

Понятие личностной безопасности оставляет «за скобками» вопросы, кто же будет определять параметры личностной безопасности, что включать в содержание безопасности, кто определяет степень угроз, меры для защиты, и кто будет обеспечивать защиту, если государство признано неэффективным. Международные организации, неправительственные организации, или «мировое сообщество»? А если они это будут делать все вместе, то кто будет нести ответственность за результат и как вообще согласовать деятельность этих фигурантов? Ведь понятие справедливости, взятое не как соответствие закону, а как морально-этическая норма, не имеет универсального содержания.

Имеющиеся документы ООН носят слишком общий характер и не дают четкого руководства по реализации концепции «обязанность защищать» в практических условиях. Это касается правил, процедур и критериев, которые делают необходимым вмешательство в конкретный конфликт. Критерий о «массовых жертвах» как основание для военно-силовой операции можно трактовать как угодно, что создает почву для политизированного толкования степени угроз безопасности и на практике не раз приводило к избирательным мерам по спасению гражданского населения. Не сложилось единого понимания, что входит в круг обязанностей миротворца и какие действия миротворцев следует считать законными в условиях гражданского конфликта. Кроме того, сложно определить, кого же нужно защищать, если жертвы есть с каждой стороны конфликта и кого относить к гражданскому населению. Мандат на проведение операций под эгидой «обязанность защищать» нередко формулируется предельно широко.

В итоге абстрактных формулировок при планировании миссий, миротворцам приходится уже после прибытия в зону конфликта принимать решения о своих целях и задачах. Согласно оценке ооновских экспертов, складывается тупиковая ситуация, когда миротворцы поневоле оказываются

⁹ The responsibility to protect. Report of the International commission on intervention and state sovereignty. Ottawa: International Development Research Center, 2001. - P.13-15 // <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>

¹⁰ Resolution Adopted by the General Assembly A/Res/60/1. 24 October 2005. - P.30. // <http://refworld.org.ru/topic,51dc05fd4,,478626ea2,0,,,html>

¹¹ Implementing Responsibility to Protect. Report of the Secretary-General. A/63/677. 12 Jan. 2009 // http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/63/677

перед неразрешимой задачей защищать «всех и от всего»¹².

В ходе развития и внедрения в практику концепции «обязанность защищать» не удалось уточнить еще один механизм – взаимодействие ООН с другими участниками миротворческих операций, куда входят региональные организации, полицейские силы государств, неправительственными организациями, местные власти различных уровней. Между тем эти участники все активнее включаются в миротворчество, и именно они могли бы уточнить характер угроз и необходимые меры защиты населения. Такая тенденция отвечает Уставу ООН (глава 8), где говорится о поощрении деятельности региональных организаций по обеспечению безопасности.

Трудность состоит в том, что на деле региональные организации имеют свои особые представления о миротворчестве. Организация американских государств и НАТО настаивают на относительной самостоятельности своих действий, в СНГ миротворчество осуществляется по собственным решениям и на основе двусторонних договоров, Африканский союз наоборот, рассчитывает на всестороннюю помощь от ООН. Многие государства не склонны направлять миротворцев в регионы, удаленные от своих границ, что также затрудняет планирование, организацию миссий и отодвигает сроки начала их реализации. Так, МИД Финляндии, оценивая итоги миссии ООН в Сирии в 2011-2013 гг. г., заявил о провале ООН и кризисе доверия к этой организации¹³. Такие государства как Франция, Великобритания, Италия, Испания склонны к активным действиям за пределами Европы только если речь идет о бывших колониях. Государства северной Европы предпочитают не силовые действия, а меры социально-экономической помощи¹⁴.

Концепция «обязанность защищать» в силу своих недостатков не позволяет говорить о внятных критериях успешности миротворческой операции. В этой связи показателен опыт проведения операций. Так, в Восточном Тиморе (1999, 2002-2006 гг.), мандат ООН был полностью выполнен, и официально миссия считалась вполне успешной. В течение нескольких лет работало вновь созданное государство под патронажем ООН, однако всплеск насилия в 2006 г. проявил не только недовольство сложившейся внутренней ситуацией, но и недовольство действиями ООН, которые стали называть не иначе как «неоколониализмом». В Ливии в 2011 г. коалиционные силы под руководством США нарушили мандат ООН о бесполетных зонах, взяв на себя полную ответственность. Но и «самостоятельность» от опеки ООН тоже не при-

несла конечного успеха. В ходе операции был уничтожен режим М. Каддафи, а сам он убит, что привело в развалу страны и еще большим бедствиям для гражданского населения.

Снижению эффективности миротворческих операций способствуют и другие обстоятельства. Одной из них является проблема принятия решений в ООН и оперативное взаимодействие миротворческих сил в зоне конфликта. Миссия в Чаде и Центрально-Африканской Республике (2007 г.) имела недостаток в том, что силы, предоставленные ЕС, выполнили только краткосрочную операцию по стабилизации обстановки. А на практике требовались долгосрочные усилия, включая комплексные меры по защите гражданского населения. В ряде случаев процесс принятия решения ЕС о направлении миротворцев затрудняется и замедляется разногласиями между государствами, что не позволило оперативно реагировать на внешнезападное обострение кризиса¹⁵.

В случае миротворческой операции в Демократической Республике Конго (начата в 1999 г.) мандат СБ ООН предполагал самые широкие полномочия как раз по защите населения. Однако сами миротворцы оказались замешаны в репрессиях против гражданского населения после того, как повстанцы были вытеснены. Между национальными силами и миротворцами ООН не было общего понимания целей и способов действий, им так и не удалось организовать оперативное взаимодействие¹⁶.

Заключение

Эволюция современных международных отношений и особенности военных конфликтов объективно требуют расширения и качественного улучшения миротворческой деятельности. В то же время эффективность деятельности ООН на этом направлении показывает тенденцию к снижению эффективности, несмотря на реформирование концептуальных, правовых и институциональных основ миротворчества, а также расширение количества миротворческих миссий и увеличение выделяемых ресурсов. Теория и практика миротворчества ООН, с одной стороны, и государств и региональных организаций, с другой стороны, не совпадают. Эти различия могут нарастать и в будущем, поскольку ООН все больше опирается на региональные организации и национальные силы на местах.

Дальнейшая эволюция миротворчества ООН связана с концепцией «обязанность защищать», но она имеет рассмотренные выше серьезные недостатки содержательного, правового и институционального характера. В создавшейся ситуации часть государств вслед за Западом активно поддерживают новую концепцию, часть занимают ко-

¹² Holt V., Taylor G., Kelly M. Protecting Civilians in the Context of UN Peacekeeping Operations. Successes, Setbacks and Remaining Challenges. New York: United Nations, 2009.

¹³ Финляндия готова принять участие в миротворческой миссии в Сирии // fontanka.fi/articles/11870/

¹⁴ Воронов К.В. Миротворчество стран Северной Европы: ответы на вызовы // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 12. – С.68.

¹⁵ EUFOR in Chad and CAR // www.iiss.org/en/publications/strategic%20comments/sections/2008-9832/eurfor-in-chad-and-car-0823

¹⁶ Holt V., Taylor G., Kelly M. Protecting Civilians in the Context of UN Peacekeeping Operations. Successes, Setbacks and Remaining Challenges. New York: United Nations, 2009.

леблющуюся позицию, а часть государств (включая Россию и Китай) относятся к ней весьма скептически и пытаются если не открыто выступить против, то, во всяком случае, игнорировать ее в своей деятельности.

Несмотря на недостатки самой концепции «обязанность защищать» и клубка противоречий вокруг нее, обструкционистская позиция представляется неверной, поскольку заводит проблему в тупик. Положительное решение проблем миротворчества лежит в активной деятельности на площадке ООН, в других международных организациях, в двусторонних договоренностях государств. Здесь можно выделить несколько приоритетных задач. Во-первых, закрепление ведущей роли СБ ООН в принятии решений, планировании и управлении миротворческими операциями. Во-вторых, критика, развитие и уточнение концепции «обязанность защищать» в сторону конкретизации ее положений в части военно-силовой составляющей для блокирования политизации этой концепции на практике. В третьих, выработка критериев эффективности миротворческих операций, которые включают оценку политических и экономических результатов вмешательства. В-четвертых, гармонизация национальных и региональных доктрин миротворчества с ооновскими. В-пятых, адаптация имеющихся инструментов миротворчества к конкретному конфликту и условиям его возникновения, а не из универсальных рецептов.

Литература

1. Ерохина Л.Д. Формы эксплуатации населения в условиях военных конфликтов: военная проституция и торговля // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. – С.110-111.
2. Special rapporteur on right to health calls for independent enquiry into humanitarian crisis in Falluja 3 May, 2003 <http://newsarchive.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=2149&LangID=E> (доступ 29.01.2018)
3. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 августа – 15 ноября 2017. С.10. // http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UAReport20th_RU.pdf (доступ 29.01.2018)
4. Ukraine Humanitarian Needs Overview 2018 <https://www.humanitarianresponse.info/en/node/156653>
5. Доклад Генерального секретаря о работе ООН // Доклады на заседании 46-й сессии Генеральной Ассамблеи: Дополнение № 1 (A/46/1).
6. Конышев В.Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 40 (277). – С.43-56.
7. The responsibility to protect. Report of the International commission on intervention and state sovereignty. Ottawa: International Development Research Center, 2001. - P.13-15 // <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>
8. Resolution Adopted by the General Assembly A/Res/60/1. 24 October 2005. - P.30. // <http://refworld.org.ru/topic,51dc05fd4,,478626ea2,0,,.html>
9. Holt V., Taylor G., Kelly M. Protecting Civilians in the Context of UN Peacekeeping Operations. Successes, Setbacks and Remaining Challenges. New York: United Nations, 2009.
10. Воронов К.В. Миротворчество стран Северной Европы: ответы на вызовы // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 12. – С.68.

UN Peacekeeping Concept “Responsibility to Protect”: something went wrong?

Konyshov V.N.

St. Petersburg State University

The article examines the conceptual and practical problems of UN peacekeeping at the present stage. The authors focus on the concept of “responsibility to protect”, which has replaced “humanitarian intervention”. When developing a new concept in the UN, it was not possible to overcome significant substantive, legal and institutional deficiencies that continue to reduce the effectiveness of peacekeeping operations. The conclusions suggest possible steps to avoid a negative scenario for the further development of peacekeeping.

Keywords: peacekeeping, UN, duty to protect, humanitarian intervention

References

1. Erokhina L.D. Forms of exploitation of the population in conditions of military conflicts: military prostitution and trade // Woman in Russian society. 2009. No. 3. - P.110-111.
2. Special rapporteur on right to health calls for independent inquiry into humanitarian crisis in Falluja 3 May, 2003 <http://newsarchive.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=2149&LangID=E> (accessed 29.01. 2018)
3. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Report on the human rights situation in Ukraine, August 16 - November 15, 2017. C.10. // http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UAReport20th_RU.pdf (accessed 01/29/2018)
4. Ukraine Humanitarian Needs Overview 2018 <https://www.humanitarianresponse.info/en/node/156653>
5. Report of the Secretary General on the work of the United Nations // Reports at the meeting of the 46th session of the General Assembly: Supplement No. 1 (A / 46/1).
6. Konyshov V.N. Personal security - a new turn in understanding security policy // National interests: priorities and security. 2014. No. 40 (277). - S.43-56.
7. The responsibility to protect. Report of the International commission on intervention and state sovereignty. Ottawa: International Development Research Center, 2001. - P.13-15 // <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>
8. Resolution Adopted by the General Assembly A / Res / 60/1. 24 October 2005. -- P.30. // <http://refworld.org.ru/topic,51dc05fd4,,478626ea2,0,,.html>
9. Holt V., Taylor G., Kelly M. Protecting Civilians in the Context of UN Peacekeeping Operations. Successes, Setbacks and Remaining Challenges. New York: United Nations, 2009.
10. Voronov K.V. Peacekeeping of the Nordic Countries: Responses to Challenges // World Economy and International Relations. 2011. No. 12. - P.68.

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Гончаров Петр Константинович,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры методологии права и юридической коммуникации Юридического института Российского университета транспорта – МИИТ, pkgoncharov@mail.ru

Многоаспектность и дискуссионный характер определения понятия толерантности затрудняет ее анализ и выделение систематизированного подхода к пониманию данной категории. Понятие толерантности рассматривается в сочетании с противоположной категорией, такой как интолерантность или нетерпимость. Толерантность в целом определяется как норма и социально-политический институт. Зато, нетерпимость рассматривается как негативное явление и проблема социально-политического дисбаланса. В решении современных проблем социально-политической стабильности было положено много усилий для создания принципиально новой системы знаний о социально-политических и культурно-ценностных различиях субъектов политического процесса и определении адаптивных механизмов их сосуществования. Современная эпоха характеризуется высоким уровнем взаимодействия культур, этнических, религиозных групп, традиций и ценностей, что вызвано глобальными, геополитическими, миграционными и интеграционными процессами. Это выводит вопрос толерантности и интолерантности на новый уровень исследования.

Ключевые слова: толерантность, политический процесс, исследования, эпоха, явление, дисбаланс.

Эпоха открытости способствовала как позитивным изменениям, а именно, интенсивному взаимодействию, интеграции, сотрудничеству на всех уровнях, так и негативным-распространению конфликтов на межнациональном, политическом, этническом, культурном и ценностном уровнях. И для исследователей первоочередной задачей становится поиск эффективных механизмов преодоления, предотвращения затяжных конфликтов ради мирного сосуществования, взаимопонимания и уважения представителей различных политико-идеологических направлений. Институт толерантности требует определения для установления определенного места в политической организации и стабильного функционирования политической системы [1, с. 41].

Исследования Института толерантности трансформируются из теоретических разработок к эмпирическим и прикладным знаниям. Современные исследования направлены не только на концептуализацию проблем толерантности и интолерантности в социальных, культурных и политических отношениях, а, в первую очередь, на анализ политического состояния, формы организации общественно-политических взаимодействий, и реализацию полученной информации на практике, а именно, в законотворческой и правоприменительной деятельности, политико-правовой сфере и разработку комплексных мер, направленных на формирование толерантного политического поведения субъектов.

Одним из распространенных подходов исследования феномена толерантности, признают культурологический подход. Который раскрывается в исследовании особенностей влияния толерантности как социального института на культурную специфику коммуникаций и взаимодействий. Глобальные изменения современности в первую очередь оказали влияние на культурно-парадигмальные трансформации социумов. В первую очередь, именно интеграционные и дезинтеграционные процессы в культуре заняли особое звено современных научных исследований. Проблема взаимодействия различных культурных сообществ и их политическая позиция рассматривается в качестве предпосылок социально-политической стабильности. Поскольку, не учитывая социально-культурные факторы, невозможно внедрение гармоничного политического процесса, что может стать серьезной угрозой стабильности социально-политической системы [2, с. 98].

Итак, наличие общего политического интереса всех социокультурных групп имеет также место в процессе развития социально-политической системы. Данный подход особенно актуален для современности, поскольку существует проблема, во-первых, сосуществования в одной глобальной реальности и, в то же время, вопрос сохранения самоидентификации. Восприятие себя и других в процессе культурного диалога сообществ становится платформой исследований в рамках культурологического подхода. И продуцирует разнообразные культурологические концепции.

Так, научный взгляд определяется в представлении толерантности как комплекса качеств и способностей субъекта к взаимодействию с другими, основанные на уважении и принятии особенностей всех участников то ли культурного, социального, политического и других интеграционных индикаторов. Исследователи используют понятие «культурный другой» для определения оппонента в процессе взаимодействия. И выделяют следующие блоки критериев толерантной кооперации. Первый отмечается как «понимание значимости культурного прочего, в восприятии его как равноправного субъекта взаимодействия». Это включает такие интеграционные признаки как:

1. Принятие права других на различие взглядов, их индивидуальные проявления;
2. Непредвзятость в оценках Другого;
3. Применение демократических институционализированных форм защиты своих позиций в отношении деструктивных воздействий Другого.

И второй блок заключается в «готовности партнеров межкультурной коммуникации, осознавая собственную культурную идентичность, понять и обозначить активную нравственную позицию (позицию взаимодействия) по отношению к культурного Другого». Это предполагает:

1. Принятие и уважение иной идеологической позиции, нормативных моделей и признание индивидуальных прав и свобод;
2. Открытость к идейному обмену, осознание концептуально новых социальных значений для развития собственного ракурса мировосприятия.

Отечественные ученые рассматривают толерантность в контексте социального института, выполняющего функцию интеграции в процессе межкультурных практик и дают следующее определение, толерантность – это: «необходимое условие общественного единения людей – носителей различных культурных традиций, религиозных верований, политических убеждений». Однако, опять таки, мы видим конкретное определение концепта терпимости в качестве активной позиции, а не пассивного принятия тех явлений, которые противоречат принципиальным взглядам носителя толерантности «толерантность не является синонимом снисходительного отношения». Так же, исследователями замечается другой характерный признак истинной толерантности, а именно, существование определенных границ толерантности, не предусматривающий место «абсолютизированной терпимости в отношении покушений на свободу и до-

стоинство человека» [3, с. 39]. В представленной концепции толерантность определяется исследователями как определенный «путь к диалогу», поэтому учеными подчеркнута отсутствие необходимости применения данного инструмента в тех отношениях, где налажена система коммуникации, и установлена социальная согласие.

Однако, на наш взгляд, институт толерантности представляет не только механизм налаживания коммуникативных практик, но и условие стабильности взаимоотношений. Так, в аспекте рассмотрения межкультурной интеграции, даже в условиях бесконфликтной взаимодействия в данной сфере, существует вероятность дестабилизации социальных отношений на основе каких-либо политических, социальных и других различий [4, с. 357]. Поэтому, говорить о стабильной практике взаимодействия и универсального стойкого и долговременного алгоритма гармонизации отношений не представляется целесообразным. Таким образом, считаем необходимостью существования института толерантности как нормы социально-политических взаимодействий не только в проблемных коммуникативных состояниях, но и в условиях стабильности. Поскольку, бесконфликтность и гармоничность определенных отношений имеет достаточно изменчивый характер.

В. Евтух очерчивает ключевое условие налаживания межкультурного диалога, а именно: «свобода и возможность выразить собственное мнение, а также желание (готовность) и способность выслушать друг друга в этом диалоге». Итак, с одной стороны определяется культурный импульс открытости и готовности к восприятию иного культурного субъекту, и, не менее важным является демократическое основы государственно-политической системы для реализации прав и свобод.

Исследовательница Ю. В. Мухликина, рассматривает феномен толерантности через призму идентичности и приводит на примере концепции И. Валлерстайна, который «выделяет следующие антиномии: единство или многообразие; человечество или раса; универсализм или партикуляризм; мир или нация; лицо или гендерный принцип деления (мужчина / женщина)». Ученый отмечает, что: «по Валлерстайну, вышеупомянутые противоположности не конфликтующие оппозиции, а симбиотические пары, совершенно необходимые в процессе развития общества. Иначе говоря, в условиях глобализации взаимодействие ценностей должна строиться по линии «больше-меньше», а не «или-или» (речь идет о взаимно дополнительности, а не о взаимное отрицание)». Толерантность рассматривается как возможность вариативности выбора для всех участников взаимодействия. Это представляет условие сосуществования в современном глобальном пространстве.

Исследовательница В. Л. Погребная представляет свое видение толерантности через самоидентификацию и идентификацию «другого» со всеми его культурными, социальными и ценностными особенностями. Ученый подчеркивает осо-

бое сближение культур в современную эпоху. Поэтому, все ценнее становится право на самобытность и индивидуальность. Исследовательница определяет толерантность как: «достоинство каждого человека как свободной и равноценной личности, которая имеет право на собственные убеждения. Такое право не должно наносить вреда другим, поскольку толерантность, придерживаясь содержания права (справедливости) заканчивается там, где нарушаются свобода и достоинство других».

Однако, кроме развития позитивных для интеркоммуникативных практик, принципов, между тем, существуют две глобальные опасности трансформационных процессов современности. А именно: «С одной стороны, культурная колонизация (по терминологии Ф.Бока), которая вытесняет и подчиняет другие культуры, а с другой – культурный релятивизм, который смешивает без разбора противоречивые ценности».

Между тем, в условиях глобального сближения, можно наблюдать защитную реакцию социально-политических систем, что имеет проявление в виде закрытости обществ, целью чего является сохранение культурных особенностей, норм и ценностей [5, с. 42]. Это становится предпосылкой создания радикальных течений, основанных на фундаментализме, идеи закрытости, национализма, этноцентризма, расовой неравенства, антимиграционных настроений в обществе и политике и других проявлениях интолерантности. Тогда, когда максимально открылись границы культур, сегодня, возможно говорить об обратных общественно-политических реакциях, а именно, социальных, культурных и политических бунтах идентичности.

Именно в аспекте защиты идентичности и защиты идеологических границ субъектов общественно-политического процесса, существует антиглобалистское видение толерантности, которое презентуется в работах такого исследователя, как О. С. Панарин, который, связывает толерантность с негативными процессами глобализации. Даже относит ее к так называемым «агентов глобализации». Итак, рассматривает терпимость, в ее современном смысле, как создание «новой либеральной сознания». Автор определяет понятием "свободный образ мышления" и "толерантны ко всему" как признак нового общества, которое лишено регулирования и контроля. Он считает, что «глобализация ведет к ослаблению традиционных территориальных, социокультурных и государственно политических барьеров (некогда изолировало народы друг от друга, но в то же время защищало от внешних воздействий) и становления новой, «без протекционистской» системы международного взаимодействия и взаимозависимости» [6, стр. 83].

Речь идет о закрытости и однородности новой либеральной концепции социально-политического сосуществования. В данной интерпретации признается негативное влияние основ толерантности, что проявляется во вседозволенности и всепринятии как новой нормы социально-политического бы-

тия. И в контексте международного политического процесса, отмечается роль института толерантности как основы установления зависимости участников от глобальных течений международного политического процесса, что осложняет состояние развития государственно-политических систем как отдельных политических субъектов.

Государственно-политические барьеры оказываются недейственными в новых условиях. Так, определение степени вмешательства в самобытность обществ сегодня выходит за пределы полномочий государственно-политических институтов и становится сферой сугубо института демократии. Глобализационные процессы не только открывают интернациональные коммуникационные потоки, но и создают условия размывания культурных особенностей обществ и их специфической самосознательной картины мира. Массовая культура как бы заменяет самобытность локальных культур на разных уровнях жизнедеятельности. В научном дискурсе ведутся споры относительно опасности исчезновения многообразия как такового, в условиях глобализационного ассимиляции культур. Однако, следует отметить, что новой глобальной культуре свойственна хаотичность форм, поскольку ее нормы не оформлены и не систематизированы настолько, насколько традиционные культуры. Поэтому, как следствие, образование маргинального глобального общества, не контролируемого ни предыдущими ни новообразованными культурными практиками, нормами, этическими обязательствами и другими паттернами [7, с. 356]. Поскольку, на формирование новой упорядоченной нормативной системы глобальной культуры должно пройти время. А подобной задачи перед мировым обществом, не стоит. Наоборот, на международном уровне продолжают обсуждаться проблемы сохранения культурной идентичности, а проблема новой, гибридной маргинальной культуры даже не ставится на обсуждение актуальных вопросов. Таким образом, существует опасность, что различные культуры подвергаются частичному переходу к глобальной культуре, потеряв прежние ценности, но не усвоив новые. Следовательно, можно говорить о проблеме некоего культурного вакуума, основанного на постулатах терпимости и принятия всего информационного и нормативного многообразия без социально-культурного и государственного фильтрации.

Социально-политическая стабильность в новых условиях социальной близости и неоднородности обществ, исследование социальных механизмов коммуникации, толерантности как функциональной практики социальных взаимодействий рассматривают исследователи в рамках социологического подхода. Согласно которого, исследование проблемы толерантности как социального и политического института имеет свое воплощение в концепциях, социального взаимодействия, концепциях интеракционизма и корпоративизма, социального действия, бихевиоризма и других известных теориях.

Обеспечение нормального функционирования социально-политической системы связано и с ра-

ботой социальных институтов. Как отмечает исследователь. Н. Петров, «в социологии возможность рассматривать толерантность – интолерантность как социальный феномен связывается с методологическими основаниями теории социального действия. Понимание толерантности в контексте теории социального действия опирается на представление о том, что это свойство принадлежит всем элементам его структуры: потребностям, интересам, находит свое воплощение в идеях (как проекте движения к удовлетворению потребностей), мотивах (потребностях то есть, содержательно обогащенных смыслом) и целях» [8, с. 88]. Подчеркивается императивность института толерантности и продуцирующих им норм социально-политического взаимодействия. В условиях, когда каждый структурный элемент использует толерантность как механизм системной работы, все события, ситуации реальные и потенциальные подчиняются механизмам толерантного взаимодействия. Однако, это не исключает конфликтов интересов и борьбы за социальные, культурные, экономические политические и другие выгоды.

Сейчас, можно отметить, что критерием стабильности социально-политической системы выделяют и социально-политические действия субъектов. Направленность любых политических решений получает ожидаемый эффект реакций участников политического процесса. [9, с. 117] И это касается не только поведенческих взаимосвязанных действий политиков и государственных деятелей, но и взаимных реакций социально-политических институтов на различные преобразования в их структурных компонентах.

Важным понятием в теории символического интеракционизма выступает «идентичность», которая осознается, по мнению МИДа, только в том случае, когда индивид смотрит на себя глазами другого». Осознание самоидентичности и понимание «значимого чужого», расширяет восприятие ценности социального взаимодействия. Однако, координата символов имеет переменный характер. Поэтому, существует возможность как создание толерантных, так и нетолерантных символов в социально-политической модели взаимодействия.

Таким образом, процесс интерпретации и реакции на полученные символы представляют соответствующую модель социальных, политических, культурных отношений. Поэтому, исследователь отмечает такое понятие, как «общезначимые символы», которые провоцируют «одинаковую реакцию» участников взаимодействия фи представляют общепринятый невербальный механизм коммуникации [10, с. 45]. В контексте социологического подхода, толерантность функционирует как запрограммированный символ. Следовательно, становится условием и возможностью всех участников взаимодействия транслировать информацию с целью интерпретации ее оппонентами и ожидаемой реакцией. И, конечно, может быть как положительная, так и отрицательная информация. Это обосновывает тезис о том, что толерантность не несет в себе содержательного уничтожения конку-

ренции и борьбы позиций, она представляет условие и возможность их существования. Для сохранения социального взаимодействия, при которой участники получают перспективу безопасной трансляции своих взглядов, не теряя конкурентную составляющую.

Так и в контексте политических отношений, кроме ожидаемых реакций на политические действия, существуют универсальные символы, воспринимаемые определенным образом участниками политического процесса.

Рациональное и эмоциональное в политической сфере – тема, которая до сих пор не теряет своей актуальности, особенно, в исследовании института толерантности как регулятора социально-политической коммуникации.

Политический дискурс также репрезентируется в формах диалога, аргументированного противостояния политических концепций и инициатив. И в условиях рациональной политической борьбы, политики как межличностной полемики, диалог и борьба политических подходов выступают как политический инструмент и движущая сила развития политической системы современного демократического образца.

В своей работе, посвященной интеграционным механизмам обеспечения толерантности, исследователь отмечает: «Только такое определение области толерантности, которое в равной мере убеждает всех сторон-участников, способно отвести острие нетерпимости. Участники должны каждый раз принимать во внимание перспективу (видение) другой стороны, если им необходимо совместно договариваться об условиях, при которых они намерены проявлять взаимную толерантность». Согласно теории коммуникативного действия, все участники взаимодействия должны направить свое внимание на внутренние предпосылки другой стороны, его видение, то есть быть открытыми к пониманию «другого». В контексте толерантной модели социально-политических отношений, рациональный диалог и консенсус должны в ценностной шкале субъекту общественно-политического процесса, занимать более приоритетное место, чем персональное неприятие и основываться на реальных общественно-политических интересах и предпочтениях.

Литература

1. Гаджиев Х.А. Формирование политических институтов в трансформационный период: место и роль политической культуры // PolitBook. 2016. № 2. С. 40-51.
2. Донченко А.С., Папков С.А., Самолова Т.Н. Из истории сибирских научно-исследовательских институтов животноводства и ветеринарии в период политических репрессий 1930-х годов // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2016. № 5 (252). С. 97-105.
3. Елишев С.О. Религиозные конфессии и организации как институт политической системы общества // Представительная власть - XXI век: за-

конодательство, комментарии, проблемы. 2016. № 5-6 (148-149). С. 33-45.

4. Ирхин Ю.В. Как понять современную и историческую роль политических институтов? // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 5. С. 356-360.

5. Мкоян Г.С. Особенности трансформации политических и экономических институтов в современной Армении // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 10. С. 41-44.

6. Молодова И.Ю. О влиянии международных авторов на развитие государственно-политических институтов // Право и управление. XXI век. 2016. № 2 (39). С. 82-87.

7. Муратов А.П. Формы работы политической партии "единая Россия" с институтами гражданского общества (на примере работы со сторонниками партии) // В сборнике: Гражданское общество в России: вызовы современности сборник научных трудов. Ульяновский государственный технический университет. Ульяновск, 2016. С. 335-338.

8. Мурзагалеев Р.И. Теоретико - методологические основания трудовой миграции как политического института // PolitBook. 2016. № 2. С. 87-94.

9. Хамидова З.Т. Роль института "открытое общество" в становлении политической системы стран центральной Азии // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 28 (70). С. 116-119.

10. Чорновол Е.П. Юридическая природа правового института реабилитации жертв политических репрессий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 44-51.

References

1. Gadzhiev Kh.A. The formation of political institutions during the transformation period: the place and role of political culture // PolitBook. 2016. No. 2. S. 40-51.
2. Donchenko A.S., Papkov S.A., Samolovova T.N. From the history of Siberian research institutes of animal husbandry and veterinary medicine during the period of political repression in the 1930s // Siberian Bulletin of Agricultural Science. 2016. No. 5 (252). S. 97-105.
3. Elishev S.O. Religious denominations and organizations as an institution of the political system of society // Representative power - XXI century: legislation, comments, problems. 2016. No. 5-6 (148-149). S. 33-45.
4. Irkhin Yu.V. How to understand the contemporary and historical role of political institutions? // Social and humanitarian knowledge. 2016. No. 5. S. 356-360.
5. Mkyan G.S. Features of the transformation of political and economic institutions in modern Armenia // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. No. 10. S. 41-44.
6. Molodova I.Yu. On the influence of international authors on the development of state and political institutions // Law and Management. XXI Century. 2016. No. 2 (39). S. 82-87.
7. Muratov A.P. Forms of work of the political party "United Russia" with the institutions of civil society (on the example of working with supporters of the party) // In the collection: Civil society in Russia: modern challenges collection of scientific works. Ulyanovsk State Technical University. Ulyanovsk, 2016. S. 335-338.
8. Murzagaleev R.I. Theoretical and methodological foundations of labor migration as a political institution // PolitBook. 2016. No. 2. S. 87-94.
9. Khamidova Z.T. The role of the "open society" institute in the formation of the political system of the countries of Central Asia // Problems of modern science and education. 2016. No. 28 (70). S. 116-119.
10. Chornovol E.P. The legal nature of the legal institution for the rehabilitation of victims of political repression // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 3. S. 44-51.

Modern scientific research of tolerance as a social and political institution

Goncharov P.K.

Russian University of Transport - MIIT

The multidimensional and controversial nature of the definition of the concept of tolerance makes it difficult to analyze it and highlight a systematic approach to understanding this category. The concept of tolerance is considered in conjunction with the opposite category, such as intolerance or intolerance. Tolerance is generally defined as a norm and a socio-political institution. On the other hand, intolerance is viewed as a negative phenomenon and a problem of socio-political imbalance. In solving modern problems of socio-political stability, many efforts have been made to create a fundamentally new system of knowledge about the socio-political and cultural-value differences of the subjects of the political process and to determine the adaptive mechanisms of their coexistence. The modern era is characterized by a high level of interaction of cultures, ethnic, religious groups, traditions and values, which is caused by global, geopolitical, migration and integration processes. This brings the issue of tolerance and intolerance to a new level of research.

Key words: tolerance, political process, research, era, phenomenon, imbalance.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Добровольский Иван Алексеевич
аспирант, ЮФУ, 7987288@gmail.com

Новая политическая элита в лице национально-патриотических сил явилась не достаточно упорядоченной и консолидированной, чтобы повести общество по пути демократии. Этим воспользовалась старая элита, партийно-государственная номенклатура, которая, заимствуя демократические призывы и укрепив свои экономические позиции путем перераспределения государственной собственности, придерживает свой владетельный влияние. Ее главные черты политического сорта – некомпетентность, безответственность, неуважение к закону, понимание права как воли государства и тому подобное. Неизменное ситуативное балансировки властной прослойки между принципами охлократической, демократической и авторитарной организации политического режима очень рискованно и угрожает демократии и грядущем социальном развитии. Оставаясь при власти, власть имущая элита продолжает делать тормозящее действие на процесс преобразования, позитивных перемен; она не хочет коренных преобразований и поэтому процесс формирования демократии и, соответственно, демократической политической культуры носит двойственный, непоследовательный характер.

Ключевые слова: власть, балансировка, государство, влияние, демократические призывы.

Попробуем проанализировать, как происходит процесс становления демократической политической культуры в России.

Политическая культура личности, измеряемая либеральными критериями, – это установленное состояние, который формируется на протяжении десятилетий и даже веков, а не создается за несколько лет.

Политическая культура советского периода отличалась устойчивостью и постоянством воспроизводства, что достигалось эффективной системой социализации через средства тотального контроля за населением со стороны правящего класса: это, прежде всего, монопольное право государства на образование и вступление в коммунистическую партию как единственная возможность сделать карьеру. Для самосохранения и воспроизведения был создан механизм номенклатуры, проводившей целенаправленную кадровую политику [2, с. 165].

Характер политической культуры этого периода, по мнению А.Карнаух, кроется в глубоком социальном и культурном разрыве между верхушкой общества и основной частью населения. Такое положение обуславливало социокультурную динамику воспроизводства общественных отношений, которая характеризовалась господством разрушительных тенденций с ориентацией на удовлетворение минимальных потребностей. Все это базировалось на материальной и духовной нищете человека, который был неспособен сам решать проблемы. И так, в советское время концентрация экономической, политической и идеологической власти в руках правящего класса, который воплощал в своем лице государство, привела к поглощению государством общества и индивида.

При таких условиях об российском обществе нельзя было и говорить. Вполне понятно, что это не способствовало развитию политической культуры личности. Советское общество было закрытым от внешнего мира, и если какая-то информация о политической жизни в других странах попадала на страницы газет, то она была настолько дозированной, что это создавало в сознании человека крайне искаженные представления о политических процессах, происходивших в том или ином государстве. И лишь в конце 80-х годов началось бурное развитие политической культуры личности россиянина [3, с. 67].

Конфликтная политическая культура, сформированная под влиянием указанных факторов, постоянно сказывалась на протяжении всей российской

ской истории: разным политическим силам не хватало толерантности, политической этики, согласия. Ведь диалоговое подоплеки в культуре отображается непосредственно и в культуре политического общения между различными политическими силами, партиями, фракциями, социальными группами и тому подобное.

Речь идет о политической культуре качественно нового уровня — культуру гражданственности, культуру реального участия в процессах выработки политики и государственного управления.

С исследователем В. Веденевым не излишне согдаться, когда он показывает, что “в политической культуре любого общества присутствует ряд элементов (ее внутреннее ядро), которые выражают национально-историческую, цивилизованную специфику и качественную определенность данного явления. Именно благодаря этому ядру мы обязаны сохранением морфологических особенностей и целостности политической культуры общества. Ядро культуры эволюционирует вместе с трансформацией общества” [4, с. 41].

Рассматривая политическую культуру в контексте теории культуры, исследователь П.Сас предложил собственное оригинальное толкование интегральной сущности ее парадигмы. С его точки зрения, политическую культуру можно определить, с одной стороны, как направленные в мир политики проявления психологических ориентаций, менталитета, ценностных установок и самосознания членов общества, а с другой — как специфическое знание, дискурсивную “текстовую» деятельность, которые сопровождаются категоризацией политических отношений и других основополагающих реалий общественного бытия (политическая система, ее институты, религия, мораль, историческая традиция, экономика), вследствие чего могут утверждаться определенные установки публичного поведения. Политическая культура имеет цивилизационное измерение, олицетворяющее политическая система и ее институты [5, с. 76].

Исследователь Н. Иванов делает акцент на значении политической культуры в политической социализации в условиях общественно-политических трансформаций. В условиях трансформации общества основой сохранения общественного строя и воспроизводства формирования гражданственности возникают моральные представления, ценности и нормы общества, отраженные, в частности, в политической культуре. Культура, как носитель социально-политических ценностей, проявляется на разных уровнях взаимодействия субъекта и социума — от взаимодействия ребенка с родителями в отношении гражданина с государством и человека с нацией, что обуславливает развитие политического сознания личности.

В условиях изменений политической и экономической системы, трансформации социокультурной среды при отсутствии механизмов согласования разносторонних интересов и обеспечения единства и целостности общества, принадлежность к той или иной субкультуре становится существенным фактором политической социализа-

ции, обуславливает гетерогенность политической культуры [6, с. 10].

Религиозная неоднородность в России — также весомый аспект, который влияет на ментальность, на их идеологические привязанности. Ученый М. Шаповал подчеркивает, “существование русского православного и грекокатолического миров несет в себе не только элементы церковной юрисдикции, но имеет мировоззренческое и культурно-политическое значение” [266, с. 99]. В начале XX века. церковные отличия на землях соотносились с двумя отдельными политическими опытами — авторитарная царская действительность и ограниченная парламентская монархия с выборами и неразвитой партийной системой в Австро-Венгрии.

Политическая культура, которая сформировалась под действием указанных факторов, непрерывно сказывалась на протяжении всей российской истории: разным политическим силам не хватало терпимости, политической этики, понимание. Ведь диалоговая основа в культуре отображается непосредственно и в культуре политического общения между различными политическими силами, фракциями, партиями, социальными группами и тому подобное.

Роль политической культуры в процессе ее социализации характеризуется через ее осуществления надлежащих функций. Так, согласно концепции исследователей М. Багмет., Л.Ляпиной, И.Жадан, политическая культура реализует ряд функций в процессе формирования политической картины мира субъекта, наиболее значимыми из которых являются социализирующая (определение базовых умений, характеристик и черт личности, необходимых для реализации ее интересов, гражданских прав и функций в политической взаимодействии), идентификационную (обеспечение условий для реализации потребности индивида в групповой принадлежности, принятии и защите политических идеалов своей группы), адаптационная (выработки механизмов приспособления к меняющейся политической реальности), регуляторная (выбор модели социализации, определение процессуальных аспектов взаимодействия на основе принятых в рамках политической культуры норм и правил), коммуникационная (обеспечение взаимодействия субъектов социализации на основе общепринятых представлений, символов, стереотипов и т. п.), ценностно-смысловая (детерминация политического взаимодействия и определение пространства конструирования политической картины мира идеалами и ценностями политической культуры) [7, с. 266].

Не лишнее подчеркнуть взаимосвязь политической культуры и политической социализации. Чем выше политическая культура общества, тем больше внимания оно придает процессу политической социализации. Оправданным можно считать и другое суждение: чем выше ступень политической социализации в обществе, тем выше и степень политической культуры. Ведь люди с высоким уровнем политической социализации более активны в по-

литической жизни общества, обеспечивая возвышение общественных связей.

Таким образом, понятия "политическая культура" и "политическая социализация" взаимосвязаны. Политическая культура общества является содержательным компонентом политической социализации лица. В процессе политической социализации субъект приспосабливается к политической культуре и способен совершенствовать ее. В результате политической социализации через формирование политического сознания личности, включающего политические ценности, ориентации, установки, нормы, и усвоение и последующего отражения образцов политического поведения имеет место воссоздание политической культуры.

С одной стороны, после событий 1996-1999 года общество решительно настроено против любых попыток сворачивания демократии, а уровень доверия к институтам власти и политическим институтам в целом является очень низким. При таких условиях важным является то, насколько современная политическая культура граждан России не позволит стране скатиться в какую-то сторону – то к возвращению авторитаризма, хотя бы и в "прогрессивном, обновленном виде", то в сторону разрушения институтов власти, анархии и неуправляемости.

Большинство граждан России разделяют общий признак – недовольство уровнем функционирования демократии и недоверием представительных институтов, однако одна их часть при этом не интересуется политикой и не разбирается в ней, а другая – имеет интерес и понимание политики [9, с. 206].

В то же время, такая ситуация не является уникальной, если рассматривать ее по сравнению с другими странами Европы. Близкие показатели к России (2,5) имеют Латвия и Болгария. Там доля носителей гражданской культуры является практически такой же – 3,2 и 4,5. В Венгрии не намного выше – 5,9.

Уровень заинтересованности граждан в политике и их осведомленности в основных вопросах устройства политической системы является невысоким. Большинство граждан констатируют, что они имеют проблемы с пониманием политических процессов и определением собственной позиции по политическим вопросам. Вместе с тем, в обществе преобладает мнение, что интересоваться политикой нужно, это позволяет сделать вывод о наличии общественного запроса на доступную информацию о политических процессах. Низкий уровень компетентности в политике является более присущим молодым респондентам, одной из причин чего может быть низкий уровень знаний о политической системе, предоставляемых общеобразовательной школой.

Граждане критически оценивают деятельность как политических парламентских партий, за которые они голосовали на выборах, так и народных депутатов, избранных в одномандатных округах.

Граждане сочетают критическое отношение к Парламенту с достаточно высоким уровнем инте-

реса к его деятельности, в частности, относительно информации, практически полезной для них – формирование государственного бюджета, деятельности народных депутатов в округах и видении приоритетов политики различными политическими силами.

Почти половина граждан не видит политических сил, которым можно доверить власть и политических лидеров, которые могли бы эффективно управлять страной.

Большинство граждан считают демократию самым лучшим типом общественного строя для России, при этом этот показатель имеет устойчивую тенденцию к росту и превышает соответствующие показатели соседних стран-членов ЕС (Чехии, Венгрии, Польши). Приверженность к демократии коррелирует с факторами возраста респондентов, языка общения, образования и имущественного положения. В то же время, уровень удовлетворения общества тем, как функционирует демократия в России, является посредственным (4 балла по шкале от 0 до 10).

Большинство граждан достаточно высоко оценивают свободу высказываний политических взглядов в стране.

Наилучшей формой правления для России на современном этапе относительно большинство считают существующую парламентско-президентскую модель. Ее поддержка гражданами в течение последних 10 лет заметно выросла. Варианты парламентской или президентской республики, а также диктатуры поддерживаются незначительной долей граждан.

Подавляющее большинство граждан (74,9%) признают, что в России есть разделение экономики и политики по сферам влияния между разными группами интересов, и считают это негативным явлением.

Подавляющее большинство граждан (84,1%) не являются привлеченными к активной общественной деятельности. Также подавляющее большинство респондентов не прибегало ни к одной из форм доведения собственных взглядов, интересов до органов власти. Так же, большинство граждан (49,8%) не прибегли бы ни к каким действиям в случае принятия Парламентом несправедливого (с их точки зрения) законопроекта.

Таким образом, политическая культура граждан России характеризуется противоречивостью, где низкая осведомленность сочетается с наличием интереса к политике, низкий уровень доверия к политическим институтам и недовольство ими – с достаточно высоким уровнем поддержки демократии и парламентско-президентской республики (56,3%), а также с нежеланием занимать активную гражданскую позицию, использовать имеющиеся возможности для представительства собственных интересов в органах власти.

Наиболее значимые отличия в различных аспектах политической культуры связанные с возрастом, уровнем образования, имущественным состоянием, в некоторых случаях - с регионом проживания и языком общения [10, с. 47].

По сравнению с другими странами Европы, по распределению типов политической культуры России существенно отличается от, например, Швейцарии или Нидерландов, где доля носителей одной только гражданской культуры превышает 50% граждан, однако имеет много общего с такими странами, как Болгария, Латвия, Венгрия.

Существующие в России политические режимы нередко мешали выработке демократической политической культуры. Это связано с неизменностью политической элиты, которая по сути является прослойкой бывших партийно-комсомольских функционеров и активистов.

Литература

1. Гигола Д.В. Специфика польской политической культуры и её влияние на конструирование образа России // В книге: Россия в новом геополитическом измерении Материалы VII международной молодежной конференции. 2016. С. 25-32.

2. Ибрагимова З.Н., Алмосова К., Малиновская М. Политическая культура как часть правовой культуры // В сборнике: Фундаментальная наука и технологии - перспективные разработки Материалы XIII международной научно-практической конференции. н.-и. ц. «Академический». 2017. С. 164-168.

3. Колпаков В.В. Формирование политической культуры с помощью интернет-сервисов и социальных сетей // В сборнике: Управление стратегическим развитием территорий Сборник научных трудов. О.Н. Фомин (отв. редактор). 2016. С. 66-68.

4. Миронова Т.А. Влияние коммуникативной культуры студента на формирование политической культуры молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 9 (111). С. 40-46.

5. Павленко Е.М. Политическая культура и культура прав человека: аспекты соотношения и взаимосвязи // Правовая жизнь. 2017. № 3 (19). С. 75-86.

6. Павленко Е.М. Соотношение культуры прав человека и политической культуры // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 4 (28). С. 9-20.

7. Пикулева К.Е., Рафикова Н.Д. Проблема формирования политической культуры студенческой молодежи (по результатам опроса студентов ТЮМГАСУ) // В сборнике: Водосбережение, мелиорация и гидротехнические сооружения как основа формирования агрокультурных кластеров России в XXI веке Сборник докладов XVIII международной научно-практической конференции: в 3-х томах. 2016. С. 265-274.

8. Рахимкулова Л.А., Пилаг В.А. Взаимодействие культуры запада и востока в политической культуре России // Академия педагогических идей Новация. 2018. № 8. С. 108-111.

9. Симченко О.С. Модель политической культуры старшеклассников в контексте формирования базовой культуры личности // В сборнике: Итоги научных исследований ученых МГУ имени А.А. Кулешова 2015 г Материалы научно-методической

конференции. Редактор: Сычова Е.К. 2016. С. 205-207.

10. Федорченко С.Н. Архаика политической культуры VS легитимность демократии (на примере исламских и среднеазиатских постсоветских государств) // Постсоветский материк. 2016. № 1 (9). С. 46-53.

Features of the transformation of the political culture of an individual in modern conditions of social development

Dobrovolsky I.A.

SFedU

The new political elite, represented by national-patriotic forces, was not sufficiently ordered and consolidated to lead society along the path of democracy. This was taken advantage of by the old elite, the party-state nomenclatura, which, borrowing democratic calls and strengthening its economic positions by redistributing state property, retains its sovereign influence. Its main features of a political sort are incompetence, irresponsibility, disrespect for the law, understanding law as the will of the state, and the like. The unchanging situational balancing of the power stratum between the principles of the ochlocratic, democratic and authoritarian organization of the political regime is very risky and threatens democracy and future social development.

Remaining in power, the ruling elite continues to exert an inhibitory effect on the process of transformation and positive changes; it does not want radical transformations, and therefore the process of forming democracy and, accordingly, a democratic political culture is dual and inconsistent.

Key words: power, balancing, state, influence, democratic appeals..

References

1. Gigola D.V. The specificity of Polish political culture and its influence on the construction of the image of Russia // In the book: Russia in a new geopolitical dimension Materials of the VII international youth conference. 2016.S. 25-32.
2. Ibragimova ZN, Almosova K., Malinovskaya M. Political culture as part of legal culture // In the collection: Fundamental science and technology - promising developments Proceedings of the XIII international scientific-practical conference. n.-i. c. "Academic". 2017.S. 164-168.
3. Kolpakov V.V. Formation of political culture with the help of Internet services and social networks // In the collection: Management of strategic development of territories Collection of scientific papers. HE. Fomin (Responsible Editor). 2016.S. 66-68.
4. Mironova T.A. The influence of the student's communicative culture on the formation of the political culture of youth // Ethnosocium and interethnic culture. 2017. No. 9 (111). S. 40-46.
5. Pavlenko E.M. Political culture and culture of human rights: aspects of correlation and relationship // Legal life. 2017. No. 3 (19). S. 75-86.
6. Pavlenko E.M. Correlation between human rights culture and political culture // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2017. No. 4 (28). S. 9-20.
7. Pikuleva K.E., Rafikova N.D. The problem of the formation of the political culture of student youth (according to the results of a survey of students of TYUMGASU) // In the collection: Water conservation, reclamation and hydraulic structures as the basis for the formation of agricultural clusters in Russia in the XXI century Collection of reports of the XVIII international scientific and practical conference: in 3 volumes. 2016.S. 265-274.
8. Rakhimkulova L.A., Pilag V.A. The interaction of the culture of the West and the East in the political culture of Russia // Academy of Pedagogical Ideas Novation. 2018.No. 8.P. 108-111.
9. Simchenko O.S. The model of political culture of high school students in the context of the formation of the basic culture of the personality // In the collection: Results of scientific research of scientists of the Moscow State University named after A.A. Kuleshova 2015 Materials of the scientific and methodological conference. Editor: E.K. Sychova 2016.S. 205-207.
10. Fedorchenko S.N. Archaic of political culture VS legitimacy of democracy (on the example of Islamic and Central Asian post-Soviet states) // Post-Soviet continent. 2016. No. 1 (9). S. 46-53.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК КЛЮЧЕВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сулимов Николай Юрьевич

студент, факультет государственного и муниципального управления, РЭУ им. Г.В. Плеханова, kolyasik@bk.ru

Механизмом формирования национального сознания выступает национальная идея. Она призвана играть важнейшую роль в создании системы национального воспитания. Национальная идея зарождается в недрах национального самосознания, которая концентрирует в себе осознание нацией своего исторического становления, так и своей собственной исторической судьбы. С другой стороны, преодолевая неопределенность в жизненных и ценностных ориентациях нации, национальная идея выступает мощным фактором развития национального самосознания. Национальная идея является основой национальной мобилизации, потенциальной или реальной участия людей, принадлежащих к определенной нации, в процессах.

Ключевые слова: отрезок времени, политический процесс, цели, задачи, идеалы.

Как известно, национальная идея как понятие появилось в XVIII-XIX веках с появлением и формированием национальных государств, которые начали свое собственное развитие и становление.

Национальная идея в современных условиях возникает одновременно и как результат переосмысления жизненных стоимостей в посттоталитарном этнополитическом пространстве России, и как проект будущего развития нации.

Основываясь на национальных и этнических доминантах, национальная идея впитала наставления на сплочение в решении таких проблем:

- гармоничная связь с природой, землей, частная собственность на землю и семейный принцип ее наследования;
- высочайшая ценность – Россия – как общая родина всех граждан, проживающих на ее территории;
- соборность, сохранение имеющихся границ и защита территориальной целостности государства;
- юридическое равенство граждан России;
- духовная и культурная целостность и самобытность, что является важным фактором самоутверждения и консолидации нации;
- самостоятельная личность, национальная символика, патриотически ориентированная деятельность как способ самовыражения личности;
- культурная, психологическая и политическая терпимость к прогрессивным достижениям других этносов, наций.

Национальная идея согласно демократическим мировым традициям должна идеологически обосновывать развитие государства и народов в ней, предостерегать от национального обезличивания ее этносов, определять их характер и перспективу развития именно в Российском государстве. В этом плане существует очень много проблем, требующих решения [4, с. 19].

Однако, национальная идея как источник и выразитель развитого национального сознания сама требует всестороннего обоснования.

Во-первых, нужно раскрыть содержание поставленной цели, развернув его в систему конкретных задач, программу действий. Этой задаче наилучшим образом могут услужить такие общественно-политические факторы, как программы политических партий и движений, программы деятельности правительства, послания и обращения главы государства.

Во-вторых, необходимо отыскать и сообщить обществу адекватные поставленным задачам средства их практической реализации.

Как пример применения государственно-управленческой традиции в процессе формирова-

ния национального самосознания граждан приведем британскую монархию, которая, по сути, давно уже перестала быть монархией. Вместе с тем британец (будь он по национальности англичанин, шотландец, или ирландец) вполне правомерно может сказать большинства других европейцев: “у французов – президент, у поляков – президент, у русских – президент, а у нас – ее величество королева”, и он (британец) будет этим гордиться, не обращая внимания на весь анахронизм британской монархии. Более того, осознание “принадлежности” к британской монархии до сих пор является одним из наиболее эффективных интегрирующих механизмов для уже достаточно давно самодостаточных наций (британцев, канадцев, новозеландцев, австралийцев).

В-третьих, нужно найти (или подготовить) конкретных исполнителей – социальных субъектов, способных осуществить намеченные планы, воплотить цель в жизнь своей деятельностью. Одной из наиболее действенных сообществ таких исполнителей выступает институт государственной службы России. При условии, что государственные служащие сами воспринимают национальную идею и владеют средствами ее воплощения, они как основные посредники между государством и нацией (хотя мы и не имеем в виду противопоставления этих социальных феноменов) способны эффективно влиять на процессы формирования национального сознания широких слоев [10, с. 77].

Российская национальная идея всегда была связана с синтезом национального и социально-демократического освобождения, поиском новых форм сосуществования человека и общества, этноса и нации.

Национальная идея должна работать на формирование демократического мышления. Но для этого она требует развития и обновления, она не может быть “вчерашней”, она всегда ориентирована на будущее, всегда историческая, потому что опережает время.

Она является результатом политического творчества элиты. Если национальная идея не обогащается новым содержанием, то и политическое поведение лишено внутреннего стержня [1, с. 160].

Составляющими демократической политической культуры являются сформированные в процессе жизнедеятельности многих поколений политические традиции, практики, идеи, концепции, убеждения о взаимоотношениях между различными элементами системы. То, что демократическая политическая культура вбирает в себя определенные предпочтения и установки людей относительно демократии в целом, дает возможность рассматривать ее как часть общей культуры, которая является определенной системой опыта предыдущих поколений, что помогает воспроизводству социума.

Другими словами, демократическая политическая культура определяет правила игры в демократической политической сфере и придает ощущение компетентности и права участвовать в политическом процессе, то есть создает структуру

ценностей и рациональных подходов, которые обеспечивают единство, взаимодействие институтов и организаций, то есть целостность политической сферы [3, с. 17]. Изменения в структуре интeресов, присушие каждой группе, выбор формы реализации собственных интересов определяют преобразования социальной структуры и общественного сознания. В результате сложившегося взаимодействия происходит процесс упорядочения, стабилизации определенных структур, их преобразования и усложнения.

В современных демократических преобразованиях с новой силой проявились противоречия между возможностями свободной жизни и разным уровнем политической культуры общества. Недоразвитость политических отношений в прошлом отразилась в наши дни на соответствующем уровне политической культуры. Иногда это даже тормозит демократические преобразования, вызывает межнациональные недоразумения, мешает установлению гражданского согласия.

Однако диалектическая связь политической культуры и политических отношений позволяет утверждать, что формирование демократической политической культуры будет обеспечиваться развитием политических отношений. Создание надлежащих условий для политической жизни, доступ к политической информации, гласность деятельности власти, демократические свободы с одновременным установлением свободы экономической жизни закладывают основу для формирования демократической политической культуры [5, с. 97].

Сегодня политическая культура в России формируется и развивается на основании осмысления наших реалий и под влиянием деятельности многочисленных политических партий. Заметим, что последнее не столько достижением, сколько свидетельством слабости развития политического процесса в России. Сейчас почти не существует стран, где бы существовало такое количество партий, почти не отличающихся друг от друга не то что названиями, но и политическими платформами. Так, партии отражают интересы определенных групп, деятелей, но отнюдь не общественные интересы. Некоторые ученые видят в этом инерцию формирования социальной среды посткоммунистической России, когда демократия фактически отсутствует [7, с. 237].

Термин “формирование” происходит от латинского слова *formo*, то есть создания чего-либо. В нашем случае имеем в виду процесс формирования культуры на почве современного политического опыта русского народа, процесс, сочетающий стихийные и организованные факторы. Последние набирают силу, когда политические субъекты осознают важность формирования и утверждения национальной культуры как гаранта необратимости общественно-политических изменений и могут реально влиять на этот процесс.

Среди наиболее динамичных и насыщенных политико-культурных процессов, развернувшихся в России, есть творческое заимствование мирово-

го опыта суверенного и демократического жизни. В его развитии заинтересованы как прогрессивные силы российского общества, так и весь цивилизованный мир.

На пути политически-культурного заимствования в России сложились такие основные вопросы: что и от кого заимствовать, как внедрять приобретенный опыт в жизнь?

Для современной России актуальным является опыт цивилизованных народов по организации эффективной деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти, их взаимодействия в рамках демократического режима, отношений центра и регионов, традиций местного самоуправления, обеспечения прав и свобод граждан, их ответственности перед обществом и государством [9, с. 58]. Особенно ценным для политических субъектов России является иностранный опыт трансформации тоталитарных режимов в демократические, перехода от идеологизированного общества к плюралистическому, возрождения национальной культуры и государства.

За годы суверенного существования России сформировалась определенная система заимствования мирового опыта. Это целевые командировки за границу правительственных и парламентских групп, делегаций партийных и общественных организаций, стажировки студентов, аспирантов, докторантов и преподавателей в политологических центрах Европы и мира, участие политиков и ученых в международных конференциях, симпозиумах, выставках, пребывание в роли наблюдателей на выборах и других политических мероприятиях.

Весьма интересным и показательным является тот факт, что западные демократии сами стремятся попасть в Россию, чтобы здесь принести пользу своими советами, анализами, практическим участием в решении политических проблем. Следовательно, речь идет не только о соответствующей активности русской стороны, но и международного сообщества, не только о заимствованиях, но и о целенаправленной пропаганде, передаче политического опыта.

Какие же пути можно выделить в развитии политической культуры в современных условиях?

1. Для правильного восприятия гражданами общественного прогресса, создание научных представлений о политике нужен высокий культурный и образовательный уровень страны, требуется также повышение жизненного уровня граждан, не обремененных тоталитарной идеологией. Политическая культура не ограничивается лишь сферой политических отношений. Она связана со всеми аспектами духовной жизни общества: наукой, образованием, литературой, искусством. Как своеобразное социальное явление политическая культура является составляющей духовной культуры, что придает последнюю мировоззренческую ориентацию. Вот почему неудовлетворительное состояние развития общей культуры, запущенность памятников истории, сельских школ, клубов, музеев, библиотек, низкая заработная плата работников культуры и образования нега-

тивно влияют на формирование и политической культуры. Для того, чтобы изменить ситуацию, нужно повысить статус учителей, преподавателей, работников культурной сферы, законодательно урегулировать вопрос внебюджетного финансирования учреждений образования и науки, в условиях ограниченных ресурсов внедрить публично-частное партнерство в этой сфере.

2. Одновременно с развитием объективной и независимой политической науки, необходимо активизировать участие политологов в государственно-экспертной работе, средствах массовой информации, в создании единой системы политического знания для всех слоев населения. Как известно, роль средств массовой информации в современном мире чрезвычайно велика, ведь недаром СМИ называют четвертой властью. Они не просто информируют население о процессах, происходящих в стране и мире, но и пропагандируют определенные идеи, взгляды, учения, политические программы, влияют (прямо или опосредованно) на общественную мысль. С помощью объективного рассмотрения политических событий средства массовой информации формируют политически компетентных граждан, которые могут правильно ориентироваться в сложных противоречивых политических процессах, принимать ответственные решения.

3. Большой проблемой является создание условий для получения гражданами политических знаний. В России формирование целостной системы политической науки и образования, опирающаяся на многовековые традиции отечественной политической мысли, началось вместе с обретением государственной независимости и началом реформирования общества на принципах демократии и цивилизованности. На начальной стадии становления этой системы самой серьезной проблемой было преодоление среди широкой общественности и в структурах государственной власти предвзятого, негативного отношения к самой идее введения указанной системы. Эта проблема была связана с существованием стереотипов вроде квалификация определенной части гуманитарной интеллигенции как политически опасной, отождествление политической науки с предыдущей заидеологизированной, формализованной, догматизированной системой политического образования под патронатом одной партии. В этих объективно неблагоприятных условиях, препятствий субъективного характера в России все же сформировалась в течение первых пяти лет государственной самостоятельности разветвленная инфраструктура политической науки и образования. Политологию изучают сейчас во всех высших учебных заведениях России и в средних специальных учебных заведениях [11, с. 73].

4. На развитие политической культуры влияет также состояние исторического знания. Еще в античные времена историю называли «магистра вита» – учительницей жизни. Это очень важный аспект представлений человека об обществе. Объективные исторические исследования, без идеоло-

гической догматики, освобождают людей от стереотипного оценивания других народов и государств. История является надежным фундаментом для познания перспектив развития общества, способствует укреплению чувства единства мировой цивилизации. Можно вполне согласиться с мнением Б. Цимбалистого, что «политическая культура, как любая культура, – это деликатный цвет предыдущего развития. Она увядает и умирает, когда общество регрессирует до примитивного образа жизни, когда обстоятельства неблагоприятны».

5. Необходимой гранью воспитания в нашем обществе политической культуры является утверждение в обществе уважения к праву и правопорядку, преодоление правового нигилизма. К тому же, как со стороны граждан, так и со стороны власти в настоящей, а не декларируемой правовом государстве царит культ права. Политически развитое общество понимает, что прочный социальный порядок важнее политических амбиций.

Порядок, порядок не может быть «левым» или «правым», он должен быть порядком. Строим, а не непрерывным тасованием строк. В обществе, где стабильность строя опирается на демократические законы и поддержку общества, невозможны хаос, анархия и гражданская война. Политическая культура должна развиваться в направлении воспитания чувства единства общества со своей гаммой интересов и отношений, поддерживающих гражданское согласие.

Итак, демократическую политическую культуру можно сформировать путем преобразования общества на действительно демократическое, предоставляющее возможность каждому гражданину свободно участвовать в политической жизни, создает надлежащие условия для развития культуры и образования, заботится о духовном и моральном состоянии населения.

Современная Россия, как независимое государство, в очередной раз стала перед необходимостью реализации принципа политического и культурного плюрализма. Поэтому политическая культура нового общества, которая формируется в независимой России, должен быть культурой согласия, гражданского мира, уважения к свободам и правам человека.

Литература

1. Алиева В.Р., Назаров Р.Р. Политическая культура: понятие, сущность, структура // Актуальные проблемы современной науки. 2016. № 3 (88). С. 159-162.
2. Артюхова В.В. Молодежь и политическая культура: результаты социологического исследования // В сборнике: Социологический альманах Материалы VII Орловских социологических чтений. Под общей редакцией П.А. Меркулова, Н.В. Проказиной. 2016. С. 60-62.
3. Бойко С.И. Религиозная политическая культура и устойчивость государственного управления в многоконфессиональной России // В сборнике: Государство, общество, Церковь в истории России

XX-XXI веков материалы XV Международной научной конференции: в 2-х частях. 2016. С. 16-22.

4. Гаврилова М.В. Слово "Культура" в дискурсивной репрезентации идеологических взглядов российских политических партий // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 18-26.

5. Гаджиев М.М. Основные факторы архаизации политической культуры и межнациональные отношения в республиках Северного Кавказа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 2 (47). С. 96-101.

6. Григоркин И.Л. Факторы формирования политической культуры общества в условиях модернизации // В сборнике: проблемы социокультурной и политической модернизации: человек, коммуникация, среда материалы IX межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова. 2016. С. 28-32.

7. Елисеева Д.Д., Хорошилова А.В. Политическая культура студенческой аудитории города Курска // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 3 (3). С. 236-238.

8. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 22-28.

9. Подрезов К.А., Смелова М.В. Политические ценности как элемент ценностных ориентиров и политической культуры молодежи // Молодой ученый. 2016. № 13-2 (117). С. 57-60.

10. Сулейманов Т.Ф., Янаев Р.Р. Политическая культура и национальный менталитет (часть II) // Научный обозреватель. 2016. № 4. С. 76-83.

11. Филатова Е.К. Политическая культура молодежи орловской области // В сборнике: Социологический альманах Материалы VII Орловских социологических чтений. Под общей редакцией П.А. Меркулова, Н.В. Проказиной. 2016. С. 72-74.

The national idea as a key focus of political culture Sulimov N.Yu.

PRUE G.V. Plekhanov

The mechanism for the formation of national consciousness is the national idea. It is called upon to play a crucial role in creating a system of national education. The national idea arises in the depths of national identity, which concentrates in itself the nation's awareness of its historical formation, and of its own historical destiny. On the other hand, overcoming the uncertainty in the life and value orientations of the nation, the national idea acts as a powerful factor in the development of national self-awareness. The national idea is the basis for national mobilization, the potential or real participation of people belonging to a particular nation in the processes.

Key words: period of time, political process, goals, tasks, ideals.

References

1. Alieva V.R., Nazarov R.R. Political culture: concept, essence, structure // Actual problems of modern science. 2016. No. 3 (88). S. 159-162.
2. Artyukhova V.V. Youth and political culture: results of sociological research // In the collection: Sociological almanac Materials of the VII Oryol sociological readings. Under the general editorship of P.A. Merkulova, N.V. Leprosy. 2016. S. 60-62.
3. Boyko S.I. Religious political culture and stability of public administration in multi-confessional Russia // In the collection:

- State, society, Church in the history of Russia in the XX-XXI centuries, materials of the XV International scientific conference: in 2 parts. 2016.S. 16-22.
4. Gavrilova M.V. The word "Culture" in the discursive representation of the ideological views of Russian political parties // Political linguistics. 2016. No. 3 (57). S. 18-26.
  5. Gadzhiev M.M. The main factors of archaization of political culture and interethnic relations in the republics of the North Caucasus // Caspian region: politics, economics, culture. 2016. No. 2 (47). S. 96-101.
  6. Grigorin I.L. Factors of the formation of the political culture of society in conditions of modernization // In the collection: problems of socio-cultural and political modernization: people, communication, environment materials of the IX interuniversity scientific-practical conference with international participation. St. Petersburg State Forestry University named after CM. Kirov. 2016.S. 28-32.
  7. Eliseeva DD, Khoroshilova A.V. Political culture of the student audience of the city of Kursk // Modern research and development. 2016. No. 3 (3). S. 236-238.
  8. Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tretyakov I.L. The political concept of the absolute sovereignty of Marsil of Padua and Jean Bodin in the context of syncretism of modern legal culture // Legal science: history and modernity. 2016. No. 3. S. 22-28.
  9. Podrezov K.A., Smelova M.V. Political values as an element of value orientations and political culture of youth // Young scientist. 2016. No. 13-2 (117). S. 57-60.
  10. Suleimanov T.F., Yanaev R.R. Political culture and national mentality (part II) // Scientific observer. 2016. No. 4. S. 76-83.
  11. Filatova E.K. Political culture of youth in the Oryol region // In the collection: Sociological almanac Materials of the VII Oryol sociological readings. Under the general editorship of P.A. Merkulova, N.V. Leprosy. 2016.S. 72-74.

ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЛОГГИНГА В АСПЕКТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Карпенко Сергей Александрович

канд. полит. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет, serg_197833@mail.ru

Блог в политических сетевых коммуникациях одновременно выполняет как информационную функцию (генерирование контента и упорядочения информации в сети Интернет), так и некоторые другие функции (коммуникативную, консолидирующую и др.).

Блог является испытательной платформой для осуществления политических манипуляций или для проверки определенных идей и концепций. Иногда он является альтернативным площадкой для выражения оппозиционной мысли, когда практически все другие виды медиа становятся недоступными для оппозиции.

Политическая коммуникация как социально-информационное поле политики в последнее время начала отходить от традиционного набора средств. Так, наряду со СМИ и неформальными каналами, новые инструменты с ощутимым эффектом воздействия продуцирует информационное общество с развитой сетью Интернет.

Ключевые слова: блоггинг, блогосфера, Интернеткоммуникация, сегмент, формирование.

Политические актеры, не отказываясь от живого общения и обмена мнениями, трансформировали контакты со сторонниками и оппонентами в онлайн-коммуникацию. Новой же действенной платформой для презентации своих мыслей, позиций, заявлений и аргументов стала блогосфера.

Блоги, как текстовые, так и видеоблоги, начали исследовать не так давно, а научные поиски по указанной тематике в рамках политологии находятся на начальном этапе.

Отечественная политическая наука сосредоточила свое внимание на исследовании потенциала блогосферы как политического инструмента коммуникации.

Так, блогосферу как автокоммуникативную технологую исследует [2], отечественную блогосферу [3], глобальную политическую блогосферу [4], статус и назначение политических блогов [5] и др. Важным остается изучение аспектов политической коммуникации [1], в частности в условиях информационного общества, и дальнейшие исследования таких ее средств, как социальные медиа и социальные сети.

Толчком к появлению новых форм, видов и средств политической коммуникации служило расширение и доступность сети Интернет. По мнению ученого, главными преимуществами Интернета являются гипермедийное представление информации, значительно шире ее масштаб, отсутствие каких-либо территориальных или временных ограничений распространения или получения информации, низкая стоимость аудиторного контакта, высокая оперативность информирования [3, с. 55].

Такие свойства Интернета не могли не найти отклика в коммуникационной составляющей политической сферы, особенно в реализации задач. Учитывая, что количество интернет-пользователей в мире выросло с 29% (2010 г.) до 53% (2018 г.), а в РФ по состоянию на 2017 г. этот показатель достиг 66%, политика вышла на новый уровень общения с общественностью - онлайн-коммуникацию [7].

Рядом с рядовыми пользователями активными пользователями в социальных сетях и других онлайн-медиа стали политические силы и политики разных уровней. Общей чертой вхождения политической составляющей в интернет-пространство стало копирование уже существующих форм сетевой коммуникации.

Речь идет, в частности, об использовании почтовых рассылок, регистрации в социальных сетях,

участие в интернет-флешмобах, ведение блогов. Платформой для реализации и развития последних является блогосфера как совокупность всех блогов в формате социально-коммуникативной сети.

Следовательно, современная интернет-терминология дала начало таким категориям, как:

- блог - сетевой дневник;
- пост - сообщение в блоге;
- блогер-человек, ведущий блог;
- блоггинг - процесс ведения блога;
- блогосфера - совокупность всех блогов.

Опираясь на соответствующие аспекты социальных онлайн-медиа, можно определить, что политический блоггинг - это процесс фиксации определенных социально-политических событий и явлений в онлайн-дневнике (блоге) с одновременной презентацией оценочного суждения по ним или с призывом их оценить.

Блогосфера как часть коммуникативного пространства, характеризуется рядом специфических черт, таких как глобальность и демократизм: размытые границы форм общения (отсутствие четких политических, государственных, экономических, социальных и возрастных ограничений) создают возможности для включенности пользователей со всего мира, межкультурной, массовой и межличностной коммуникации [8]. По нашему мнению, характеризуя черты блогосферы, стоит отметить и такие ее особенности, как:

- субъективность - высказана позиция автора обычно оторвана от мнения группы и представляет взгляд определенного актера, например, индивидуального политика;
- использование анонимного авторства - прием, который позволяет избегать стереотипов или персонификации позиции, высказанной в блоге. Таким образом, блогеры пытаются привлечь больше внимание к проблеме, чем к спикеру;
- гиперлокальность, то есть информирование о проблемах или событиях от имени осведомленного субъекта по определенной теме;
- пространственность - блогосфера не ограничивается границами, континентами, юрисдикцией государств. Именно поэтому блог является носителем международной информации и одновременно каналом ее распространения.

Исследователь сетевого общества М. Кастельс также отмечал, что блогосфера характеризуется демократичностью, что проявляется в открытой для всех участников общения возможности влияния на общественное мнение. Рост вовлеченности аудитории в процесс производства и медиации контента придает ей новых качеств, что позволяет назвать современных пользователей просьюмерами.

Если текстовые или видеоблоги, которые ведут популярные блогеры, уже имеют массовую популярность и определены цели и приоритеты, то политические блоги еще не приобрели такой устойчивой традиции. Однако можно выделить несколько направлений, которые определяют цели политического блоггинга, в частности:

- фиксация социально-политических мероприятий;
- высказывания позиции по поводу резонансных событий;
- продвижение политических заявлений;
- оппонирование или выражение поддержки идеям, действиям, заявлениям, отдельным политикам;
- формирование подготовленной аудитории для проведения политических акций;
- информирование о событиях с последующим обновлением информации;
- сбор и анализ мнений с помощью интерактивных комментариев и тому подобное.

Менее распространенной является цель, которую преследуют большинство неполитических видеоблогеров, - аккумуляция средств, конвертируемых из просмотров на видеохостингах и полученных за рекламу в собственных аккаунтах в соцсетях.

Однако соответствующий прецедент в политике создали российские деятели - кандидат в президенты К. Собчак, которая проводит предвыборную кампанию в социальных сетях и зарабатывает деньги на видеопросмотрах, и оппозиционер Е. Навальный, которого считают прибыльным видеоблогером [2].

Хотя сущность блога, в том числе и политического, сводится к хронологическому ведению онлайн-дневника, формы блогов могут быть разными различными. Среди них определены следующие:

- личный блог - ведется от первого лица с изложением собственного мнения и преобладающим субъективизмом;
- тематические блоги (политические, культурологические, научные, просветительские, высокотехнологичные и т. п.);
- блоги-форумы - создаются для организации дискуссии между посетителями по обсуждаемому вопросу. Он рассчитан на небольшую аудиторию, которая является знакомой с темы поста в блоге;
- блоги-каталоги - представляют собой постоянно обновляемый перечень ссылок по определенной теме.

Отечественная исследовательница глобальной политической блогосферы [8] выделяет такие виды блогов:

- персональные блоги. Они создаются в виде дневников или комментариев и регулярно обновляются. Среди них выделяют микроблоги, особенностью которых является придиричивая, детализированная фиксация чувств, настроений или событий в жизни лица;
  - корпоративные блоги. Создаются с двойной целью: во-первых, для внутрикорпоративного блоггинга, чтобы повысить деловое общение и общую корпоративную культуру; во-вторых, для наружно - корпоративного блогирования, то есть для «раскрутки» бренда, маркетинговых задач и улучшения связей с общественностью [6, с. 14-15].
- Хотя корпоративные блоги являются менее распространенными, однако стоит заметить, что блог-платформы уже стали неотъемлемыми атри-

бугами официальных сайтов СМИ, медиа-корпораций, публичных организаций. Это еще один аргумент в пользу утверждения, что блоггинг становится альтернативным источником информации, соизмеримый с журналистами-контентмейкерами и теле-, радио- и печатными изданиями.

Типология блогов не ограничивается ранее перечисленными. Критериями классификации здесь выступают количество авторов, наличие мультимедиа, особенности содержания, техническая основа и тому подобное.

Нередко политическим блоггингом называют регулярные заметки политиков и государственных деятелей на официальных аккаунтах в социальных сетях, где их подписчиками являются миллионы интернет-пользователей. Итак, стоит проанализировать, используют ли потенциал блогов ведущие политические актеры России?

Чтобы персонифицировать предметное поле исследования, обратимся к последним социологическим исследованиям, которые осенью 2019 года провели Центр Разумкова, Центр социальных исследований «София» и Центр социальных и маркетинговых исследований [9].

Кроме наиболее популярных платформ для ведения онлайн-дневников, политики пользуются и распространенной практикой публикации видеоблогов.

Степень активности ведения блогов напрямую зависит от уровня открытости и публичности политического деятеля. Этим же определяется и непосредственность ведения блогов, то есть степень вовлеченности пресс-служб и спикеров, политика к формированию и обнародованию сообщений в соцсетях. Исключением здесь можно считать Президента России, у которого, учитывая должность и статус, предусмотрены соответствующие консультанты и помощники (контент-мейкеры).

Не смотря на динамичную распространенность блоггинга, в частности политического, по нашему мнению, это средство политической коммуникации должно расширять свой инструментарий и спектр функций. Речь идет прежде всего об отсутствии в блогосфере государственных учреждений социальной направленности.

Да, блоггинг мог бы стать каналом информирования и обратной связи между государственным институтом и гражданином. Блоги позволили бы не только информировать, но и разъяснять некоторые аспекты реализации государственной политики (налоговой, тарифной, образовательной, медицинской и тому подобное).

Рядом со значительным количеством персональных блогов политиков стоит активизировать и корпоративные блоги политических партий, которые бы переняли часть функций партийных штабов и региональных центров в части коммуникации с потенциальным электоратом. Кроме того, блог - это конвенционное средство политической борьбы в качестве медиа-платформы для публичного изучения и дискуссий.

Учитывая то, что за блогами первых лиц государства следит многомиллионная международная аудитория, стоит уделять большее внимание качеству блог - контента, ведь его содержание влияет на оценку репутации страны в целом.

Важно отметить, что в контексте превращения блогосферы в альтернативную форму средств массовой информации, блоггинг тоже требует определенного нормативного регулирования. На сегодня ни один законодательный акт, который регламентирует осуществление информационной политики в Украине, не определяет границ ответственности блоггеров за распространенную ими информацию, потребителями которой являются большинство пользователей сети Интернет.

Итак, в современном мире политические блоги - это распространенное явление в западной политике и новая, но популярная, форма политической коммуникации для стран переходного типа.

Здесь блоггинг используют хаотично и не системно, активизируясь в электоральный период. Однако уже сейчас можно констатировать, что среди средств политической коммуникации блог не уступает своей эффективностью ни средствам массовой информации, ни личным контактам с аудиторией.

Приоритетом в развитии блогосферы является ее частичное нормативное оформление, в частности относительно ее статуса в системе информационной политики, а преимуществом блоггинга является наличие постоянно растущей аудитории и пространственной платформы для продвижения политических месседжей.

Литература

1. Белявцева Д.В. Становление и развитие региональных политических исследований в западной Европе // Высшая школа: научно-методический и публицистический журнал. 2017. № 1 (117). С. 51-54.
2. Вартумян А.А., Джанталеева М.Ш., Дмитриев А.В., Карабущенко П.Л., Косов Г.В., Кудряшова Е.В., Оськина О.И., Подвойский Л.Я., Резаков Р.Г., Рекешева Ф.М., Романова А.П., Топчиев М.С., Усманов Р.Х., Шебзухова Т.А. Новейшая политическая история: прикаспийская "геополитическая ось" (1991-2011 годы) // Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки 41.03.04 "Политология", 41.03.05 "Международные отношения", 46.03.01 "История" (квалификация (степень) "бакалавр") / Москва, 2019. Сер. Высшее образование: Бакалавриат
3. Дроздова Ю.А. Основные методологические подходы в исследовании региона // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 26-37.
4. Карабущенко П.Л. Элиты северного Кавказа: патриархальная элитарность и современность // В сборнике: Кавказ в начале XXI века: народы, общество и государство Материалы международного Форума: в 2-х томах. 2016. С. 160-170.

5. Карякин В.В. Геополитическая регионалистика // Москва, 2018.

6. Лебедева М.Л. Историко-правовые аспекты развития регионов Франции // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24). С. 48-55.

7. Махмудов А.С. Международный аспект региональной безопасности: формирование новой стратегической реальности // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134). С. 137-141.

8. Медведев Н.П. Этнополитическая регионалистика СНГ // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 2 (16). С. 76-82.

9. Островская И.В. Практика политического участия общественных объединений Севастополя в контексте событий "русской весны" (февраль - март 2014 года) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 172-182.

10. Цветкова О.В. Пограничная политика современной России: теоретико-методологические основы // Вестник Российской нации. 2018. № 1 (59). С. 183-192.

Features and functions of political blogging in the aspect of political communication on the Internet

Karpenko S.A.

Far Eastern Federal University

A blog in political network communications simultaneously performs both an information function (generating content and ordering information on the Internet) and some other functions (communicative, consolidating, etc.).

The blog is a testing platform for political manipulation or for testing certain ideas and concepts. Sometimes it is an alternative platform for the expression of oppositional thought, when practically all other types of media become inaccessible to the opposition.

Political communication as a social and informational field of politics has recently begun to move away from the traditional set of tools. Thus, along with the media and informal channels, the information society with a developed Internet network produces new tools with a tangible impact.

Key words: blogging, blogosphere, Internet communication, segment, formation.

References

1. Belyavtseva D.V. Formation and development of regional political studies in Western Europe // Higher school: scientific, methodological and journalistic journal. 2017. No. 1 (117). S. 51-54.
2. Vartumyan A.A., Dzhantaleeva M.Sh., Dmitriev A.V., Karabuschenko P.L., Kosov G.V., Kudryashova E.V., Oskina O.I., Podvoisky L.Ya., Rezakov R.G., Rekesheva F.M., Romanova A.P., Topchiev M.S., Usmanov R.Kh., Shebzukhova T.A. The latest political history: the Caspian "geopolitical axis" (1991-2011) // Textbook for students of higher educational institutions studying in the areas of training (qualification (degree) "bachelor") / Moscow, 2019. Ser. Higher education: Bachelor's degree
3. Drozdova Yu.A. Basic methodological approaches in the study of the region // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. 2018.No. 4.P. 26-37.
4. Karabuschenko P.L. Elites of the North Caucasus: patriarchal elitism and modernity // In the collection: Caucasus at the beginning of the XXI century: peoples, society and state Materials of the International Forum: in 2 volumes. 2016.S. 160-170.
5. V. V. Karjakin Geopolitical regionalism // Moscow, 2018.
6. Lebedeva M.L. Historical and legal aspects of the development of regions of France // Questions of political science. 2016. No. 4 (24). S. 48-55.
7. Makhmudov A.S. The international aspect of regional security: the formation of a new strategic reality // Ethnosocium and interethnic culture. 2019. No. 8 (134). S. 137-141.
8. Medvedev N.P. Ethnopolitical regionalism of the CIS // Eurasian Union: issues of international relations. 2016. No. 2 (16). S. 76-82.
9. Ostrovskaya I.V. The practice of political participation of public associations of Sevastopol in the context of the events of the "Russian spring" (February - March 2014) // Theories and problems of political research. 2016. Т. 5.№.5А. С. 172-182.
10. Tsvetkova OV Border policy of modern Russia: theoretical and methodological foundations // Bulletin of the Russian nation. 2018. No. 1 (59). S. 183-192.

КЛАССИФИКАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНИК В ПОЛИТИЧЕСКОМ БЛОГГИНГЕ

Косаренко Николай Николаевич,
канд.юрид. наук, проф., РЭУ им. Г.В. Плеханова,
nkosarenko@yandex.ru

Изменения, которые сегодня происходят в мире, территориальные трансформации, смена национальных приоритетов, все это приводит к установлению новых видов, форм и пределов коммуникационного поля, вырабатывают новые схемы международных связей, меняется качество информации. Политический блог-дискурс отличается наличием смешанной формы регистров устной разговорной и письменной публицистической речи и является одной из форм презентации политической коммуникации в сети Интернет.

Ключевые слова: стратегия, общие принципы, манипуляция, международные связи, тактика.

Достижения определенной цели проявляется в сущности языковой деятельности и имеет прямое отношение к семантического движения. Следует отметить, что некоторые из указанных стратегий (когнитивных и сенатичних) имеют свойства риторики, и этот аспект дает возможность максимально достигать общих целей манипулятора. Эти цели должны иметь признак стратегичности и привязку к средствам аргументации и убеждения [8].

Основной целью политического манипулирования-получение, реализация и сохранение (удержание) власти. Успешным политическое манипулирование будет тогда, когда объекты политических манипуляций уверены в том, что все происходящее в обществе является естественным и неизбежным. Объектами политического манипулирования выступают массы, которые изучаются представителями политологических, психологических, социологических отраслей научного знания.

Процесс манипулирования состоит из следующих фаз:

1) пробуждение интереса у потенциального объекта манипулирования действий, слов манипулятора;

2) вхождение манипулятора в доверие к объекту манипулятивных действий;

3) интерес интригой (возможность узнать, получить и т. п.);

4) маневр отвлечения (перенос внимания объекта манипулирования на второстепенную деталь; сообщение сенсационной вести, которая не касается дела, и тому подобное);

5) подмена, сокрытие (слова, предмета, действия);

6) констатация сфабрикованного результата;

7) скрытое или откровенное побуждение объекта манипулирования к действиям, словам, поведению, поступкам, необходимым манипулятору.

Политические манипуляции осуществляются на межличностном, внутригрупповом, межгрупповом, массовом уровнях. На межличностном и внутригрупповом уровнях используют набор определенных манипулятивных приемов, а на межгрупповом и массовом уровнях действуют манипулятивные технологии.

Блогер, выступающий в качестве бота, - это доволно «новое явление, которое раньше понималось как программа, которая выполняет определенный набор функций с гуманитарной нагрузкой, то есть может имитировать действия человека».

Скорее всего, использование понятия «бот» определяет, что в деятельности блогера четко ограничены и определены его функции и задачи, и он начинает действовать как робот с соответству-

ющими функциями. Это может быть представление какой-то политической партии, силы, общественного движения, или продвижение неких идей и мнений и тому подобное.

В то же время за ангажированность довольно сложно отделить от собственного мнения блогера.

В Интернете желательна наличие политкорректности, но она не всегда проявляется в актуальных беседах и на политических площадках.

Такое поведение блогера может быть ангажировано какой-то аудиторией, это могут быть люди с любыми отклонениями разного направления, или лишь характеризоваться низким уровнем образования или воспитания.

Как определяет по этому поводу С. Дацюк, «по неким блогерам на протяжении непродолжительного промежутка времени его деятельности для аудитории очень трудно отличить специфику предпочтений блогера от ангажированности его взгляда на эту проблему» [3].

Поэтому блогеры начинают восприниматься в качестве ботов тогда, когда их собственная позиция достаточно долгое время является ангажированной какой-то политической силой, или эта собственная позиция не поддерживается с мировоззрением общества.

То есть, если мнение блогера популярно, общепринято. В данном обществе или политической группе, тем меньше шансов, что данный блогер может быть преобразован в бота.

Но следует отметить, что, активно работающие, боты имеют спрос среди определенной социальной аудитории. Так происходит потому, что со временем формируется такая группа посетителей "блогера", которыми воспринимается информация, представляемая блогером. Количество таких посетителей является достаточно небольшим.

«В обществах, где есть политическое противостояние, боты получают названия, они ориентированы на конкретных политических лиц, между которыми происходит это противостояние.

Такие процессы преобразования относятся не только к ботам. В случае, когда блогер имеет желание не принимать участия в процессе ботизации, она проникает в его социальные сети путем коммент-ботов в сфере обсуждения его блогов. И тут тоже две позиции - эльфлинг (восторг позиции блогера) и троллинг (радикальная критика, провокации и издевательство над позицией блогера).

То есть, следует вполне согласиться с утверждением С. Доцюка, что «даже неботизованных блогеров, которые избежали продажности и ботизации, пытаются ботизировать – но уже через комментарии со стороны коммент-ботов».

Одной из ролей, которую играет блоггер в блогосфере – это роль общественного деятеля, представителя общественной мысли, движения. То есть, главная цель деятельности блогера как лидера общественного мнения не просто формулировать ту или иную позицию, но и продвигает ее в массы.

В то же время цитируемый исследователь замечает, что одной же проблем блогеров, пред-

ставляющих позицию власти, является то, что в большинстве случаев они оторваны от общества.

Так, он считает, что «...пока власть солидаризируется с обществом, провластные блогеры очень похожи на других общественных блогеров. Как только власть перестает солидаризироваться с общественностью и возникает оппозиция, сразу появляется, как минимум, два типа блогеров ботов – провластные и оппозиционные».

С. Доцюк делает вполне обоснованный вывод, что неполитические блогеры, то есть те, которые не имеют непосредственного отношения к власти или оппозиции, не могут сформироваться автоматически. «Современные ориентации для блогера как общественного деятеля значительно изменились в сравнении с традиционной журналистикой.

Ранее влиятельный автор, прежде всего, отстаивал определенные идеи и только в связи с этими идеями - определенные ценности и моральные нормы, которые означали те или иные позитивные перспективы. Сейчас структура блогерского дискурса изменилась.

Недоверие к идеям стало мейнстримом именно благодаря поражению в нынешнем мире коммуносоциалистической и либерально-демократической идейных течений ".

Со временем, самые популярные блогеры теряют идейное наполнение. Общество не всегда воспринимает новые современные взгляды, которые возникают в процессе смены политических сил, изменения политической системы.

Люди больше склоняются к каким-то мотивациям, интеллектуальных установок, им нужны четко определенные стратегии, сценарии развития и средства их дальнейшего применения.

Таким образом, можно утверждать, что общественная потребность на носителя – лидера общественного мнения является важным и сложным процессом.

Еще одно направление политического блоггинга, в котором блогер выступает в качестве пророка.

То есть, блогеры-пророки работают с другими за счет создания нового перспективно-смыслового дискурса, минуя актуальные нарративы СМИ или критически относясь к ним. Такой уровень блоггинга довольно сложно ботизировать, ни на уровне ангажирования блога в разграничении власти-оппозиция, ни на уровне эльфинга или троллинга путем комментариев к блогу в социальных сетях.

Следует также указать возможности богов суггестивного характера. Это раскрутка какого-имя, лица, какой-то идеи, бренда и тому подобное.

Свойства блогов отличают их от традиционных средств массовой коммуникации и делают эффективной площадкой суггестии. Среди таких характеристик следует указать следующие: блог может создать любой и где угодно, а это говорит о легкости публикаций; создан пост практически в режиме онлайн уже доступен своим читателям; доступность – количество, активность и творчество постов дает возможность коммуникации в блогах и доступности к ним.

Кроме того, массовое сознание характеризуется догматическим и критическим отношением к действительности. Как свидетельствует исторический опыт, власть, которая использует в своей политической практике манипулирование, как правило, заинтересована в ограничении (запрете) критического отношения к политическому процессу и культивировании догматического, с целью обеспечения устойчивости собственных позиций.

Именно для усиления догматизации, унификации мышления обществу навязывают систему стереотипов, мифов, имиджа и тому подобное. Сочетание в массовом сознании привычного, традиционного и необычного, инновационного открывает возможности для манипулирования.

Даже, желая перемен и провозглашая реформы, правящие политические элиты могут часто использовать манипулятивные приемы апеллирования к традициям, обычаям, привычкам, которые нередко являются фундаментом устойчивости политической власти.

Кроме того, инновационные идеи служат строительным материалом для создания новых мифов, новой параллельной реальности, которая является благоприятной почвой для эффективного политического манипулирования.

Специфика политического манипулирования как специфической формы политического влияния, заключается в создании дополнительных психологических рычагов эффективного действия в процессе борьбы за власть. При этом необходимо скрыто корректировать массовое сознание; включать в массовое сознание искусственные стимулы (мотиваций) действия; направлять общественные настроения и общественную активность в нужном для манипулятора направлении.

Итак, политическое манипулирование выступает одним из условий стабильного существования политических режимов и позволяет контролировать личность и ее сознание.

Средства политического манипулирования нужно постоянно развивать и совершенствовать, поскольку они помогают политическим режимам стабильно функционировать.

Политическое манипулирование должно быть спланированным и организованным, поскольку может нести в себе потенциальные риски для развития общества в целом. Кроме того, необходимо активно привлекать СМИ, которые эффективно распространяют информацию и оказывают наибольшее влияние на общественное сознание.

Противостоять политическому манипулированию становится все сложнее, поскольку информационная среда влияет на всех, особенно на незащищенных индивидов. У людей формируются стереотипы, табу, программируется поведение и сознание, которые, в свою очередь, определяют и регламентируют их поведение, реакции и прочее.

Литература

1. Афинская З.Н. В пространстве ключевых понятий региональных исследований // Россия и Запад: диалог культур. 2017. № 16. С. 1-11.

2. Баранец С.Н. Управление региональным развитием: структуры, субъекты, потенциалы // В сборнике: Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов Сборник докладов / статей участников XV Всероссийской научно-практической конференции в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». 2019. С. 437-446.

3. Вартумян А.А., Карабущенко П.Л., Косов Г.В., Кудряшова Е.В., Оськина О.И., Подвойский Л.Я., Резаков Р.Г., Усманов Р.Х., Шибзухова Т.А. Новейшая политическая история: "Кавказский геополитический узел" (1991-2011 годы) // Учебное пособие / Москва, 2019. Сер. Высшее образование: Бакалавриат

4. Лебедева М.Л. Теоретические основы регионального политического процесса // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 71-74.

5. Межевич Н.М., Ткачев С.А. Приграничное сотрудничество: новое положение в системе факторов регионального развития северо-запада России // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2017. № 1. С. 69-74.

6. Мухаметов Р.С. Региональный политический процесс в России // Saarbrucken, 2016.

7. Скороходова В.П. Президентские выборы 2018 г. На северном Кавказе: перспективы и потенциальные риски // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. № 5 (374). С. 835-850.

8. Устинович Е.С. Проектирование региональных СМИ. Методические указания по проведению самостоятельных занятий // Методические указания по проведению самостоятельных занятий по направлению подготовки 41.04.04 Политология профиль, Политическая регионалистика / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2018.

9. Федякин А.В., Федякин И.В. Транспортная политика за рубежом: центры подготовки кадров и основные направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 346-357.

10. Фролов А.А. Теория и методология проведения аналитических работ по исследованию центр-региональных отношений в Российской Федерации // В сборнике: Современная политика глазами молодых политологов Материалы X Всероссийской Ассамблеи молодых политологов. Под редакцией Н.В. Борисовой, К.А. Сулимова. 2018. С. 5-12.

Classification of manipulative techniques in political blogging Kosarenko N.N.

PRUE. G.V. Plekhanov

The changes that are taking place in the world today, territorial transformations, changes in national priorities, all this leads to the establishment of new types, forms and limits of the communication field, develop new patterns of international relations, and change the quality of information. Political blog discourse is characterized by the presence of a mixed form of registers of

spoken and written journalistic speech and is one of the forms of presentation of political communication on the Internet.

Manipulative influence, despite its cognitive and pragmatic complexity, is based on repetitive strategies, tactics, and appropriate techniques. In one of the first treatises on military art, "the Art of war", sun Tzu (VI–V centuries BC) formulated the General principles of strategy and tactics of warfare, the provisions of which are still relevant. In particular, the treatise States that actions are effective when they are indirectly related to the actions of the enemy, carried out on the principle of indirect actions (manipulation – hidden influence).

Keywords: strategy, General principles, manipulation, international relations, tactics.

References

1. Athens Z.N. In the space of key concepts of regional studies // Russia and the West: dialogue of cultures. 2017.No. 16.P. 1-11.
2. Baranets S.N. Management of regional development: structures, subjects, potentials // In the collection: Conditions and ways to increase the activity of youth as a subject of innovation and sustainable development of regions Collection of reports / articles of the participants of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference within the framework of the initiative program "Problems of the sociocultural evolution of Russia and its regions ". 2019.S. 437-446.
3. Vartumyan A.A., Karabuschenko P.L., Kosov G.V., Kudryashova E.V., Oskina O.I., Podvoisky L.Ya., Rezakov R.G., Usmanov R.Kh., Shebzukhova T.A. Recent political history: "Caucasian geopolitical knot" (1991-2011) // Textbook / Moscow, 2019. Ser. Higher education: Bachelor's degree
4. Lebedeva M.L. Theoretical foundations of the regional political process // Socio-political sciences. 2016. No. 2. S. 71-74.
5. Mezhevich N.M., Tkachev S.A. Cross-border cooperation: a new position in the system of factors of regional development of the north-west of Russia // Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2017. No. 1. S. 69-74.
6. Mukhametov R.S. Regional political process in Russia // Saarbrücken, 2016.
7. Skorokhodova V.P. Presidential elections in 2018 in the North Caucasus: prospects and potential risks // National interests: priorities and security. 2019.Vol. 15.No. 5 (374). S. 835-850.
8. Ustinovich E.S. Designing regional media. Methodological instructions for conducting independent studies // Methodological instructions for conducting independent studies in the direction of preparation 04.04.04 Political science profile, Political regionalism / South-West State University. Kursk, 2018.
9. Fedyakin A.V., Fedyakin I.V. Transport policy abroad: training centers and main research areas // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2019.Vol. 21.No. 2.P. 346-357.
10. Frolov A.A. Theory and methodology of analytical work on the study of center-regional relations in the Russian Federation // In the collection: Contemporary politics through the eyes of young political scientists Materials of the X All-Russian Assembly of young political scientists. Edited by N.V. Borisova, K.A. Sulimov. 2018.S. 5-12.

МЕХАНИЗМЫ И ФОРМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КИПРСКОГО КОНФЛИКТА

Заславский Олег Иванович

ст. преподаватель, кафедра политологии, Южный федеральный университет, zaslavsky_2009@mail.ru

Последние десятилетия XX в. в общественно-политическом дискурсе получили название эры этнического Ренессанса. С распадом СССР, Югославии и ростом этнической напряженности на Ближнем Востоке, в Европе и Канаде проблематика этнических конфликтов все чаще привлекает внимание политологов, социологов, этнологов, антропологов, теоретиков международных отношений. Одним из ярких примеров такого этнического противостояния, который впоследствии перерос в открытый вооруженный конфликт, стала борьба между греческой и турецкой общинами Кипра, что в дальнейшем привело к сложным геополитическим противоречиям и негативно сказывается на безопасности ситуации в целом Средиземноморском регионе. Сложная структура противоречий на Кипре на современном этапе сочетает элементы антиколониального национально-освободительного движения, межэтнического конфликта, межгосударственного-двустороннего и многостороннего противостояния, а также черты комплексной проблемы участия нерегionalных и многосторонних актеров.

Ключевые слова: границы, повод, строительная политика, субъект, грань.

Существенное влияние на историю кипрского вопроса осуществила холодная война, а также внутривнутриполитические особенности, которые определили вектор поведения каждого из основных субъектов конфликта. После краха биполярной системы, расширения Европейского Союза, членство Кипра в нем и начало переговоров о вступлении Турции может внести в ситуацию новые императивы.

По мнению С. Ковальского, главным фактором международного аспекта кипрского вопроса в период национально-освободительной борьбы во второй половине 50-х гг. XX в. были идеологические подходы Афин и Анкары по решению сложной ситуации на Кипре. Греция и греческое население Кипра, которое составляло 78% жителей острова, видели дальнейшую судьбу британской колонии в энозисе. Суть энозиса заключалась в объединении "сугубо эллийских" территорий под властью Афин. Такая идея была очень популярна в греческом обществе – ее пропагандировали в прессе, использовали в программах политических партий и т. п. [2, с. 92].

Премьер-министр Греции Константинос Георгакопулос в 1958 г. в поздравлении с Днем независимости Греции заявил, что «определить настоящую независимость Греции можно будет тогда, когда к ней присоединится Кипр». Такие слова полностью отражали официальную позицию Афин того периода относительно видения будущей судьбы Кипра. Турецкие исследователи указывали на влияние на энозис так называемой «Великой Идеи», базировавшейся на восстановлении границ "античной Греции".

В ответ на лозунги энозиса турки-киприоты провозгласили идею "таксимы", или "двойного энозиса". Этот подход заключался в том, что турецкая община на Кипре не была национальным меньшинством, а имела такие же права на острове, как и греки. По мнению турецких радикалов, Кипр надо было поделить между Турцией и Грецией. Лозунг «отделения или смерть» выражало крайность подхода к решению политического и территориального вопроса, связанного с будущим укладом Кипра [4, с. 160].

Не следует забывать, что кроме греческого и турецкого влияния на территории Кипра присутствуют и интересы Великобритании. Напомним, что Кипр получил независимость в 1960 г. К тому времени он принадлежал к многочисленным колониям Британии. Это позволило ей в итоге оставить за собой право на две военные базы, расположенные вблизи городов Акротири и Декелия, площадь которых составляет 3% от общей площади острова. Казалось, что решить этническое противостоя-

ние на острове можно будет через предоставление региону государственного суверенитета. Однако, как показала дальнейшая практика, после обретения независимости, проблема этнического и религиозного противостояния не исчезла, а наоборот – еще больше обострилась.

Проблема заключается в том, что в пределах одного государства должны сосуществовать две преобладающих группы населения, которые различаются не только по исторической составляющей, но и в этническом, религиозном, культурном и ментальном смысле.

Не решило проблемы и принятия Конституции Кипра 1960 г., что должно было бы урегулировать все существующие проблемы. Согласно с определенными в ней условиями, в новом государстве вводились должности президента и вице-президента, какими должны быть, соответственно, грек и турок, избираемых двумя общинами сроком на 5 лет. Несмотря на отличный статус, полномочия президента и вице-президента практически ничем не отличаются. Оба имеют право созывать заседания правительства и накладывать вето на решения, которые касались вопросов безопасности и обороны, а также практически всех вопросов внешней политики. Кроме того, они наделялись правом вето и на определенные акты парламента, преимущественно относительно внешних отношений, заключение международных договоров, признание государств, установления и прерывания дипломатических отношений [6]. Согласно положений, заложенных в Конституции, Совет министров должна была состоять на принципах пропорциональной составляющей от количества населения, которое предусматривало вхождение в ее состав семи греков и трех турок. Палата представителей распределялась по такому же принципу и состояла соответственно из 50 депутатов: 35 из них были греками, 15 – турками. Впоследствии ее численный состав был увеличен до 80 человек. Однако, в результате конфликта, который активно начал развиваться в начале 60-х г., турецкая часть отозвала всех своих представителей из органов как исполнительной, так законодательной власти, и сегодня в их состав входят лишь представители от греческой части острова.

Еще больше обострили сложные двусторонние отношения трагические события 1974 г. Недовольные политикой греческого президента Кипра Макариоса, представители фашистского режима, к тому времени находившиеся у власти в Греции, совершили попытку государственного переворота на Кипре. Его конечная цель предусматривала завершение процесса энозиса, и вхождение Кипра в состав Греции.

В ответ на такие действия Турция, которая вместе с Грецией и Великобританией была одной из трех стран-гарантов существования Кипрского государства, и в соответствии с положениями Конституции, что придавало ей формальное право вмешиваться в дела Кипра, осуществила военное вторжение на территорию Кипра, фактически оккупировав всю его северную часть.

Сегодня ситуация на Кипре выглядит следующим образом: юридически Кипр является независимым государством, чья власть распространяется на территорию всего острова [8, с. 170]. Однако на самом деле Республика Кипр контролирует только южную часть острова, где преимущественно проживает греческое население, а территория которого составляет 59% от территории всего острова. Отметим также, что 37% территории Кипра контролирует самопровозглашенная в 1983 г. Турецкая Республика Северного Кипра, в основном это вся северная часть острова.

Итак, из-за вооруженного этнополитического конфликта, который разгорелся в начале 60-х годов XX в., на территории Кипра фактически сформировались два государственных образования.

Осложняется ситуация тем, что на международной арене признается только Республика Кипр, а Турецкая Республика Северного Кипра рассматривается как такая, которая находится под оккупацией турецких войск с численным составом около 35 тыс. лиц.

Не следует забывать и про тот факт, что на территории Кипра размещен миротворческий контингент под эгидой ООН, что фактически разделяет северную и южную часть острова буферной зоной, которая находится под постоянным международным контролем. Юридическую силу сделка получила в специальной резолюции Совета Безопасности под номером 186. В документе отображались основные руководящие принципы ЗСООНК. Главной целью отражалась «приложить все усилия для предотвращения возобновления столкновений и, при необходимости, содействовать поддержанию и восстановлению закона и порядка, и возвращению к нормальным условиям». Резолюция не могла быть руководящим документом, так как содержала очень сжатые и просторные рекомендации по применению вооруженных сил. Поэтому Генеральный секретарь издал объяснения, в которых он рассмотрел возможные пути применения ЗСООНК и обобщил руководящие принципы ЗСООНК. Принципы миротворческой деятельности были определены в размещении постов на дорогах, контроля над разоружением сторон, создание зеленых линий для удержания общин от вооруженных нападений друг на друга [10].

Резолюцию № 186 25 марта 1964 г. ратифицировало правительство Кипра; с этого момента решение получило юридическую силу и начался процесс формирования ЗСООНК. Для ЗСООНК свои контингенты оказали Австрия, Австралия, Канада, Дания, Финляндия, Ирландия, Швеция, Великобритания и Новая Зеландия. Командующим был назначен генерал-лейтенант Гиани. В том же году 28 марта на остров отправились первые отряды канадских, английских, шведских и финских контингентов.

И несмотря на конкретные действия международного сообщества, все попытки и попытки решить кипрский конфликт были напрасными. Несомненно, усложняет процесс и тот факт, что в кон-

фликт втянуты страны, которые входят в состав Североатлантического альянса и которые пытаются реализовать и достичь максимально желаемого результата, имея в виду в первую очередь обеспечить собственные интересы (речь идет про Турцию и Грецию).

В целом ближайшими обе стороны в решении конфликта были в двух случаях, – 2004 и 2017 гг..

Отметим, что в 2004 г. рассматривают как период, когда была осуществлена «наверное» самая амбициозная попытка решить кипрский вопрос. Именно тогда наблюдалось расширение ЕС и большие надежды возлагались на то, что в состав Европейского Союза войдет единый, объединенный Кипр. Момент считали идеальным и в том смысле, что на то время умеренный исламистский премьер Турции Реджеп Таин Эрдоган начал правление с ощутимо проевропейски настроенной политики [1, с. 19].

Ситуации способствовало и некоторое потепление во взаимоотношениях между Турцией и Грецией, в частности последняя сняла свое вето на вступление Турции в ЕС, что, безусловно, положительно сказывалось на ситуации. Кроме того, именно в 2004 г. тогдашний Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан разработал и предложил план воссоединения Кипра.

План, в основу которого положен швейцарскую модель административного деления, предусматривает создание государства с двумя равноправными национальными компонентами и единым правительством, в котором будут представлены греческая и турецкая национальные группы. Кипр должен был бы стать членом Европейского союза и поддерживать на уровне обеих национальных групп чрезвычайные взаимоотношения с Грецией и Турцией. Обе национальные группы должны придерживаться национальной конституции, иметь одно гражданство и обеспечить равные гражданские, религиозные и другие права жителям обеих частей острова. Согласно плану ООН, Кипр станет демилитаризованным государством и не сможет закупать или получать оружие из-за границы. На острове будут размещены наблюдатели ООН, которые будут следить за соблюдением соглашений. Тем временем Турция и Греция должны вывести с острова свои военные силы, хотя пока им будет разрешено оставить там незначительные воинские контингенты. План предусматривает также создание специальной комиссии примирения наподобие аналогичной комиссии в Южно-Африканской Республике после запрета там апартеида [3, с. 8].

С точки зрения многих исследователей, план, должен был бы закончить межэтническую вражду, открыть для обеих частей острова путь к объединению, налаживанию отношений и вступления в Европейский Союз. Его должен одобрить и проголосовать всенародный референдум. Казалось, после десятков лет вражды и разделения на Кипре в конце концов наступит мир, для достижения чего нужно сделать один решающий шаг. Однако какой бы парадоксальной не выглядела ситуация, именно греки-киприоты провалили референдум, где

более 76% проголосовали против, а более 60% турок-киприотов одобрительного отнеслись к нему.

Большие надежды на возможное воссоединение Кипра и окончательное налаживание двустороннего диалога возлагались также на Женевские переговоры, что после длительного перерыва возобновили работу 9 января 2017 г. В них приняли участие Президент Республики Кипр Никос Анастасиадис, лидер турецко-кипрской общины Мустафа Акинджи, министры иностранных дел Греции, Великобритании и Турции. Представителем Евросоюза на переговорах был председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, а ООН Антониу Гутерриш. Однако несмотря на то, что представители греческой и турецкой части Кипра подходили к этим переговорам достаточно оптимистично, как и во многих предыдущих случаях, получить ощутимого и желаемого результата так и не удалось.

В этом контексте, на наш взгляд, стоит выделить две ключевые преграды, препятствующие окончательному разрешению кипрского конфликта. Первую, собственно, составляют внутренние противоречия, которые существуют между представителями двух общин острова и которые на протяжении последних десятилетий оставались практически неизменными. Преимущественно это вопрос, с политическим и этническим окрасом и проблемы, связанные с возврат собственности, а также переселенцев [5, с. 60].

Напоминаем, во время активной фазы конфликта, обе стороны прибегали к репрессиям и преследованиям. В связи с этим, десятки тысяч греков-киприотов и турок-киприотов вынуждены были оставить все свое имущество, переселяясь в соответствии в южную и северную часть острова. Кроме того, греческая сторона до сих пор настаивает, что с территории Кипра должны быть отселены все турки, прибывшие на Кипр после трагических событий 1974 г. Еще одной проблемой, которую не удается решить, и которая делает невозможным процесс объединения двух общин острова, является вопрос построения устройства будущего государства. Так, греки стремятся созданию объединенного Кипра с сильным централизованным правительством, что способен контролировать все регионы страны. Причем с территории Кипра необходимо вывести все иностранные вооруженные формирования (имея в виду вооруженные силы Турции).

Турецкая сторона, наоборот, выступает за децентрализованное государство с максимально возможным расширением полномочий для регионов. Она подчеркивает: в случае, когда турецкие войска будут выводиться с Кипра, этот процесс должен осуществляться поэтапно, пытаясь таким образом оттянуть его на как можно более длительный период времени.

Другой момент, что существенно влияет на процесс урегулирования кипрского конфликта, связан с внешним фактором, который представлен в виде стран-гарантов существования Кипрского государства. Сегодня не возникает сомнения в том, что воссоединение острова состоится лишь

тогда, когда страны-гаранты поддержат окончательное решение. И если в случае с позицией Великобритании все представляется намного проще, то позиция Греции и Турции, требует отдельного более детального анализа.

Кипрский конфликт стал одним из катализаторов греческо-турецкого противостояния, которое характеризуется не только политическим или военно-стратегическим противостоянием, но и борьбой обоих государств за расширение экономических сфер влияния. Особенно это проявилось в споре государств, по демилитации континентального шельфа Эгейского моря, которая продолжается и до сих пор. При чем обе страны мотивируют свои позиции нормами международного права. Греческая сторона настаивает на том, что острова Эгейского моря являются продолжением участков суши, которые согласно положению Конвенции о морском праве от 1982 г. имеют право на свой континентальный шельф. Турецкая же сторона основывает свои аргументы на том, что континентальный шельф морское дно – от береговой линии до того места, где глубина достигает 200 метров. А поскольку глубины у берегов большинства греческих островов, расположенных вдоль анатолийского побережья, не преувеличивают указанных, то эти острова и шельф является продолжением материка, а именно – его анатолийской части [7, с. 160]. Проблема обострилась еще больше после того, как в 2011 г. в юго-восточных водах Средиземного моря были найдены огромные залежи нефти и газа, половина из которых может находиться в пределах территории Кипра. Греческая сторона сразу же заявила, что найденные ресурсы необходимо использовать исключительно для удовлетворения экономических интересов южной части острова. Зато правительство в Анкаре утверждает: доля добытого газа должна быть разделена поровну между южной и северной контролируемой Турцией частями острова.

Скажем, кипрский вопрос создало немалые проблемы на пути обретения Турцией членства в Европейском Союзе и достаточно негативно повлияло не только на уже упоминавшиеся взаимоотношения с Грецией, но и на отношения с большинством стран Европы. Ведь после того, когда в 1974 г. турецкие войска фактически оккупировали северные районы Кипра, Греция на протяжении нескольких десятков лет блокировала любые интеграционные инициативы Анкары. Не изменило ситуацию и то, что в 1999 г. Греция все же сняла вето на вступление Турции в ЕС, однако, как и после 1974 г. так и по состоянию на 2019 г. евроинтеграционные перспективы Турции выглядят довольно призрачными. Объяснить это можно тем, что сегодня существует значительная группа среди европейских государств, которые придерживаются принципиальной позиции против вступления Турции в ЕС. До категорических противников включения Турции в ЕС сегодня относятся Германия, Франция и Австрия, которые отмечают, что эта страна не соответствует так называемым Копенгагенским критериям: наличие стабильных институ-

тов, которые защищают демократические свободы; функционирование свободной рыночной экономики; готовность страны-кандидата к тому, чтобы быть полноправным членом экономического и валютного союза и политическая реализация всей правовой базы ЕС. Недавно министр иностранных дел Австрии Себастьян Курц в интервью Die Welt заявил, что вступление Турции в ЕС исключено: «Я уверен, что никакого вступления Турции в ЕС не будет». Кроме того, Кэтти Доэрти, американский посол США на Кипре, в эксклюзивном интервью кипрской газете «Alithia» вообще заявила: именно из-за деструктивной позиции Турции не удастся решить кипрский вопрос, отмечая следующее:

«Если Кипр воссоединится, то может стать Норвегией Восточного Средиземноморья или Сингапуром. Это даст возможность создать на Кипре идеальный финансовый и бизнес-центр в регионе» – отметила Е. Доэрти. Отвечая на вопрос об угрозах со стороны Турции, посол США ответила, что «правительство США ранее выражал обеспокоенность по поводу того, что происходит в этом нестабильном регионе и хочет, чтобы компания не сталкивалась с политическими рисками». Хотя, когда Кипр сам столкнулся с геополитическим риском после вторжения на его территорию Турции, это стало прецедентом, который через много лет подтолкнул Москву к повторению подобных «акций» на постсоветском пространстве. Роль ООН в этом вопросе оказалась явно недостаточной. Другими словами, Кипр может воссоединиться, если президент Турции это позволит. Разделенные части страны давно уже могли договориться до сих пор и найти между собой общий язык, если бы не посторонние силы. Кипр стал пешкой шахматной игры других. Сегодня судьба острова находится в основном в руках Реджепа Эрдогана, авторитарного президента Турции. Поэтому кипрский конфликт превратился в хранилище несбывшихся надежд и разбитых мечтаний. Поскольку совместить европейскую и «эрдогановскую» идентичность чрезвычайно проблематично. Эрдогану трудно согласиться с тем, что Кипр не будет признан турецким «сферой интересов», и на всей его территории смогут применяться европейские нормы и ценности. Турецкой государству будет трудно отказаться от претензий на контроль над дополнительными частями Средиземного моря, что ей на севере обеспечивает псевдорееспублика. Приоритеты Турции всегда были геополитическими и национальными, а судьба «турецкоязычного» населения Кипра, которое сильно увеличилось после притока иммигрантов из отсталых регионов Турции, никогда не была главной заботой Анкары. Почти 160 тысяч незаконных турецких поселенцев, которых Турция завезла за все время оккупации, чтобы изменить демографическую ситуацию северной части острова, не собираются возвращаться домой. А если учесть, что рождаемость у членов турецкой общины в 2,5 раза больше, чем у греков-киприотов, то при такой тенденции турки будут составлять большинство в

объединенном Кипре уже через 30 лет. Анкара постоянно играет такую игру, при которой любое решение кипрской проблемы должно соответствовать ожиданиям Турции, и именно поэтому все предыдущие усилия договориться «проваливались». Греки-киприоты создали самое процветающее, демократическое и открытое общество в Восточном Средиземноморье, и они очень рискуют, если объединятся с контролируемым извне турецким населением [9]. Сейчас не имеет жизнеспособного решения «кипрского вопроса» без полного вывода турецких войск с острова. Не существует возможности достичь реальной и значимой сделки, когда греческая сторона вынуждена вести переговоры под угрозой турецких пушек, расположенных на севере. Основным препятствием на пути к соглашению является то, что Турция стремится к сохранению опосредованного контроля над оккупированной ею частью острова и хочет и дальше продолжать регулировать порядок дня жизни турецких киприотов. Но Кипр, как полноправный член ЕС, не нуждается в турецкой "опеке" и ее патронате над севером. Из всего этого можно сделать вывод: Анкара должна дистанцироваться от участия в кипрской политике. И лишь тогда, и только тогда, Кипр окажется на пути к объединению. Расстояния взаимопонимания между греческими киприотами и турецкими киприотами велики, но не непреодолимы. Киприоты должны признать, что существует надежда на сложный «брак», альтернатива котором есть «развод» с колючей проволокой, блокпостами и солдатами. Негативным примером чего могут быть палестинцы и израильтяне, которые провалили тест на сожительство, и обе кипрские общины, к сожалению, очень близки к ним – отмечает американский посол.

Литература

1. Баранов А.А. Конфликтологический аспект динамики развития организаций в русле современных проблем конфликтологии // В сборнике: Наука и искусство управления материалы III международного конкурса студенческих научных работ. 2016. С. 18-20.
2. Борисова Е.М., Фёдоров Н.И. К вопросу о конфликтологии в таможенных отношениях // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 2 (58). С. 90-94.
3. Гончарова С.В. Использование "Кейс-задач" в процессе обучения студентов направления "конфликтология" // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. № S3. С. 5-9.
4. Искендеров П.А. Становление Албанской государственности как типологический элемент балканской конфликтологии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. № 11. С. 157-170.
5. Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Исторические предпосылки формирования этнополитической конфликтологии в современной России // Казачество. 2016. № 22 (9). С. 55-65.

6. Лопарев А.В., Знаменский Д.Ю. Конфликтология // Учебник / Москва, 2017. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс (1-е изд.)

7. Морозова Е.А. Политическая конфликтология // В книге: Субдисциплины политической науки Ростов-на-Дону, 2016. С. 156-171.

8. Муртазалиева М.Р., Болотова У.В. Изучение конфликтологии студентами менеджерами // В сборнике: Современные концепции развития науки Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Сукиасян Асатур Альбертович. 2017. С. 135-138.

9. Нагайцев В.В. Общая конфликтология // Барнаул, 2016.

10. Овруцкая Г.К. Общая конфликтология // монография / Ростов-на-Дону, 2016.

Mechanisms and forms of settlement of the Cyprus conflict Zaslavsky O.I.

Southern Federal University

The last decades of the twentieth century. in socio-political discourse are called the era of the ethnic Renaissance. With the collapse of the USSR, Yugoslavia and the growth of ethnic tension in the Middle East, Europe and Canada, the problem of ethnic conflicts is increasingly attracting the attention of political scientists, sociologists, ethnologists, anthropologists, theorists of international relations. One of the striking examples of such ethnic confrontation, which later developed into an open armed conflict, was the struggle between the Greek and Turkish communities of Cyprus, which subsequently led to complex geopolitical contradictions and negatively affects the security of the situation in the entire Mediterranean region. The complex structure of contradictions in Cyprus at the present stage combines elements of the anti-colonial national liberation movement, interethnic conflict, interstate-bilateral and multilateral confrontation, as well as features of the complex problem of the participation of non-regional and multilateral actors.

Key words: boundaries, reason, construction policy, subject, edge.

References

1. Baranov A.A. The conflictological aspect of the dynamics of the development of organizations in line with modern problems of conflictology // In the collection: Science and art of management materials of the III international competition of student research papers. 2016. S. 18-20.
2. Borisova E.M., Fedorov N.I. On the issue of conflict resolution in customs relations // Scientific notes of the St. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. 2016. No. 2 (58). S. 90-94.
3. Goncharova S.V. The use of "Case-tasks" in the process of teaching students in the direction of "conflictology" // Scientific-methodical electronic journal Concept. 2017. No. S3. S. 5-9.
4. Iskenderov P.A. Formation of Albanian statehood as a typological element of Balkan conflictology // Slavic world in the third millennium. 2016. No. 11. S. 157-170.
5. Kim A.S., Dovgoplov E.Yu. Historical preconditions for the formation of ethno-political conflictology in modern Russia // Cosacks. 2016. No. 22 (9). S. 55-65.
6. Loparev A.V., Znamenskiy D.Yu. Conflictology // Textbook / Moscow, 2017. Ser. 58 Bachelor. Academic Course (1st ed.)
7. Morozova E.A. Political conflictology // In the book: Subdisciplines of political science Rostov-on-Don, 2016. S. 156-171.
8. Murtazaliev M.R., Bolotova U.V. The study of conflictology by student managers // In the collection: Modern concepts of the development of science Collection of articles of the International scientific-practical conference. Executive Editor Sukiasyan Asatur Albertovich. 2017. S. 135-138.
9. Nagaytsev V.V. General conflictology // Barnaul, 2016.
10. Ovrutskaya G.K. General conflictology // monograph / Rostov-on-Don, 2016.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Климов Вадим Борисович,
канд.полит.наук, доц., КФУ, vadim_klimoff_92@gmail.com

Конфликт, как общественно-политическое явление, продолжает оставаться насущной проблемой, которой интересуются и которую рассматривают как зарубежные, так и отечественные исследователи.

В связи с этим возникла потребность в появлении нового подхода к осмыслению вопроса конфликта. На наш взгляд, важно анализировать содержание этого понятия не как некое абстрактное явление, а сквозь призму российского вопроса, с максимально практической точки зрения. Это позволит заложить основу для последующих разделов нашего исследования, в частности в вопросах, касающихся причин возникновения различного рода конфликтов и сложности их политического урегулирования.

Все чаще в медийном, экспертной и политической среде нашего государства звучит тема не только войны и конфликта, а проблема «гибридной войны» и «гибридного противостояния».

Ключевые слова: конфликт, взгляд, потребности, политическое урегулирование, политическая среда.

Попробуем разобраться, в чем же заключается сущность и особенность этой «гибридности», ее различие между политическим или вооруженным конфликтом и «гибридным противостоянием». Для того, чтобы лучше понять эту специфику, попробуем проанализировать труды, которые с нашей точки зрения, глубже раскрывают проблему «гибридного противостояния». Среди них стоит выделить следующие: «гибридная война: выжить и победить», в ходе которых попытаемся выделить и охарактеризовать наиболее ключевые и основные особенности проблем конфликтологии в смысле «гибридного противостояния» и дать ответ на ряд ключевых вопросов:

1. В чем заключается сущность и особенность «гибридного» противостояния?

2. Постараемся выделить ключевые предпосылки, которые привели к данному конфликту.

3. Попробуем дать ответ на вопрос «гибридная война» это проблема, с которой столкнулась исключительно Россия, или, возможно, весь Западный мир оказался несколько не готов к ведению подобного рода противостояния?

4. И, как заключительный этап, попробуем проанализировать шаги и действия по противодействию такого рода агрессии.

Понятие «гибридной войны» не исключает традиционных взглядов на войну, а скорее дополняет их с учетом динамических изменений в международной сфере безопасности окружающей среде и других существенных факторов, влияющих на методы ведения войн. Военный аналитик Ф. Гоффман, теоретик концепции гибридной войны, который ввел этот термин до широкого обращения, выходил собственно из тезиса о наличии наследственности в войнах всех времен, актуальность исторических уроков и приемов ведения войн и поведения врагов, описанных еще Фукидидом. В то же время Хоффман попытался сформулировать принципиально новые обобщенные характеристики современных конфликтов. Центральным в его концепции является тезис об усилении тенденции к конвергенции в современных конфликтах, которая проявляется в сближении и взаимном проникновении (сочетании) аспектов войны, которые принято отделять: физического и психологического измерений, кинетической и не кинетической оружия, участников и неучастников боевых действий [1, с. 145].

Магда в работе «гибридная война: выжить и победить» отмечает: «гибридная война – это стремление одного государства подчинить себе другую с помощью политических, экономических, информационных инструментов. Именно поэтому,

в условиях гибридной войны боевые действия являются второстепенными, а на первый план выходят информационные операции и другие рычаги влияния. Война заключается в стремлении одного государства агрессивно действовать на сознание жителей другой. Другими словами – это стремление не уничтожить миллионы людей, а запугать и деморализовать их. Благодаря скорости распространения информации миром она превратилась не только в товар, но и в оружие» [2, с. 64].

Итак, анализируя подобные подходы к трактовке сущности «гибридной войны», можно констатировать: по сравнению с понятием «конфликт» или «война» оно имеет гораздо более глубокое смысловое наполнение, охватывая и объединяя в себе различные характерные особенности, зато усложняет процесс определения самого понятия «гибридная война» или «гибридный конфликт». Не менее сложным и дискуссионным остается вопрос о предпосылках, которые в итоге привели к вооруженному конфликту и поиска момента, с чего, собственно, и началась агрессия.

Построение «демократического фасада» в России обусловлено также деградацией партийной системы. Политические партии, которые во время демократического перехода должны стать главными субъектами политической ответственности, источником кадров и выразителем интересов народа, превратились в «политические машины», которые обслуживали процесс создания олигархического консенсуса и захвата олигархическими группами государственных институтов. Соответственно, выборы теряли в глазах граждан свое значение как механизм приведения к власти лучших и выбора направления общественного развития, превращаясь в инструмент легитимации той или иной формы олигархического консенсуса [5, с. 168].

Стратегическая дезориентированность внешней политики. В этом контексте самым крупным поражением нашего государства на внешнеполитической арене стало подписание в 1994 г. Будапештского меморандума, который предусматривал ядерное разоружение России, впрочем, не обеспечив ей надлежащих гарантий безопасности. Для России это историческое событие превратилось в камень преткновения в дальнейшей деятельности по обеспечению безопасности нашего государства, приведя к возникновению ряда угроз как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Так же, провалом стало заключение российского Договора о дружбе и сотрудничестве с соседними странами, более известного как «Большой договор». Среди главных пунктов документа было признание территориальной целостности и нерушимости существующих границ государств.

Как видно из приведенных выше аргументов, касающихся основных предпосылок, которые привели к началу «гибридной войны», можем констатировать, что российское государство оказалась абсолютно неготовым к такому развитию событий. Причем, провальной оказалась не только политика государства, которая осуществлялась на протяже-

нии всего периода после развала СССР, но и научное сообщество, на наш взгляд, в определенной степени также оказалось неготовым противостоять вражеской агрессии, особенно, в смысле мировоззренческого развития.

С другой – следует понимать, что не только Россия стала жертвой подобного рода агрессии.

Причем, следует понимать, что интересы РФ не ограничиваются территориями ближнего зарубежья, геополитические цели России значительно шире.

Анализируя меры, которые могут способствовать противодействию враждебной политике, можно, на наш взгляд, представить в виде своеобразного алгоритма последовательных действий: начиная от силового ответа (развитие оборонной промышленности, совершенствование сектора государственной безопасности и обороны) постепенно переходя к социально-экономическим вопросам (включающих в себя экономическое развитие страны, стабилизацию финансовой системы, энергетическую и инфраструктурную защищенность страны) и заканчивая реализацией целого комплекса гуманитарных и политических вопросов.

Фактически это все, по нашему мнению, свидетельствует, что очень важно исследовать проблему существующих «замороженных» конфликтов комплексно, через призму гибридного противостояния. [10, с. 247] Ведь, нужно осознать: в современных условиях завоевать или подчинить государство можно не столько исключительно военным способом, сколько с использованием средств гибридной войны, которые сочетают в себе элементы экономической, информационной или, например, религиозной деятельности. Следовательно, безопасность любого государства определяется не только ее военной способностью, но и информационной, экономической, энергетической безопасностью, способностью государства свободно проводить как внутреннюю, так и внешнюю политику, двигаться в направлении сознательно выбранного цивилизационного развития.

Судя из этого, мы должны четко осознавать, что чем больше будет писаться подобного рода работ и разрабатываться методологических подходов к рассмотрению данной конфликтологической проблематики, распространяя их среди широкого круга людей, тем России проще противостоять вражеской агрессии.

Литература

1. Алейников А.В., Стребков А.И. Междисциплинарность как методологический базис анализа феномена конфликта и образовательной программы "конфликтология" // интеграция образования. 2017. Т. 21. № 1 (86). С. 138-151.

2. Березовский Б.К. Конфликтология как инструмент формирования экологической ответственности бизнеса // В книге: EURASIA GREEN Тезисы работ участников Международного конкурса научно-исследовательских проектов молодых ученых и студентов. VII Евразийский экономический форум молодежи. Ответственные за выпуск

Я.П. Силин, М.С. Марамигин, Г.Ю. Пахальчак, М.Б. Видревич. 2016. С. 62-65.

3. Денисов С.Ф., Колотова О.И. "Конфликтология" в омске: итоги первого десятилетия // В сборнике: Конфликтология и конфликты в современном мире Материалы Всероссийской научной конференции. 2017. С. 9-13.

4. Ильин А.Ю. Философско-правовой подход к юридической конфликтологии в финансовом праве // Финансовое право. 2017. № 4. С. 3-6.

5. Кашапова А.А. Международный конкурс по конфликтологии и медиации в Казани // Третейский суд. 2017. № 1 (109). С. 167-169.

6. Лисовская Е.Д., Тимошенко В.О., Шубкин М.В. Оценка уровня знаний и мнения по смежным дисциплинам "конфликтология", "психология", "медицинское право" врачей-стоматологов // В сборнике: Современные тенденции развития педагогических технологий в медицинском образовании Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого. Сер. "Вузовская педагогика" 2017. С. 182-187.

7. Науменко Е.А. Конфликтология // Учебник / Тюмень, 2017.

8. Рукинов В.А., Садакова Д.А. Актуальные проблемы современной конфликтологии // Учебно-методическое пособие / Санкт-Петербург, 2017.

9. Самыгин С.И., Коновалов В.Н. Конфликтология в социальной работе // Учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа» (квалификация «бакалавр») / Москва- Ростов-на-Дону, 2017. Сер. Учебные издания для бакалавров

10. Сунами А.Н., Стребков А.И. Концепт "конфликт ценностей" в зарубежной и отечественной конфликтологии // Конфликтология. 2016. № 4. С. 235-261.

Political science analysis of studies of modern problems of conflict management

Klimov Va.B.

Kazan Federal University

The conflict, as a socio-political phenomenon, continues to be an urgent problem, which is of interest and is considered by both foreign and domestic researchers.

In this regard, the need arose for a new approach to understanding the issue of conflict. In our opinion, it is important to analyze the content of this concept not as an abstract phenomenon, but through the prism of the Russian issue, from the most practical point of view. This will lay the foundation for the subsequent sections of our study, in particular, in issues related to the causes of various kinds of conflicts and the complexity of their political settlement.

Increasingly, in the media, expert and political environment of our state, the topic is not only war and conflict, but the problem of "hybrid war" and "hybrid confrontation".

Key words: conflict, view, needs, political settlement, political environment.

References

1. Aleinikov A.V., Strebkov A.I. Interdisciplinarity as a methodological basis for the analysis of the phenomenon of conflict and the educational program "conflictology" // integration of education. 2017. Vol. 21. No. 1 (86). S. 138-151.
2. Berezovsky B.K. Conflictology as a tool for the formation of environmental responsibility of business // In the book: EURASIA GREEN Abstracts of the works of the participants of the International competition of research projects of young scientists and students. VII Eurasian Economic Forum of Youth. Responsible for the release of Ya.P. Silin, M.S. Maramygin, G.Yu. Pakhalchak, M.B. Vidrevich. 2016. S. 62-65.
3. Denisov S.F., Kolotova O.I. "Conflictology" in Omsk: results of the first decade // In the collection: Conflictology and conflicts in the modern world Materials of the All-Russian scientific conference. 2017. S. 9-13.
4. Ilyin A.Yu. Philosophical and legal approach to legal conflict resolution in financial law // Financial Law. 2017. No. 4. P. 3-6.
5. Khashapova A.A. International Competition on Conflictology and Mediation in Kazan // Arbitration Court. 2017. No. 1 (109). S. 167-169.
6. Lisovskaya ED, Timoshenko V.O., Shubkin M.V. Assessment of the level of knowledge and opinion on related disciplines "conflictology", "psychology", "medical law" of dentists // In the collection: Modern trends in the development of pedagogical technologies in medical education Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to 75- anniversary of the Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voynoyasenetsky. Ser. "University Pedagogy" 2017. S. 182-187.
7. Naumenko E.A. Conflictology // Textbook / Tyumen, 2017.
8. Rukinov V.A., Sadakova D.A. Actual problems of modern conflictology // Study guide / St. Petersburg, 2017.
9. Samygin S.I., Kononov V.N. Conflictology in social work // Textbook for students studying in the direction of training "Social work" (qualification "bachelor") / Moscow-Rostov-on-Don, 2017. Ser. Educational publications for bachelors
10. Sunami A.N., Strebkov A.I. The concept of "conflict of values" in foreign and domestic conflictology // Conflictology. 2016. No. 4. S. 235-261.

ВОПРОС СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НА ЗАЩИТУ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА, ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Бочарова Анастасия Романовна
студент Института экономики и права РТУ МИРЭА

Людвиг Сергей Давыдович,
к.ю.н., доцент кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА

В статье поднимается вопрос совершенствования терминологии в области обеспечения прав на защиту чести и достоинства личности. Автор анализирует соответствующие юридические термины, закрепленные в законодательстве, затрагивает проблему их толкования. Отмечая, что понятия "честь", "доброе имя" и "репутация" являются синонимами, он ставит вопрос о целесообразности закрепления в законодательстве нескольких понятий, имеющих одинаковое значение.

Ключевые слова: честь, достоинство, репутация, деловая репутация, неимущественные права, права человека, государственно-правовая защита.

Объектами гражданских прав считаются духовные и материальные блага, по поводу каких субъекты гражданского права (коллективные образования и граждане, которые обладают признаками, предусмотренными законом) вступают в правоотношения между собой. Круг таких благ (объектов) весьма разнообразен. По ст. 128 ГК России к объектам гражданских прав относятся вещи, в том числе ценные бумаги и деньги; другое имущество; информация; нематериальные блага; услуги и работы; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность). С позиции Э. П. Гаврилова предметом (объектом) гражданских прав считается поведение человека (организации), к примеру, право владеть собственной вещью, либо продать ее, право исполнять транспортировку грузов и др. Хотя само поведение человека, устремлено на нематериальный или материальный объект, который называется объектом гражданских прав¹⁷. М. И. Брагинский замечает, что объектами гражданских прав считается то, вследствие чего возникают гражданские взаимоотношения¹⁸. К ним М. И. Брагинский причисляет вещи, информацию; права на вещи; нематериальные блага; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальную собственность). Особенной группой объектов гражданских прав считаются блага, под которыми понимаются не обладающие экономическим содержанием и неотделимые от личности их носителя свободы и блага, которые признаны действующим законодательством.

Особенностями нематериальных благ в качестве объектов гражданских прав служат: 1) отсутствие экономического (материального) содержания; 2) неотделимость от личности их обладателя; 3) то, что они имеют свойство индивидуализации самой личности обладателя данных прав. Действующий ГК России закрепляет общие для всех неимущественных личных прав и остальных нематериальных благ правила об их защите и регламентации¹⁹.

¹⁷ Российское гражданское право: Учебник / Под ред. Крыловой З.Г., Гаврилова Э.П. – М.: ЮрИнфоР., 2009. – С. 54.

¹⁸ Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Абовой Т.Е., Кабалкина А.Ю. – М.: Юрайт-Издат., 2010. – С. 203.

¹⁹ Гражданское право: Учебник. Часть 1. / Под ред. Сергеева А.П., Толстого Ю.К. – М.: Проспект, 2005. – С. 318.

Регулирование или защита нематериальных благ исполняется комплексно, нормами отраслями права. В теории права относительно гражданского права имелись несколько позиций на предмет гражданско-правового регулирования правоотношений по поводу нематериальных благ, и также взаимосвязанных с ними неимущественных личных прав. С позиции одной группы ученых, гражданское право не регулирует, а лишь охраняет неимущественные личные права. С точки зрения других, охрана и правовое регулирование прав не могут противопоставляться, так как регулирование обозначает охрану прав, а их охрана исполняется с помощью регулирования соответствующих правоотношений. Существует суждение, что гражданское право регулирует и охраняет нематериальные блага¹.

ГК России расценивает нематериальные блага как вид объектов, в результате которых возникают гражданские правоотношения. В ст. 150 ГК РФ предоставляется приблизительный список нематериальных юридически защищаемых благ. Они делятся на: 1) нематериальные блага, какие приобретаются физическими и юридическими лицами в силу рождения (создания) - здоровье, жизнь, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь, неприкосновенность частной жизни, деловая репутация, семейная тайна, доброе имя и личная тайна; 2) нематериальные блага, какие приобретаются в силу закона - право выбора места жительства или пребывания, право свободного передвижения, право на имя, остальные неимущественные личные права. Заметим, что так как ГК РФ предоставляет лишь приблизительный список нематериальных благ, которые пользуются гражданско-правовой защитой, то объектом гражданско-правовых взаимоотношений может оказаться и не указанное в ГК России нематериальное благо, к примеру, право физлица на неприкосновенность внешности, которое защищается нормами статьи 514 ГК РСФСР (1964 года), хотя не названное в статье 150 ГК Российской Федерации².

По действующему ГК России понятие «нематериальное благо» считается собирательным и относящимся к самому «благу» и к личным неимущественным правам. М. Н. Малеина логично замечает некорректность соединения в одном понятии прав и благ, так как неимущественное личное право и его объект, хоть и связаны, однако не тождественны. Автор предлагает уточнить предоставленный в пункте 1 статьи 151 ГК РФ список нематериальных благ, убрав из него неимущественные права. Неимущественное личное право, которое корреспондирует нематериальному благу (к примеру, право на жизнь) или существующее от него отдельно, является как бы благом второго уровня, а здоровье, жизнь и пр. считаются благом, которое

предшествует праву на него, и в данном смысле могут являться благом первого уровня³.

Развивая суждения М. Н. Малеиной, Ю. К. Толстой и А. П. Сергеев справедливо замечают, что блага первого уровня взаимосвязаны с существованием личности. Они объективно существуют вне зависимости от их правовой регламентации и лишь при посягательстве на данные блага нуждаются в правовой защите. Право граждан на защиту достоинства, чести и деловой репутации считается их конституционным правом, а деловая репутация юрлиц служит условием успешной деятельности. Блага второго уровня: право на имя, авторства и остальные неимущественные личные права считаются субъективными правами, которые образуют содержание конкретного правоотношения и этим самым уже урегулированными нормами права. При нарушении подобных прав они используют правовую защиту⁴.

Субъективное право устанавливается в теории права по-разному.

Во-первых, под правом на достоинство и честь понимают правовую возможность, которая предоставляет возможность лицу требовать, чтобы ему не приписывали порочащих поступков, какие оно не осуществляло, и не распространяли не соответствующей действительности информации, умаляющей достоинство и честь управомоченного. В такой ситуации исключается позитивное содержание этой категории, и концентрируется внимание на негативной стороне. Известно, что объем такого понятия охватывается предоставленной возможностью индивиду принуждать всех субъектов к воздержанию от исполнения поступков, которые способны вызвать неверную социальную оценку личности.

Во-вторых, в состав такого понятия входят позитивные моменты и рассматривается право на достоинство и честь как право на заслуженную репутацию. Под чем предполагают, с одной позиции, право на то, чтобы информация о действиях субъекта, которые влияют на репутацию, отвечали действительности, и с другой позиции право на то, «чтобы его моральная публичная оценка отвечала тому, как он в действительности осуществляет требования закона, нормы морали и общечеловеческие»⁵. Этим охватываются охранительная и регулятивная функции права. А. А. Ерошенко устанавливает право гражданина на достоинство и честь в качестве юридически гарантированной лицу возможности использовать заслуженное уважение в обществе и требовать соответственного отношения от обязанных лиц, притом он отмечает, что гражданское право не только охраняет достоинство и честь субъекта, но и регулирует правоотно-

¹ См.: Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Статут. 2009. – С. 12.

² См.: Самородов Д.А. Использование внешнего облика лица в политической рекламе как основание требовать судебной защиты чести и достоинства. – М.: ПОЛТЕКС, 2009. – С. 8.

³ См.: Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита). – М.: Юрист, 2009. – С. 9.

⁴ См.: Бабенко А.В. Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений // Право и экономика. – 2010. – № 6. – С. 20.; Гаврилов Е. Право на честь и достоинство // ЭЖ-Юрист. 2014. № 40. С. 3.

⁵ Российское гражданское право: в 2 Т. Том I: Учебник / Под ред. Суханова Е.А. – М.: Статут, 2011.

ношения, взаимосвязанные с данными благами, в их ненарушенном состоянии. «Направляя поступки людей, право вместе с тем влияет на сознание субъекта и вырабатывает его личностные качества. Последние являются достоянием лица и, подвергнувшись общественной оценке, расцениваются как честь конкретного индивида. Указывая субъекту, юридически одобряемый вариант поведения, а также регламентируя его поступки в общественных местах, быту, на работе и в остальных областях, гражданское законодательство, вместе с иными отраслями законодательства, участвует в формировании качеств личности, обуславливающих ее репутацию»¹.

Из содержания и понятия чести, деловой репутации и достоинства следует, что данные категории выступают в качестве этических благ. Гражданско-правовое понятие и трактовка данных категорий подразумевает наличие правовых норм, которые регулируют взаимоотношение по поводу данных благ. «Право на честь, деловую репутацию и достоинство относится к гражданским неимущественным правам. По мнению М. Н. Малейна - «Нематериальный характер неимущественного права, выражается в том, что оно не имеет экономического содержания, не может быть оценено точно, для него не свойственна возмездность, его осуществление не сопровождается встречным имущественным предоставлением (эквивалентом) со стороны иных лиц»².

Спецификой данного права по сравнению с другими считается то, что его сущность и содержание раскрываются в разнообразии жизни человека, его бытия. Специфика данного права предоставила авторам основание поставить под сомнение возможность отнесения такого права к категории субъективных гражданских прав. Таким образом, О. С. Иоффе при установлении права на достоинство и честь делает вывод, что данное право входит в содержание гражданской правоспособности, а А. В. Мицкевич причисляет его к «элементам правоспособности»³. Категорическое несогласие с такой позиции высказывает Л. К. Рафиева. По ее суждению, такой взгляд сложно согласовать с природой достоинства и чести. «Едва ли можно предположить, - указывает Л. К. Рафиева, - что морально-политическая оценка человека обществом (честь) появляется в момент рождения и до того момента, как у лица возникает способность осуществления социально значимых поступков, по каким можно судить о его недостатках и достоинствах. Еще сложнее предположить, что в момент рождения у ребенка возникает способность к оценке собственного поведения (достоинство), ибо данная способность подразумевает наличие опре-

деленного комплекса психофизических данных, которые складываются значительно позже»⁴. Из подобного толкования исходит следующее: пока еще нет достоинства и чести, нет и права на достоинство и честь. Мы разделяем позицию А. Л. Анисимова, который полагает, что невозможно согласиться с утверждением, согласно которому право на достоинство и честь появляется у индивида не с момента рождения вследствие того, что достоинство и честь появляются с момента возникновения у человека способности к осуществлению социально значимых поступков и в результате осуществления данных поступков. А. Л. Анисимов вполне аргументировано, с нашей позиции, замечает, что каждый субъект права, кроме возможности обладать субъективными правами и обязанностями в будущем, наделяется совокупностью политических, личных имущественных субъективных прав, какие устанавливают его правовое положение. В их число входят субъективные права на достоинство, честь или деловую репутацию. Данные права появляются не в результате совершения правоспособности, а вместе с ней считаются элементами правосубъектности организации или гражданина. Правосубъектность гражданина, считается специфическим правовым свойством человека. В силу такого свойства он, как субъект права, с момента своего рождения наделяется комплексом прав. Правосубъектность устанавливает в определенной мере положение граждан в обществе, выражает правоотношение между государством и обществом. Так, права физлица на достоинство и честь - особые субъективные права, которые возникают с момента его рождения⁵.

Мы разделяем позицию А. Л. Анисимова о праве на достоинство и честь как об особенном субъективном праве гражданина, которое возникает в момент рождения, а также мнение М. Н. Малейной, Ю. К. Толстого и А. П. Сергеева о соотношении неимущественных личных прав и нематериальных благ⁶. Развивая положения данных ученых, нам представляется разумным обратить пристальное внимание на имеющие место, с нашей точки зрения, особенности соотношения подобных нематериальных благ, как достоинство и честь, с субъективным правом на данные блага. Если большая часть нематериальных благ (здоровье, жизнь и пр.) предшествуют появлению у гражданина неимущественных личных прав, которые корреспондируют таким благам или существуют отдельно от них (гражданин сначала рождается, приобретает нематериальное благо - жизнь, наличие которой устанавливает и наличие у данного гражданина неимущественного личного права на жизнь), то особенное субъективное право лица на

¹ См.: Ерошенко А.А. Гражданско-правовая защита чести и достоинства // Государство и право. - 2009. - № 10. - С. 138.

² См.: Малейна М.Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. - 2008. - № 24. - С. 18.

³ См.: Иоффе О.С. Советское гражданское право. Общая часть. - Л., ЛГУ. 2007. - С. 101; Мицкевич А.В. Субъекты советского права. - М.: Юридическая литература, 2008. - С. 59.

⁴ См.: Рафиева Л.К. Честь и достоинство как правовые категории // Правоведение. - 2009. - № 2. - С. 56.

⁵ См.: Анисимов А.Л. Актуальные вопросы гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации в РФ (теория и практика). - М.: Норма, 2010. - С. 19.

⁶ См.: Анисимов А.Л. Указ. соч. - С. 20-21; Малейна М.Н. Указ. соч. - С. 9; Гражданское право: Учебник. Часть II. / Под ред. Сергеева А.П., Толстого Ю.К. - М. Проспект, 2005. - С. 319.

достоинство и честь, которые возникают у физлица в момент рождения, предшествует появлению у данного лица достоинства и чести в качестве нематериальных благ. При рождении у лица появляется право на положительную общественную оценку его нравственных, моральных и интеллектуальных качеств, или самооценку данных качеств, а не общественная оценка или самооценка, то есть появляется право на достоинство и честь. Сами же указанные качества формируются в ходе жизнедеятельности лица, его нравственного, морального или интеллектуального развития. Вместе с этим у окружающих людей формируются представления о таком лице, у самого же лица вырабатываются собственные представления о зле или добре, о безнравственном и нравственном, о морали, появляется индивидуальное мироощущение, и на основании этого - субъективное отношение к собственным нравственным, моральным или интеллектуальным качествам, то есть достоинство. Необходимо отметить, что достоинство и честь определенного индивидуума, не статичны, они подвергаются видоизменению в течение жизни лица, потому что его система нравственных и моральных ценностей может с течением времени изменяться, а меняется также его самооценка (или достоинство). Что относится чести, то она может изменяться при жизни лица в результате осуществления им общественно значимых поступков, и после его смерти, к примеру, если о нем стала известна конкретная информация, не разглашавшаяся при жизни. Мы разделяем позицию с Л. К. Рафиевой, которая отметила, что невозможно точно установить момент появления у гражданина достоинства и чести – у каждого лица он свой¹. При том, мы полагаем, что достоинство лица и особенное субъективное право на достоинство прекращаются в момент смерти данного лица, а честь или право на честь могут оставаться и после смерти, так как у окружающих сохраняется память об умершем и, таким образом, оценка его нравственных, моральных или интеллектуальных качеств. Лицо после смерти само себя не может оценивать, потому мы считаем логичным исключить из абзаца 2 пункта 1 статьи 152 ГК России² термин «достоинство» и сохранить этот абзац в такой редакции: «По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести гражданина, также после его смерти».

По степени взаимосвязанности неимущественных личных прав с имущественными правами обладателей данных прав неимущественные личные права делятся на неимущественные личные права, сопряженные с имущественными, и на неимущественные личные права, какие не связаны с

имущественными³. К последним причисляются и права на достоинство, честь и деловую репутацию.

Неимущественные личные права по целевой направленности классифицируются на:

1) неимущественные личные права, какие стремлены на индивидуализацию личности: право на имя (название юрлица), право на достоинство, честь и деловую репутацию и т. п.;

2) неимущественные личные права, которые устремлены на обеспечение физической неприкосновенности лица (свобода, жизнь, места жительства, выбор места пребывания и т. п.);

3) неимущественные личные права, какие устремлены на неприкосновенность внутреннего мира лица или ее интересов (семейная или личная тайна, достоинство и честь, невмешательство в частную жизнь и т. п.)⁴.

Заметим, что отдельные правонарушения сразу посягают на несколько нематериальных благ, или же неимущественных личных прав, которые принадлежат лицу. С нашей точки зрения, достоинство умалется при посягательствах на иные нематериальные блага физлица - здоровье, жизнь, личную неприкосновенность и свободу, т. е. на физическую неприкосновенность личности. Таким образом, умаление достоинства личности может иметь место в случае пыток или других случаях физического воздействия на индивида (пощечина, удар, плевков и др.). Унижение достоинства личности может иметь место при неприличном жесте, подтверждающего стремление оскорбить лицо, которому он адресован.

Честь может умаляться отдельно от достоинства. Если о лице распространены не соответствующие действительности и порочащие данные, то, от их распространения изменяется в худшую сторону отношение к данному человеку третьих лиц, то есть умалется его честь. Достоинство лица при этом может и не пострадать, так как не во всех ситуациях лицо, о исполнении которым негативных поступков становится известно общественности, испытывает сомнения в собственных высоких моральных качествах, или же перестает уважать данные качества в самом себе. Умаление достоинства, с нашей позиции, должно выражаться в поведении лица, о котором были распространены порочащие и ложные сведения, - лицо подает в отставку с выборной должности, уходит с работы, отказывается от участия в выборах посредством снятия собственной кандидатуры и др. Если же гражданин продолжает совершать прежнюю деятельность и после распространения порочащих и ложных сведений о нем, то, с нашей точки зрения, можно говорить о том, что могла поменаться его общественная оценка (честь), но субъективная

¹См.: Рафиева Л.К. Честь и достоинство как правовые категории // Правоведение. - 2009. - № 2. - С. 56 - 58.

² Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.01.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

³ См.: Андреев Ю.Н. Личные неимущественные отношения как предмет гражданского права // Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия: Сборник статей / Отв. ред. Ершов В.В., Тузов Н.А. – М.Статут, 2009. – С. 321.

⁴ Гражданское право: Учебник для вузов 2 Т. Т.1. Б.М. – М.. Статут, 2017. – С. 174.

оценка данным лицом своих качеств (достоинство) не поменялась.

Достоинство, с нашей позиции, может быть унижено отдельно от чести. Если личность подвергается пыткам, то, прежде всего, страдает самооценка лица своих нравственных и моральных качеств, сознание своей общественной ценности. В это же время общественная оценка данной личности может остаться положительной и, таким образом, умаления чести не произойдет. Необходимо заметить, что по пункту 2 статьи 21 Конституции России пытки, жестокое обращение унижающее лицо, либо наказание считаются посягательствами на достоинство индивида.

В статье 23 Конституции России¹ и в статье 150 ГК Российской Федерации применяется категория «доброе имя». Мы разделяем суждение А. В. Беспалова, который отметил, что данная категория не имеет правовую самостоятельность. Как понятие «доброе имя» в общем смысле синонимично понятию «репутация».

Одним из понятий, какие остаются мало проработанными в теории гражданского права и на законодательном уровне, считается деловая репутация. По степени развития хозяйственного оборота появляется объективная необходимость уяснения сути данного явления. В науке имеется множество толкований деловой репутации. К примеру, Д. В. Кислов считает, что деловая репутация - не единичное явление, а «комплекс факторов, который позволяет наиболее успешно вести бизнес». К таким факторам относятся фирменное название предприятия, выгодное географическое расположение, финансово-экономическое положение, клиентская база, техническая оснащенность предприятия, деловые связи, наличие в собственности высокодоходных активов, кто считается владельцем предприятия и др.²

Упоминание о деловой репутации мы отмечаем в разных законодательных актах, однако законное определение подобного понятия в законодательстве отсутствует. Таким образом, по п. 2 ч. 2 ст. 5 ФЗ России «О рекламе»³ недобросовестной признается реклама, которая порочит честь, деловую репутацию и достоинство лица, включая конкурента. В ФЗ России «О защите конкуренции»⁴ указывается на запрет недобросовестной конкуренции, включая «распространение ложных, искаженных и неточных сведений, какие могут причинить убытки хозяйствующему субъекту, или же нанести ущерб

его деловой репутации» (пункт 1 части 1 статьи 14). В ФЗ Российской Федерации «О банках и банковской деятельности»⁵ одним из оснований для отказа в госрегистрации кредитного учреждения и выдаче ему лицензии на совершение банковских операций считается несоответствие деловой репутации кандидатов на должность членов советов директоров квалификационным требованиям (статья 16), притом под деловой репутацией согласно указанной статье понимается оценка профессиональных и других качеств лица, которые предоставляют возможность ему занимать соответствующую должность в органах управления кредитного учреждения (абзац 4 статьи 16). Вряд ли можно считать данную формулировку законным определением деловой репутации, потому что она носит сугубо определенный характер применительно к данной статье и не отображает, как будет указано ниже, всех значимых свойств деловой репутации.

Деловая репутация - не только качество граждан, но и атрибут юрлица, который считается средством его индивидуализации вместе с фирменным названием, товарным знаком и др. Невзирая на то, что законодатель говорит о деловой репутации относительно граждан, в п. 7 ст. 152 ГК России⁶ содержится норма о том, что правила данной статьи о защите деловой репутации применяются и к защите деловой репутации юрлица. Для юрлиц деловая репутация является отчуждаемым благом. Данное утверждение оправдывает ст. 1027 ГК России, которая посвящена договору коммерческой концессии. В соответствии с пунктом 2 данной статьи договор коммерческой концессии предусматривает использование совокупности исключительных прав, коммерческого опыта и деловой репутации правообладателя в определенном объеме (с определением минимального или максимального объема применения), с указанием, либо без указания территории применения относительно определенной сферы предпринимательской деятельности. Правообладатель может передать собственную деловую репутацию пользователю, да еще и отметить объем ее применения, что не соотносится вовсе с доктриной непередаваемых нематериальных благ, которая используется в ст. 150 ГК Российской Федерации.

Невзирая на то, что деловая репутация, по закону, не считается имуществом, в это же время она имеет конкретную имущественную ценность. К примеру, деловая репутация причисляется к факторам, влияющим на курсовую стоимость акций акционерных обществ - участников фондового рынка, уменьшая или увеличивая ее размер в сравнении с номинальной стоимостью акций. Имущественная ценность деловой репутации при-

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. - 1993. - № 237. - от 25 дек.; Собрание законодательства Российской Федерации. - 2009. - № 4. - Ст. 445.

² См.: Беспалов А.В. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданских прав. - М.: Юрайт, 2010. - С. 14.

³ Кислов Д.В. Нематериальные активы: учет и налоги. - М.: Статус-Кво 97, 2009. - С.11

⁴ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О рекламе" // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 12. - Ст. 1232.

⁵ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О защите конкуренции" // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (часть I). - Ст. 3434

⁶ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2018) "О банках и банковской деятельности" // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. - 1990. - № 27. - Ст. 357.

⁶ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.01.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

знается также в судебной практике. Таким образом, по делу ОАО «Альфа-банк» против ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом» суд решил, кроме всего прочего, взыскать 30 млн. рублей с ответчика в компенсацию репутационного вреда, который причинен умалением деловой репутации ОАО «Альфа-банк»¹.

В результате, необходимо отметить, что особые субъективные права на достоинство и честь появляются при рождении физлица и могут существовать отдельно от достоинства и чести как нематериальных благ, какие вырабатываются у лица в ходе всей его жизни, а также подвергаются изменению. Достоинство лица и право данного лица на достоинство прекращаются с моментом смерти их обладателя. Честь человека и его право на честь бессрочны. Умаление достоинства и чести может произойти и в случае посягательства на иные нематериальные блага физлица. Честь умалется, в первую очередь, распространением о лице не отвечающих действительности порочащих сведений, достоинство умалется посредством посягательств на здоровье, жизнь, личную неприкосновенность лица.

Литература

1. Андреев Ю. Н. Личные неимущественные отношения как предмет гражданского права // Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия: Сборник статей / Отв. ред. Ершов В. В., Тузов Н. А. – М. Статут, 2009. – С. 321.
2. Анисимов А. Л. Актуальные вопросы гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации в РФ (теория и практика). – М.: Норма, 2010. – С. 19.
3. Бабенко А. В. Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений // Право и экономика. – 2010. – № 6. – С. 20.
4. Беспалов А. В. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданских прав. – М.: Юрайт, 2010. – С. 14.
5. Гаврилов Е. Право на честь и достоинство // ЭЖ-Юрист. 2014. № 40. С. 3.
6. Ерошенко А. А. Гражданско-правовая защита чести и достоинства // Государство и право. – 2009. – № 10. – С. 138.
7. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Статут. 2009. – С. 12.
8. Кислов Д. В. Нематериальные активы: учет и налоги. - М.: Статус-Кво 97, 2009. - С.11.
9. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита). – М.: Юристъ, 2009. – С. 9.
10. Малеина М. Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. – 2008. – № 24. – С. 18.

11. Рафиева Л. К. Честь и достоинство как правовые категории // Правоведение. - 2009. - № 2. - С. 56 - 58.

12. Решение Арбитражного суда г. Москвы № А40-40374/04-89-467 от 27 октября 2004 г. // <http://www.msk.arbitr.ru/pract>.

13. Самородов Д. А. Использование внешнего облика лица в политической рекламе как основание требовать судебной защиты чести и достоинства. – М.: ПОЛТЕКС, 2009. – С. 8.

The issue of improving the terminology in the field of ensuring the rights to protect the honor, dignity, and business reputation of a person

Bocharova A.R., Ludwig S.D.

RTU MIREA

The article raises the issue of improving the terminology in the field of ensuring the rights to protect the honor and dignity of the individual. The author analyzes the relevant legal terms enshrined in the legislation, touches on the problem of their interpretation. Noting that the concepts of "honor", "good name" and "reputation" are synonymous, he raises the question of the advisability of enshrining several concepts in legislation that have the same meaning.

Key words: honor, dignity, reputation, business reputation, non-property rights, human rights, state legal protection.

References

1. Andreev Yu. N. Personal non-property relations as a subject of civil law // Anthology of scientific thought: To the 10th anniversary of the Russian Academy of Justice: Collection of articles / Ed. ed. Ershov V.V., Tuzov N.A. - M. Statut, 2009. -- P. 321.
2. Anisimov AL Topical issues of civil legal protection of honor, dignity and business reputation in the Russian Federation (theory and practice). - M.: Norma, 2010. -- S. 19.
3. Babenko A. V. Intangible benefits as an object of civil legal relations // Law and Economics. - 2010. - No. 6. - P. 20.
4. Bespalov A. V. Honor, dignity and business reputation as objects of civil rights. - M.: Yurayt, 2010. -- P. 14.
5. Gavrilov E. Right to honor and dignity // EZh-Lawyer. 2014. No. 40, p. 3.
6. Eroshenko A. A. Civil protection of honor and dignity // State and law. - 2009. - No. 10. - P. 138.
7. Krasavchikova L. O. Concept and system of personal non-property rights of citizens (individuals) in civil law of the Russian Federation. - M.: Statute. 2009. -- S. 12.
8. Kislov DV Intangible assets: accounting and taxes. - M.: Status-Quo 97, 2009. -- P.11.
9. Maleina MN Personal non-property rights of citizens (concept, implementation and protection). - M.: Jurist, 2009. -- P. 9.
10. Maleina MN Protection of honor, dignity, business reputation of an entrepreneur // Legislation and economics. - 2008. - No. 24. - P. 18.
11. Rafieva LK Honor and dignity as legal categories // Jurisprudence. - 2009. - No. 2. - P. 56 - 58.
12. Decision of the Moscow Arbitration Court No. A40-40374 / 04-89-467 dated October 27, 2004 // <http://www.msk.arbitr.ru/pract>.
13. Samorodov DA Using the external appearance of a person in political advertising as a basis to demand judicial protection of honor and dignity. - M.: POLTEX, 2009. -- P. 8.

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы № А40-40374/04-89-467 от 27 октября 2004 г. // <http://www.msk.arbitr.ru/pract>.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Чмеленко Илья Александрович
студент Института экономики и права РТУ МИРЭА

Олейник Сергей Александрович,
к.ю.н доцент кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА

Исследуются государственные и муниципальные образования как самостоятельные участники гражданских правоотношений, предлагается анализ специфики участия публичных образований в отдельных видах гражданских правоотношений.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, субъекты гражданских правоотношений, публичные образования, муниципальная собственность.

Публичные образования являются равноправными субъектами гражданских правоотношений. Следовательно, они могут участвовать в гражданском обороте наряду с остальными лицами (физическими и юридическими). Можно подразделить гражданские отношения с участием публичных образований на следующие группы.

Первая группа представляет имущественные отношения, которые включают в себя обязательственные, вещные, отношения по поводу государственной и муниципальной собственности, наследственные, а также отношения, связанные с результатами интеллектуальной деятельности. Вторая группа включает в себя личные неимущественные отношения. И, наконец, третья группа – это организационные отношения.

В зависимости от вида публичного образования выделяются отношения по поводу федеральной, муниципальной собственности и собственности субъектов РФ.

Публичные образования, таким образом, наделены всеми полномочиями, которыми обладает собственник: правами владения, пользования и распоряжения. Государственные и муниципальные образования, выступая в гражданском обороте в лице своих органов власти, могут совершать сделки по отчуждению государственного и муниципального имущества, передавать его во временное пользование (возмездное или безвозмездное), а также совершать иные сделки, не противоречащие действующему законодательству.

Общие принципы распоряжения государственной и муниципальной собственностью закреплены в Федеральном законе от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Вместе с тем, участие публичных образований в вещных правоотношениях имеет ряд особенностей, которые проявляются в способах приобретения права собственности, а также режиме управления собственностью. В качестве примеров особых способов приобретения права муниципальной собственности можно привести возникновение

права собственности на бесхозную вещь, находку, безнадзорных животных, клад¹.

Помимо отношений собственности публичные образования также выступают субъектами гражданских правоотношений при заключении, исполнении и расторжении договоров наряду с другими участниками оборота. Законом могут быть предусмотрены случаи, когда стороной договора может выступать исключительно публичное образование в лице своих государственных или муниципальных органов, как например, в отношении по поставке товаров, выполнении работ для государственных и муниципальных нужд² или в договоре государственного займа³.

Наряду с договорными отношениями публичные образования являются субъектами внедоговорных обязательств, например, при возмещении вреда.

Как отмечается в юридической литературе, специфика участия публичных образований в деликтных обязательствах заключается в том, что «имущественный вред, причиненный гражданам и юридическим лицам такого рода действиями публичной власти, подлежит возмещению за счет соответствующей казны (Российской Федерации, ее субъекта, муниципального образования), т. е. прежде всего за счет бюджетных (денежных) средств, а при их отсутствии – за счет иного составляющего казну имущества, кроме имущества, изъятого из оборота». Из вышесказанного делается вывод, что «ответчиками по соответствующим искам по общему правилу выступают финансовые органы (органы казначейства)»⁴. Указанные выводы базируются на соответствующих положениях Гражданского и Бюджетного кодексов⁵.

Исследуя проблематику представительства интересов публичных образований в деликатных правоотношениях, некоторые авторы приходят к выводу о том, что «в настоящее время судьи при рассмотрении и разрешении гражданских дел по искам к публичным образованиям о возмещении вреда, причиненного деятельностью государственных органов, не видят разницу между ответчиком (публичным образованием – Российской Федерацией, субъектом РФ, муниципальным обра-

зованием), к которому должен быть заявлен иск о возмещении причиненного вреда, и органом, который выступает в подобных делах по подобным искам от имени ответчика. В этом вопросе у судей отсутствует единый системный подход: судьи «просто путаются в определении того, кто ответчик, кто выступает от имени ответчика, а кто исполняет решение суда, смешивая их в одном лице того органа, который выступал в суде от «имени казны»»⁶.

Например, анализ недавних решений, вынесенных судами общей юрисдикции, позволяет сделать вывод, что для данных судов более характерно привлечение в качестве представителя ответчика по искам к казне не главного распорядителя бюджетных средств, а Федерального казначейства РФ в лице его территориальных органов⁷. Этот же подход сформулирован и Верховным Судом РФ, согласно которому в качестве ответчика от имени казны необходимо привлекать Министерство финансов РФ, интересы которого в судах должны представлять по доверенности управления Федерального казначейства по субъектам Российской Федерации⁸.

Таким образом, публичные образования участвуют в различных видах гражданских правоотношений наряду с другими субъектами и реализуют свои полномочия посредством органов власти. При этом важной практической задачей становится разграничение ситуаций, в которых участником гражданско-правовых отношений является публично-правовое образование в лице своего органа власти либо этот орган власти самостоятельно выступает в гражданском обороте как юридическое лицо – некоммерческая организация.

Как видно из приведенного анализа, участие государственных и муниципальных образований в гражданском обороте весьма широко и разнообразно и охватывается практически всеми сферами. Законом закреплено, что государственные и муниципальные образования участвуют в гражданских правоотношениях наравне с другими участниками оборота, приобретают гражданские права и несут обязанности. Для реализации полномочий публичных образований эти функции выполняют органы государственной власти и органы местного самоуправления, которые могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, и обязанности, выступать в суде и т. д. Отсюда сле-

¹См: ст. 225, ст. 228, ст. 231, ст. 233 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018)//Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

²См: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

³См: ст. 817 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018)//Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.

⁴См: Жметкин Р.Г. Органы публичных образований как субъекты гражданско-правовой ответственности// Общество и право. № 1 (43), с. 76.

⁵См: п. 1 ст. 126 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018)//Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301; п. 2 ст. 97, п. 2 ст. 99, п. 2 ст. 100, ст. 239 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.11.2018)//Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823.

⁶См: Бораев З.К. Некоторые особенности представительства интересов публично-правовых образований в деликтных правоотношениях// Пробелы в российском законодательстве. 2/2017, с. 188.

⁷См: Решение Советского районного суда г. Липецка от 6 сентября 2011 г. по делу № 24790/2017; Решение Ханты-Мансийского районного суда от 4 сентября 2017 г. по делу № 23558/2017.

⁸См: п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2012 г. № 1.

дует вывод, что участниками гражданских правоотношений являются именно публичные образования, а не созданные ими государственные органы или органы местного самоуправления. Данный вывод имеет практическое значение, поскольку при рассмотрении споров, вытекающих из гражданских правоотношений, для правильного разрешения вопроса в суде должен быть исчерпывающим образом исследован вопрос, действует ли в конкретном случае орган власти в своих интересах посредством бюджетного учреждения, или от имени публичного образования.

Литература

1. Жметкин Р. Г. Органы публичных образований как субъекты гражданско-правовой ответственности// Общество и право. № 1/2017 (43), с. 76.
2. Бораев З. К. Некоторые особенности представительства интересов публично-правовых образований в деликтных правоотношениях// Проблемы в российском законодательстве. 2/2017, с. 188.

State and municipal formations as independent participants in civil legal relations

Chmelenko I.A., Oleinik S.A.

RTU MIREA

State and municipal formations are investigated as independent participants in civil legal relations, an analysis of the specifics of the participation of public formations in certain types of civil legal relations is proposed.

Key words: civil legal relations, subjects of civil legal relations, public formations, municipal property.

References

1. Zhmetkin RG Bodies of public entities as subjects of civil liability // Society and law. No. 1/2017 (43), p. 76.
2. Boraev ZK Some features of representing the interests of public law entities in tort legal relations // Gaps in Russian legislation. 2/2017, p. 188.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Хайдаров Усмон Набиевич

студент Института комплексной безопасности и специального приборостроения РТУ МИРЭА.

Володина Ольга Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

Статья посвящена теме определения правового положения субъектов инвестиционной деятельности. Рассмотрены такие понятия, как инвестиция, инвестор, заказчик, подрядчик и пользователи объектов инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: субъекты инвестиционной деятельности, инвестиции, инвестор, заказчик, подрядчик, пользователи объектов инвестиционной деятельности.

Инвестиции – это капитальные вложения, которые осуществляются для того, что бы получить прибыль или другие полезные результаты. Основным нормативно – правовым актом, специально ориентированным на организацию экономических отношений в процессе осуществления капитальных вложений между участниками этого процесса (субъектами инвестиционной деятельности), является Федеральный закон от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Таким образом, в соответствии со статьёй 4 Закона № 39-ФЗ субъектами инвестиционной деятельности являются инвесторы, заказчики, подрядчики, пользователи объектов инвестиционной деятельности и другие лица. Субъектами инвестиционной деятельности могут быть как физические, так и юридические лица, государственные органы, органы местного самоуправления, иностранные инвесторы и др.

Главным субъектом инвестиционной деятельности является инвестор. Инвестор – это субъект инвестиционной деятельности, осуществляющий вложение средств в форме инвестиций и обеспечивающий их целевое использование. То есть инвестор вкладывает в производство деньги и (или) иное имущество, участвует в управлении производством, несёт всю ответственность за результаты деятельности и разделяет все риски, связанные с использованием инвестиций⁹. Для инвестора целью участия в инвестировании является получение материальной выгоды – прибыли¹⁰.

Очевидно, что результатом инвестиционной деятельности является не только получение прибыли, но и достижение определенного эффекта – результата (экологического, инновационного, социального и т. д.). Так, например, когда государство выступает инвестором, оно не ставит перед собой цели максимизации прибыли. Цель государства – создание новых рабочих мест, развитие инфраструктуры и через это – увеличение благосостояния.

Инвестор имеет, в частности, равные права на самостоятельное определение объемов и направлений капитальных вложений, а так же на владение, пользование и распоряжение объектами и результатами капитальных вложений, осуществление контроля над целевым использованием

⁹См: В.А. Бублик Гражданско-правовое регулирование предпринимательства с долевым участием иностранных инвестиций на территории Российской Федерации. Екатеринбург, 1999.

¹⁰См: Л.Г. Селютина Управление инвестициями.

средств, направленных на капитальные вложения и т. д.

Права инвестора определяется ценными бумагами, которыми он владеет. А обязанности инвестора заключается в соблюдении стандартов (норм и правил). Права и обязанности инвестора закреплены на законодательном уровне. Права других участников инвестиционной деятельности законодательством не определены. Это означает, что все остальные субъекты инвестиционной деятельности определяют свои полномочия по договоренности с инвестором и закрепляют их в договоре¹¹.

Наряду с инвестором участниками инвестиционной деятельности являются заказчики. Заказчики – уполномоченные на то инвесторами физические и юридические лица, которые осуществляют реализацию инвестиционных проектов. При этом они не вмешиваются в предпринимательскую и (или) иную деятельность других субъектов инвестиционной деятельности, если иное не предусмотрено договором между ними. Заказчиками могут быть инвесторы.

Заказчик, не являющийся инвестором, наделяется правами владения, пользования и распоряжения капитальными вложениями на период и в пределах полномочий, которые установлены договором и (или) государственным контрактом в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Заказчики реализуют инвестиционные проекты, то есть подыскивают подрядчиков, поставщиков, заключают с ними договоры, контролируют исполнение.

Подрядчики – физические и юридические лица, которые выполняют работы по договору подряда и (или) государственному или муниципальному контракту, заключаемым с заказчиками в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Подрядчики обязаны иметь лицензию на осуществление ими тех видов деятельности, которые подлежат лицензированию в соответствии с федеральным законом.

Пользователи объектов капитальных вложений – физические и юридические лица, в том числе иностранные, а также государственные органы, органы местного самоуправления, иностранные государства, международные объединения и организации, для которых создаются указанные объекты. Пользователями объектов капитальных вложений могут быть инвесторы.

Субъект инвестиционной деятельности вправе совмещать функции двух и более субъектов, если иное не установлено договором и (или) государственным контрактом, заключаемыми между ними.

Таким образом, инвестиционная деятельность – это взаимодействие нескольких субъектов, объединенных одной или несколькими общими целями. Каждый субъект является важной частью инвестиционной деятельности. Именно благодаря эффективной работе субъектов, вместе и по от-

дельности, можно реализовать инвестиционные проекты и достичь поставленных целей.

Литература

1. Консультант Плюс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/8c13764cc329a86cde69b01a022fde3199b759e4/ (дата обращения 08.03.19г)
2. Г. П. Подшиваленко, Н. И. Лахметкина Инвестиции (КНОРУС 2006)
3. А. В. Майфат Инвестор: понятие, статус, деятельность (Современное право 2005)
4. В. А. Бубник Гражданско-правовое регулирование предпринимательства с долевым участием иностранных инвестиций на территории Российской Федерации. Екатеринбург, 1999.
5. Л. Г. Селютян Управление инновационно-инвестиционными процессами в строительстве (СПбГИЭУ, 2011).
6. В. В. Гушин, А. А. Овчинников Инвестиционное право (МГИУ 2008).

Legal status of subjects of investment activity

Khaidarov U.N., Volodina O.V.

RTU MIREA.

The article is devoted to the topic of determining the legal status of subjects of investment activity. Considered are concepts such as investment, investor, customer, contractor and users of objects of investment activity.

Key words: subjects of investment activity, investments, investor, customer, contractor, users of objects of investment activity.

References

1. Consultant Plus: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/8c13764cc329a86cde69b01a022fde3199b759e4/ / (date of treatment 03/08/19)
2. G.P. Podshivalenko, N.I. Lakhmetkina Investments (KNORUS 2006)
3. A. V. Mayfat Investor: concept, status, activity (Modern Law 2005)
4. VA Bubnik Civil-legal regulation of entrepreneurship with equity participation of foreign investments in the territory of the Russian Federation. Yekaterinburg, 1999.
5. L. G. Selyutian Management of innovation and investment processes in construction (SPbGIEU, 2011).
6. V. V. Gushchin, A. A. Ovchinnikov Investment Law (MGIU 2008).

¹¹См: В.В. Гушин, А.А. Овчинников Инвестиционное право.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гришина Вера Олеговна,
студентка Института комплексной безопасности и специального приборостроения РТУ МИРЭА.

Гришина Надежда Олеговна,
студентка Института комплексной безопасности и специального приборостроения РТУ МИРЭА.

Володина Ольга Владимировна,
к.ю.н., доцент кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

В статье рассматриваются основные моменты монополистической деятельности, правовые источники антимонопольного законодательства, основные тенденции при формировании монополизма. Монополистическую деятельность можно рассматривать как единство двух сторон (категорий) – правовой и экономической. Их можно анализировать как по отдельности, так и в совокупности.

Ключевые слова: монополистическая деятельность, монополизм, антимонопольное законодательство, конкуренция, Федеральная антимонопольная служба (ФАС России).

Органы законодательной власти создают единую и целостную систему правового регулирования конкурентных отношений, тем самым обеспечивается единство дальнейшего применения антимонопольного законодательства, которое отражается в деятельности Федеральной антимонопольной службы (ФАС России).

Монополистическая деятельность¹²:

- злоупотребление хозяйствующим субъектом, группой лиц своим доминирующим положением;
- соглашения или согласованные действия, запрещённые антимонопольным законодательством;
- прочие действия, бездействия, признанные в соответствии с

федеральными законами монополистической деятельностью. (Из ГК РФ)

Для лучшего понимания данного явления выделим основные моменты монополистической деятельности.

1. Монополистическая деятельность – это наказуемое правонарушение (противоправное деяние), особенно важно уметь различать монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию – наказуемое деяние.

2. Монополистическая деятельность – это экономическая деятельность, которая связана с производством, оказанием услуг, реализацией, приобретением, производственным потреблением продукции (товаров), выполнением работ. Цель – это не только извлечение прибыли, но и ее максимизация.

3. Монополистическую деятельность можно определить, как противоположность конкуренции, её антипод¹³. Следовательно, можно сделать вывод о том, что такая деятельность подрывает старания, попытки государства по созданию, организации и реализации необходимых условий развертывания экономических отношений, которые могли бы стимулировать развитие рынка и его механизмов.

Важно понимать, что термин «монополистическая деятельность» шире, чем «монополистическое деяние».

Правовые основы государственного регулирования конкурентных отношений определяются федеральным антимонопольным законодательством, федеральными законами, задача которых заклю-

¹²См.: Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О защите конкуренции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) в соответствии со ст.4

¹³См.: Мысьютина, Л.В. Основы экономической теории (Макроэкономика): учеб. пособие/Л.В.Мысьютина. – Брянск: БГТУ, 2004.

чается в регулировании отношений, влияющих на конкуренцию на товарных, финансовых рынках в России¹⁴.

Основная и ключевая роль в государственном регулировании экономики в развитых странах отводится антимонопольному регулированию. В Российской Федерации антимонопольное регулирование является составной частью государственного регулирования экономики, а также частью предпринимательского (хозяйственного) права.

Путем определения организационно-правовых основ развития и поддержки конкуренции, предупреждения и пресечения недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности, и другой антиконкурентной практики происходит регулирование в области защиты конкуренции на товарных, финансовых рынках.

Правовые источники антимонопольного законодательства Российской Федерации¹⁵:

- Конституция Российской Федерации (КоАП РФ);
- Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ);
- Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»;
- прочие федеральные законы, задача которых регулировать отношения, указанные в статье 3 «Закона о защите конкуренции».

Рассмотрим другую категорию монополистической деятельности – экономическую.

Для всех современных стран мира, включая Россию, стратегически важно добиться определенных успехов в построении идеальной, совершенной и образцовой модели социально-ориентированной рыночной экономики, которая предполагает:

- создание равенства всех участников экономических отношений, благоприятных условий для развития конкурентной среды;
- возможность самостоятельно принимать решения в вопросах поведения на рынке;
- недопустимость вмешательства в профессиональные дела субъектов рынка;
- возможность свободного входа и выхода на рынок товаров и услуг.

Важным и необходимым звеном для достижения благоприятных условий рыночной экономики является наличие правовой основы, которая создает гарантию для существования конкуренции, – антимонопольное законодательство, и свободной конкуренции.

Нежелательные и даже губительные последствия могут быть причинены не только государству, но и всему обществу в целом. Данная нежелательность проявляется в том, что порожденные монополистической деятельностью правонарушения посягают на конкуренцию, они ограничивают

реализацию государством публичного интереса и, таким образом, дезорганизуют рынок и его механизм. В соответствии с пунктом 1 статьей 6 Закона «О защите конкуренции» монополю высоко ценой товара называется цена, которая установлена занимающим доминирующее положение хозяйствующим субъектом, если она (цена) соответствует в совокупности двум необходимым критериям¹⁶.

Данная цена, превышающая цену, которую в условиях несовершенной конкуренции на товарном рынке, сопоставимом по количеству продаваемого за определенный период товара, составу покупателей или продавцов товара и условиям доступа, устанавливаются хозяйствующие субъекты, не входящие с покупателями или продавцами товара в одну группу лиц и не занимающие доминирующего положения на сопоставимом товарном рынке.

Цена, превышающая сумму необходимых для производства и реализации такого товара прибылей и расходов.

Приведем пример.

В строительном бизнесе цены на жилье явно превышают те суммы расходов и прибыли, которые необходимы для строительства каких-либо объектов.

Однако при этом 2-ой критерий в условиях чрезмерного роста цен на жилье остается безупречным. На основе данного примера мы приходим к выводу, что стимулирование возросшего спроса на жилье порождает соответственный рост цен на него.

Монополистическая деятельность нарушает не только публичные, но и частные права, интересы субъектов рынка. Прежде всего данное противоправное деяние посягает на субъективные права отдельных лиц, то есть права потребителей и предпринимателей на финансовых и товарных рынках¹⁷.

Рассмотрим понятие «монополизм» с разных сторон.

1. Монополизм как комплексное, составное явление охватывает экономические отношения в обмене, а также и в других сферах национального воспроизводства. И в сфере обращения, и в сфере производства создаются монополистические структуры.

2. Монополизм считается реальным действием субъектов, доминирующих и занимающих лидирующие позиции на рынке, которые эксплуатируют рыночный спрос, и в личных интересах, и в ущерб интересам всего общества, а также используют особую и индивидуальную рыночную технологию.

3. Монополизм – это проявление экономической несправедливости в условиях несовершенной конкуренции.

¹⁴ См.: Иванова Е.В. Предпринимательское право: учебник для бакалавров // Е.В. Иванова. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – С. 143-145

¹⁵ См.: Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О защите конкуренции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) в соответствии со ст.2

¹⁶ См.: Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О защите конкуренции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) в соответствии со ст.6

¹⁷ См.: А.В.Бондарь, В.А.Воробьев, Н.Н.Сухарева; учебника Микроэкономика: учебное пособие/ под ред. А.В.Бондаря, В.А.Воробьева. – Мн.: БГЭУ, 2007. – С.18-19

4. Монополизм – это признак потенциальной деградации и снижения эффективности национальной экономической системы¹⁸.

Следует выделять две основные тенденции при формировании монополизма как экономического явления:

– проявление у хозяйствующего субъекта особого экономического поведения, цель которого реализовать свои предпринимательские способности и достигнуть экономической власти (монополистическая деятельность);

– утверждение несовершенной конкуренции через формирование потенциала экономической власти и возникновение доминирующего положения на рынке.

Рассмотрим основные пути преодоления монополизма:

– приватизация предприятий и разгосударствление собственности;

– формирование особой конкурентной среды на товарных рынках и эффективно действующей рыночной экономики;

– развитие малого предпринимательства – наиболее актуально в наше время.

Эти меры можно отнести к мероприятиям по демополизации экономики.

Таким образом, мы приходим к выводу, что монополистическую деятельность можно рассматривать как единство двух сторон (категорий) – правовой и экономической. Их можно анализировать как по отдельности, так и в совокупности, но необходимо помнить и знать, что они неразрывны. Ключевая роль в регулировании монополистической деятельности отводится Федеральной антимонопольной службе (ФАС России), которая активно контролирует и отслеживает деятельность монополий.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О защите конкуренции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) в соответствии со ст.2, ст.4, ст.6

2. Иванова Е. В. Предпринимательское право: учебник для бакалавров // Е. В. Иванова. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – С. 143-145.

3. Мысютина, Л. В. Основы экономической теории (Макроэкономика): учеб. пособие/Л. В. Мысютина. – Брянск: БГТУ, 2004.

4.. Монополизм: экономическая власть и монополистическая деятельность [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/3675698/page:58/> (дата обращения: 20.02.2019).

Legal bases of state regulation of competition relations

Grishina V.O., Volodina O.V.

RTU MIREA.

The article examines the main points of monopolistic activity, legal sources of antimonopoly legislation, the main trends in the formation of monopoly. Monopolistic activity can be viewed as a unity of two sides (categories) - legal and economic. They can be analyzed individually or collectively.

Key words: monopolistic activity, monopoly, antitrust legislation, competition, Federal Antimonopoly Service (FAS Russia).

References

1. Federal Law of July 26, 2006 N 135-FZ (as amended on December 27, 2018) "On Protection of Competition" (as amended and supplemented, entered into force on January 08, 2019) in accordance with Article 2, Art. .4, article 6
2. Ivanova EV Business law: a textbook for bachelors // EV Ivanova. - M.: Yurayt Publishing House, 2013. - S. 143-145.
3. Mysyutina, LV Fundamentals of economic theory (Macroeconomics): textbook. manual / L. V. Mysyutin. - Bryansk: BSTU, 2004.
4. Monopoly: economic power and monopolistic activity [Electronic resource]. URL: <https://studfiles.net/preview/3675698/page:58/> (date accessed: 20.02.2019).

¹⁸См.: Монополизм: экономическая власть и монополистическая деятельность [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/3675698/page:58/> (дата обращения: 20.02.2019).

ПУТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРУШЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ГРАЖДАН РОССИИ НА ВЫБОРАХ

Крысанов Алексей Михайлович
студент Института экономики и права РТУ МИРЭА.

Елинский Валерий Иванович,
д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

В статье рассматриваются проблемы, которые возникают в ходе избирательных кампаний в современной России и напрямую связаны с нарушением избирательных прав граждан. Отмечается, что во многом нарушения избирательных прав граждан обусловлены применением административного ресурса, несовершенством действующих законов, а также недостаточным применением института независимого наблюдения и цифровых технологий в день голосования. По мнению автора, выходом из этой ситуации может стать правовое просвещение граждан и активное внедрение электронного голосования на выборах в России.

Ключевые слова: выборы, избирательное право граждан, нарушения, административный ресурс, подкуп, Интернет-выборы, цифровые технологии.

Данные статистики по проведению выборов в России свидетельствуют об увеличении из года в год количества фактов нарушения избирательного законодательства. При этом эффективность правовых норм материального избирательного права оставляет желать лучшего, что явно не препятствует пресечению возможных злоупотреблений и нарушений на выборах. Нарушения избирательных прав граждан России в настоящее время в основном заключаются в следующем.

1. Злоупотребления административным ресурсом. Давление начальства на своих подчиненных-избирателей является одним из особо распространенных типов нарушений. Пользуясь собственным положением, руководители организаций, предприятий либо компаний могут оказывать давление на подчиненных, принуждая их прийти на выборы и проголосовать за определенную партию либо кандидата.

Проблемы использования административного ресурса в этом плане в основном связаны с нарушением законодательства, профессиональной этики и базовых принципов демократии. В ходе избирательных кампаний административным ресурсом очень часто злоупотребляют. Однако административный ресурс далеко не всегда используется с нарушением действующего законодательства, зачастую его использование вполне законно и оправдано, что предопределено самой сущностью избирательного процесса. Административный ресурс никак не может стать залогом победы в избирательной кампании, а злоупотребление им приводит к нарушению нормального процесса демократической избирательной кампании.

Бороться со злоупотреблением административным ресурсом очень сложно, потому что доказать случаи применения незаконных административных технологий бывает очень тяжело, и даже прямое нарушение законодательства обычно остается безнаказанным. Потому борьба с некорректным поведением органов власти и управления в избирательном процессе должна базироваться, в первую очередь, на четкой системе мер, направленных на своевременное обнаружение фактов злоупотребления административным ресурсом, на диагностике этого явления, основанной на различных данных, в т.ч. полученных из открытых источников. Чиновники, нарушающие законный порядок проведения выборов, должны лишаться своих должностей¹⁹.

¹⁹ См.: Макарецев А.А. Избирательное право и процесс в России: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014. С. 78.

2. Нарушения до дня голосования – принуждение, подкуп избирателей, а также методика, часто используемая на выборах различного уровня, которая основана на благотворительной активности.

Суть данной технологии заключается в заблаговременном создании «фондов социальной поддержки», обычно носящих название заинтересованного в их деятельности кандидата. В рамках данного фонда, деятельность которого по понятным причинам осуществляется лишь на территории избирательного округа, распределяются, как правило, дешевые продовольственные наборы, приносящие множество голосов от избирателей, которые не имеют лишних денежных средств.

В настоящее время существует несколько основных методов обнаружения злоупотребления административным ресурсом в избирательных кампаниях, проводимых на территории России. Наиболее традиционным считается прием прямого надзора. В рамках этого метода принципиальное значение играет институт независимых наблюдателей, которые находятся на избирательных участках в день голосования. Они должны не допустить вероятных манипуляций с избирательными бюллетенями, изменений протоколов после подсчета голосов и т. д.

Не считая прямого надзора, существует ряд дополнительных методов, которые помогают отобразить реальную картину в целом, в конкретном изучаемом регионе или по всей стране. Кроме того, существуют методы массового и экспертного опроса. Экспертный опрос в большей степени может быть полезен для изучения ситуации в отдельном регионе²⁰.

Массовый и экспертные опросы следует дополнять проведением мониторинга средств массовой информации (СМИ). Так, заказные статьи, использование служебных возможностей для сокрытой агитации (в частности, в ходе освещения служебных поездок действующего чиновника-кандидата) достаточно нетрудно обнаруживаются в российской прессе. Современное телевидение, как правило, очень сильно «раскручивает» конкретных кандидатов перед каждыми очередными выборами.

Одним из самых эффективных способов борьбы с коррупцией в избирательном процессе, как и с другим любым видом правонарушений, является их предотвращение. Предотвращение политической коррупции, как представляется, позволит существенно ослабить коррупцию во власти в целом.

В целях противостояния коррупционным правонарушениям и преступлениям, необходимо, предпринять следующее:

- введение значительных изменений в избирательное право, с целью обеспечения более оперативного реагирования на вновь возникающие технологии нечестной предвыборной борьбы;

- законодательное решение вопроса об ответственности избирательных комиссий и должност-

ных лиц за бездействие при нарушении законодательства со стороны участников выборного процесса;

- внесение в действующее законодательство поправок, в соответствии с которыми избирательная комиссия определяла бы уполномоченный орган печати и организацию, осуществляющую печать агитационного материала;

- вступление ограничения на число оплачиваемых сотрудников избирательных штабов кандидатов в зависимости от уровня выборов, в по аналогии с ограничением размеров избирательного фонда. Потому в финансовом отчете кандидата должны закрепляться все договорные связи участников избирательной кампании.

3. Несовершенство законодательства, регулирующего порядок проведения избирательных кампаний по выборам различного уровня. В ходе анализа зарегистрированного федерального списка кандидатов и списка кандидатов по одномандатным округам на выборах депутатов Государственной Думы РФ 2016 года следует, что ни одна из политических партий, не освобожденных от сбора подписей, никак не смогла собрать необходимое число подписей. В 2016 году в порядке самовыдвижения выдвигались 304 кандидата, зарегистрировано 23 человека, впоследствии 4 выбыло, и осталось лишь 19 кандидатов. Это ограничивает право граждан быть избранными. Регулирование порядка сбора подписей избирателей оставляет возможность для нарушения избирательных прав граждан, а слишком жесткие требования к оформлению подписных листов в ряде случаев приводят к выбраковке действительных подписей избирателей. Также можно отметить, что в законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации неосновательно растянут начальный срок периода выдвижения кандидатов, списков кандидатов. Таким образом, начало избирательной кампании в день официального опубликования решения о назначении выборов теряет всю суть, а ее фактическое возникновение, установленное законом субъекта Российской Федерации, неизбежно влечет за собой уменьшение сроков иных избирательных действий, в том числе сбора подписей.

Важно подчеркнуть, что объем документов и сведений, представляемых кандидатами и политическими партиями, а также порядок их представления в том виде, в котором он изложен в Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», малоубедительно структурирован и сложен для восприятия.

Неточность формулировок, связанных с определением действий, совершаемых с использованием преимуществ должностного положения, приводит к различным трактовкам норм законодательства в отношении всех кандидатов, участвующих в выборах. Недостаток действенных механизмов ответственности за фальсификацию итогов голосования из-за недостаточной независимости избирательных комиссий. В настоящее время необходимо реформировать избирательные ко-

²⁰ См.: URL: <http://nabludatel.org> (дата обращения: 10.02.2019).

миссии, вести профессиональную подготовку членов участковых избирательных комиссий, последовательно обучать членов участковых избирательных комиссий в соответствии со всеми требованиями закона.

4. Несовершенство избирательного процесса, слабое применение современных цифровых технологий при голосовании на выборах. Решением этой проблемы может стать введение новых информационных технологий в избирательный процесс и усовершенствование материально-технической базы, используемой для проведения выборов.

Наконец, нельзя не отметить, что коррупционная активность, подкуп избирателей явствует нормой российских выборов, необходимо огромное внимание уделять воспитанию «нового поколения». И начинать надо со школьников средних классов и учащихся высших учебных заведений страны. Для школьников можно предложить игры, спектакли, выпускать красочные брошюры, ввести классные часы и проводить в рамках курса обществознания занятия, посвященные выборам, в котором будет пропаганда честных и справедливых выборов, а подкуп будет считаться преступлением, как с точки зрения закона, так морали и нравственности. Для студентов высших учебных заведений можно предложить семинары, деловые игры, методические пособия и новые подходы к выборам, например Интернет-выборы, чтобы заинтересовать молодых избирателей только честными выборами, а не возможностью получения материальных благ в результате продажи своих голосов.

Будущее российских выборов зависит от активной гражданской позиции каждого из нас, а также от того, насколько процесс подсчета голосов будет связан с использованием современных цифровых технологий.

Литература

1. Макарецев А. А. Избирательное право и процесс в России: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014.
2. <http://nabludatel.org>

Ways to prevent violations of the electoral rights of Russian citizens in elections

Krysanov A.M., Elinsky V.I.

RTU MIREA

The article examines the problems that arise during election campaigns in modern Russia and are directly related to the violation of the electoral rights of citizens. It is noted that, in many respects, violations of the electoral rights of citizens are caused by the use of administrative resources, imperfection of existing laws, as well as insufficient use of the institution of independent observation and digital technologies on election day. According to the author, a way out of this situation can be legal education of citizens and the active introduction of electronic voting in elections in Russia.

Key words: elections, citizens' suffrage, violations, administrative resource, bribery, Internet elections, digital technologies.

References

1. Makartsev A. A. Electoral law and process in Russia: a tutorial. Novosibirsk: Publishing house SibAGS, 2014.
2. <http://nabludatel.org>